

159.9
4-98

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ЧИРЧИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

(История психологии)

-13831/44-

ЎЗБЕКИСТОН RESPUBLIKASI O'LY TAILIM,
FAN VA INNOVATSIYALAR VAZIRLIGI
CHIRCHIQ DAVLAT PEDAGOGIKA UNIVERSITETI
AXBOROT RESURS MARKAZI

«HISTORY AND PAGE»
ТАШКЕНТ – 2022

Интеграция психологического знания — одна из актуальнейших проблем современной психологии, которая на сегодняшний день не имеет еще окончательного решения. В предлагаемой монографии в роли инструмента интеграции выступает новое направление в современной психологии — теоретическая психология. В книге представлены три аспекта данного направления: — методология психологического исследования (категории, законы и методологические принципы в психологии, теория, организация психологического исследования и интерпретация его результатов); междисциплинарный синтез знания о человеке (основные подходы, инструменты интеграции психологического знания, научные школы как инструмент интеграции, проблема математизации психологического знания); проблема психогеографии (аспекты, законы, проблема сознания).

Необходимость создания некоторой теоретической конструкции, в которой нашли бы место наиболее фундаментальные вопросы современной психологии, обусловлена состоянием психологии, для которого характерна избыточность эмпирического содержания и слабая его упорядоченность. Обычно такими вопросами занимается теоретический раздел любой науки.

теоретическая физика, теоретическая биология и др. Почему же нужна теоретическая психология?

Можно назвать, по крайней мере, четыре причины. Во-первых, это учет интересов общей психологии (требуется создание логической конструкции, которая упорядочила бы накопленный материал и сделала бы его обзорным). Во-вторых, учет интересов экспериментальной психологии (необходимо решающее правило и технология интерпретации вновь получаемого материала). В-третьих, психология как учебная дисциплина остро нуждается в появлении теоретической психологии, поскольку объем накопленного материала увеличивается лавинообразно, а сроки обучения остаются прежними. Наконец, в-четвертых, решение проблемы интеграции отечественной психологии в «мировой» психологический «поток» напрямую зависит от осознания себя, своей роли и своего места в этом потоке.

Книга предназначена для психологов, философов, биологов, студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ ПСИХОЛОГИИ	4
§ 1.1. Изучение истории психологии	4
§ 1.2. Влияние прошлого на настоящее	6
§ 1.3. Исторические сведения: реконструкция прошлого	8
§ 1.4. Контекстные факторы в психологии	14
§ 1.5. Персоналистические и натуралистические концепции истории науки	18
ГЛАВА II. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В РАННЕМ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКЬЯ	26
§ 2.1. Общий очерк развития античной психологической мысли	26
§ 2.2. Возрождения на природу психического	29
§ 2.3. Итоги развития античной психологической мысли	54
§ 2.4. Психологические идеи средневековой Средней Азии	57
§ 2.5. Психологические идеи средневековой Европы	60
§ 2.6. Духовная жизнь эпохи Возрождения	62
§ 2.7. Психологические аспекты обучения и развития детей в эпохи средневековья и Возрождения	64
ГЛАВА III. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ ЗАРУБЕЖОМ В XIX И XX ВЕКАХ	67
§ 3.1. Эмпиризм и ассоцианизм: знание и опыт	67
§ 3.2. Новая психология	74
§ 3.3. Структурализм	105
§ 3.4. Функционализм: предшествующее влияние	129
§ 3.5. Функционализм: возникновение и развитие	155
§ 3.6. Наследие функционализма: прикладная психология	187
Глоссарий	236
Список использованной литературы	237

ГЛАВА I ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ ПСИХОЛОГИИ

§ 1.1. Изучение истории психологии

Мы начинаем с парадокса, кажущегося противоречия, говоря, что психология - это одна из самых древних наук и одновременно одна из самых молодых. Нас всегда занимало собственное поведение, а размышления о человеческой природе составляли тысячи и тысячи философских и теологических работ. Уже в V веке до н. э. Платона, Аристотеля и других греческих мыслителей интересовали многие из тех проблем, над которыми и сегодня работают психологи: память, обучение, мотивация, восприятие, сны, патологии поведения. Несомненно, существует множество примитивное значение преемственность прошлого психологии и ее настоящее.

Хотя духовной преемственности психологии можно назвать многие науки древности, считается, что современный подход начал формироваться с 1879 года - чуть более ста лет назад.

Различие между современной психологией - центральной темой этой книги - и ее корнями - это вопрос не природы человека, а, скорее, тех методов, с помощью которых ее изучают. Исползуемый подход и методы исследования отличают современную психологию от более старой дисциплины, философии, заменяя собой становление психологии как отдельной, прежде всего, научной области знания.

До последней четверти XIX столетия философы изучали человеческую природу, основываясь на собственном, весьма ограниченном, опыте, с помощью размышлений, интуиции и обобщений. Перемены стали возможны, когда философы начали пользоваться средствами, которые уже успешно применялись в биологии и других естественных науках¹. Только когда исследователи уверились в надежности таких методов изучения человеческого разума, как тщательно контролируемое наблюдение и экспериментирование, психология стала отделяться от своих философских корней. Историки описывают этот переход от философской основы к научной как «величайшее изменение, когда-либо происходившее в психологии» (Sadwallader, 1992, p. 53).

Новой науке надо было развивать более точные и объективные методы исследования. Во многом история психологии - после ее выделения из философии - это история непрерывного оттачивания исследовательских методов с целью достижения большей объективности в изучении и решении проблем.

Стремясь понять те сложные спорные вопросы и предметы обсуждения,

¹ Sadwallader, T.C. (1975) Unique values of archival research. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 11, 27-33. статья о роли архивных исследований (независимые документы, дневники, переписка и записные книжки), расширяющих воздействие личности ученого на его идеи.

которые определяют современную психологию, за отправную точку следует взять XIX век - время, когда эта наука стала независимой дисциплиной с собственными теоретическими и экспериментальными методами исследования. Уже философы античности, Платон и Аристотель, интересовались теми проблемами, которые и сегодня не потеряли своей актуальности, но их методы исследования значительно отличались от тех, что используют психологи наших дней. Древние мыслители не были психологами в современном понимании. Поэтому мы коснемся их идей лишь в той мере, в какой они имеют непосредственное отношение к становлению современной психологии.

Идея о применимости методов физических и биологических наук к изучению психических явлений была унаследована и от философского мышления, и от психологических исследований XVII-XIX столетий. Именно тогда была подготовлена почва, из которой и произросла современная психология. Философы XIX века прокладывали путь экспериментальному подходу к изучению мышления, а психологи, независимо от них, приближались к решению тех же самых проблем с другой стороны. Психологи XIX века сделали решающий шаг к пониманию физических механизмов, лежащих в основе процессов мышления. Их научные методы отличались от собственно философских, но союз этих двух различных дисциплин - философии и психологии - породил новую сферу исследования, которая быстро обрела индивидуальность и силу.

Возникнув, новая область психологии стремительно развивалась, особенно в Соединенных Штатах, которые заняли и удерживают господствующую позицию в психологическом мире. Более половины психологов всего мира работают в США; огромное число специалистов из других стран побывало здесь, по крайней мере, на стажировке. Подавляющее большинство книг по психологии издано в Соединенных Штатах. Американская психологическая ассоциация (APA), некогда насчитывавшая лишь 26 членов, к 1930 году составляла 1100, а к 1995-му - более чем 100 тысяч человек².

Этот «демографический взрыв» среди психологов сопровождался взрывом информационным - появлением неслучайного количества исследований, научных докладов, теоретических статей, обзоров, книг, фильмов, компьютерных программ и т. п. Психологам, в рамках их узкой

² Voorslin, D. (1983) *The Discoverer*. New York: Random House, увлекательная книга о великих открытиях в истории человеческих знаний. Рассказ о том, как первооткрыватели и их сторонники борются за место в науке с догмами и мифами. Выход, C.E. (Ed.) (1985) *Points of view in the modern history of psychology*. Orlando, FL: Academic Press. Вопросы историографии (принципы и методы исторического исследования). О философских биологических и религиозных взглядах на силу контекстного воздействия (см. главу 14).

специализации, все труднее уследить за бурным развитием собственной науки.

Приумножились не только ряды практикующих врачей, исследователей, ученых и изданий специальной литературы, возросло также влияние психологии на нашу повседневную жизнь. Выполне возможно, что в определенной степени работа психологов воздействует на жизнь каждого человека - независимо от его возраста, занятий и интересов.

§ 1.2. Влияние прошлого на настоящее

Уже в 1911 году в университетах читали лекции по истории психологии, в наши же дни такой курс есть на большинстве психологических факультетов (McSoven, 1992); в отдельных случаях курс по истории психологии является обязательным для студентов³. Государственные органы образования в США настоятельно рекомендуют включать историю психологии в число предметов, обязательных для изучения на психологических факультетах (Hilgard, Leary, McGuire, 1991; Lloyd, Brewer, 1992; Matagazzo, 1990).

В этом отношении психология - наука уникальная, ведь на большинстве факультетов вовсе не преподают лекций по истории своей науки. Почему же психологи так интересуются ею? Одна из причин - это то, о чем мы упоминали ранее: многие вопросы, над которыми ученые размышляли сотни лет назад, актуальны и сегодня; в психологии - в отличие от других наук - очевидна преемственность предметов и методов изучения. Это означает, что психология имеет более ошутимую и живую связь с собственным прошлым, исследование которого психологи платают важным и нужным.

Интерес психологов к истории собственной науки оформился в отдельную сферу исследования: аналогично специалистам по социальной психологии, психофармакологии или психологии подростков есть и специалисты по истории психологии.

В 1965 году под редакцией психологов в США начал выходить «Журнал истории биовиоральных наук» (*Journal of the History of the Behavioral Sciences*). Тогда же в университете Акрона, штат Огайо, был основан Архив истории американской психологии - богатейшее собрание первоисточников, к которым теперь могли обращаться ученые. В 1966 году, в рамках APA, возник Отдел истории психологии (подразделение 26), а в 1969 году было основано Международное общество истории поведенческих и социальных наук (Общество Шверона), Дипломированных специалистов в

области истории психологии готовят в нескольких университетах США. Рост числа книг и статей, семинаров и конференций, появление новых архивов - все это говорит о том, какое важное место занимает история науки в курсе современной психологии.

Вы скажете: это довольно интересно, но почему я должен(на) изучать историю психологии? Посмотрите внимательно: во всей психологии не было ни одного подхода или определения, в отношении которых все представители этой науки высказывали бы полное единодушие. По поводу самого предмета изучения, профессиональной и научной специализации существует множество мнений, расхождений и даже разногласий.

Одни психологи сосредотачивают свое внимание на познавательных функциях, другие - на изучении подсознания, третьи работают над вопросами внешнего поведения или над биохимическими процессами, мышления. Современная психология включает множество дисциплин, которые, на первый взгляд, объединяют лишь интерес к поведению и природе человека и стремление выработать хоть сколько-нибудь единый научный подход.

Единственное, что связывает и вписывает в последовательный контекст эти разные сферы и подходы - это их история, развитие психологии как независимой дисциплины. Только изучая происхождение и развитие психологии, можно ясно увидеть, что сегодня она собой представляет. Знание истории упорядочивает и придает смысл в то, что кажется хаосом, прошлое выстраивается в перспективу, которая объясняет настоящее.

Психологи различных специальностей используют схожие методы, основанные на убеждении, что прошлое самым непосредственным образом воздействует на настоящее. Клинические психологи, например, пытаются понять нынешнее состояние своих пациентов, изучая их детство, те события жизни, которые могли заставить их вести себя или думать определенным образом. Собирая факты, клиницисты воссоздают эволюцию жизни пациентов, и нередко это приводит к объяснению возникших проблем. Психологи, изучающие поведение, также признают влияние прошлого на формирование настоящего. Они полагают, что поведение определяется предшествующими условиями жизни и укоренившимся опытом - иными словами, текущее состояние человека можно объяснить его прошлым.

Курс истории психологии объединяет все области исследования и все проблемы современной психологии. Он позволяет усунуть взаимосвязь между различными идеями, теориями и концепциями, позволяет понять, как отдельные звенья головоломки под названием психология выстраиваются в стройную картину. Историю психологии можно также представить как науку, изучающую происходящее, исследующую исторические события и опыт прошлого - что и делает психологию тем, чем она сегодня является.

Необходимо добавить, что история психологии - это и просто захватывающее повествование, где вы найдете драмы, трагедии, случаи подлинного героизма, революционных преобразований и даже кое-что о

³ Fustino, L. (1989) The new history of psychology/ In S. Cohen (Ed.) *The G. Stanley Hall lecture series* (vol.9, pp.5-34). Washington DC: American Psychological Association. Основываясь на анализе исторических фактов, автор обосновывает влияние конкретных факторов и показывает, как такой подход ведет к новому пониманию роли психологов-женщин в развитии науки.

сексе и наркотиках. Были и ошибки, и недоразумения, и заблуждения, но было и свободное развитие, результат которого - современная психология и весь ее богатейший опыт.

§ 1.3. Исторические сведения: реконструкция прошлого

Исторические факты - материал, который историки используют для воссоздания картины жизни, событий, эпох - заметно отличаются от данных науки. Главная отличительная особенность научных данных - это метод их получения. Когда психологи хотят, к примеру, определить, при каких условиях человек отказывается на белу другого, или как внедрение в жизнь программы усиления рефлексов влияет на поведение лабораторных крыс, или будут ли дети подражать агрессивному поведению теленков, они конструируют ситуации, создавая условия, при которых могут быть получены необходимые данные.

Можно провести лабораторные эксперименты, понаблюдать поведение объекта в реальной контролируемой ситуации, произвести изыскания или вычислить статистическую корреляцию между двумя переменными. Это позволяет ученому определенным образом выстраивать события, которые он хочет изучить. В свою очередь, другие ученые в другое время и в другом месте могут эти события восстановить или скопировать. Результаты сверяются при сопоставлении условий, одинаковых для первоначальных и повторных опытов.

Но данные истории нельзя восстановить или скопировать. Каждое событие произошло в определенное время в прошлом - возможно, столетия назад, и очевидцы могли и не записать в деталях развитие событий. «История не терпит компромиссов: с тем, что случилось однажды, уже ничего не поделаешь - вы не можете, когда захотите, перенести события прошлого в настоящее, чтобы изучить их развитие, причины и последствия... подобно тому, как вы исследуете в лаборатории равномерность научных утверждений»⁴ (Wertheimer. 1979. P. 1).

⁴ Bohan, J. S. (Ed.) (1992) *Seldom seen, rarely heard: Women's place in psychology*. Boulder, CO: Westview Press. Статья посвящена феминистской психологии и проблемам маргинализации женщин и женского опыта в науке.

Goodchilds, J. D. (1991) *Psychological perspectives on human diversity in America*. Washington, DC: American Psychological Association. Приводятся тексты отрывков лекций пяти выдающихся психологов, посвященные проблемам расы, этнического своеобразия, пола и сексуальных ориентаций.

Guthrie, R. V. (1976) *Even the rat was white: A historical view of psychology*. New York: Harper & Row. В книге рассматривается взгляд чернокожих ученых в развитии психологии в Америке.

Jones, R. L. (Ed.) (1991) *Black psychology* (3rd ed.). Berkeley, CA: Cobb & Henry. Работа посвящена изучению и пониманию поведения человека с различных позиций, выступавших как альтернатива европоцентризму.

Если исторический эпизод нельзя рассмотреть непосредственно, то как историки могут работать над ним? Какие данные они могут использовать для его описания? И как вообще можно знать, что случилось на самом деле? Даже если историки и не могут воспроизвести ситуацию, чтобы работать с соответствующими данными, это вовсе не означает, что достоверной информации вообще не существует. Факты истории доступны нам в виде фрагментов прошлого - свидетельства очевидцев, писем и дневников, фотографий и вещей, газет и прочих источников. Именно на основании этих данных историки пробуют воссоздать события и опыт прошлого.

Примерно так работают археологи с находками из прошлого - наконечниками стрел, обломками глиняных горшков или костями из курганов, - они пытаются воссоздать характерные черты исчезнувших цивилизаций. Иногда археологическим экспедициям удается найти хорошо сохранившиеся фрагменты, что дает возможность точнее реконструировать эпоху. Так же и с «раскопками» в истории - данные-фрагменты могут быть настолько значительными, что практически не оставляют сомнений в точности реконструкции.

Утранные или искаженные данные

Иногда исторические данные бывают неполными. Возможно, они были утеряны, или преднамеренно искажены учеными, движимыми собственными интересами, или неточно переведены с одного языка на другой. В истории психологии нам часто приходится восстанавливать историческую правду по неполным данным.

Случается, что в течение десятилетий исследователи даже и не догадывались о существовании важных личных документов знаменитых ученых. Буматы Германа Эббингауза, выдающегося исследователя памяти, были найдены в 1984 году, почти через 75 лет после его смерти. В 1983 году обнаружили десять больших коробок с рукописными дневниками основателя психофизики Густава Фехнера. Эти записи охватывают период с 1828 по 1879 год - время, очень важное в ранней истории психологии, а ведь более ста лет никто и не догадывался об их существовании. Авторы многочисленных книг о Фехнере и Эббингаузе не могли опираться в своей работе на эти важные первоисточники. Новые исторические находки означают, что можно поставить на место еще несколько звеньев головоломки.

Иногда факты могут быть намеренно искажены или скрыты от общественности - с тем, чтобы защитить репутацию людей, с ними связанных. Так, первый биограф Зигмунда Фрейда, Эрнест Джонс, уммышленно скрывший призрачные Фрейда к кокаину, признавался в одном из своих писем: «Боюсь, что Фрейд употребил больше кокаина, чем следовало, хотя я и не упоминаю об этом [в его биографии]» (Isbister. 1985. P. 35). Говоря о Фрейде (глава 13), мы увидим, что недавно обнаруженные

данные подтверждают, что он употреблял кокаин на протяжении длительного периода жизни. Джуонс решил, что он не может допустить, чтобы об этом узнали.⁵

Еще один случай подмены фактов открылся в связи с изучением жизни и деятельности одного из основоположников гештальт-психологии Вольфганга Келера (см. главу 12). «По прочтении этих бумаг, - пишет исследователь, - у меня сложилось впечатление, что они были тщательно отобраны с целью представить Келера в самом благоприятном свете. Там приводятся лишь исключительно благозвучные слова самого Келера и лестные отзывы о нем» (Levy. 1990. Р. 197). Этот эпизод иллюстрирует одну из трудностей, с которыми сталкиваются ученые в определении истинной ценности исторических материалов. Можно ли доверять документам или иным данным, отражающим факты, касающиеся жизни и работы человека? Не подтасованы ли факты так, чтобы создать некий - положительный или отрицательный - образ?

Вернемся к Зигмунду Фрейду. Он умер в 1939 году, но исследователи и издатели получили доступ к его личным бумагам и письмам только спустя многие годы. Обширное собрание личных документов хранится в Библиотеке Конгресса США, однако, по завещанию самого Фрейда, некоторые из них будут открыты только в следующем столетии. Известна и причина такой таинственности: воспринимать вмешательству в личную жизнь пациентов Фрейда и их семей, а, возможно, и самого Фрейда и его потомков.

Один из лучших биографов Фрейда обнаружил значительную разницу в датах разрешения на публикацию этих материалов (Sullivan. 1992). Например, одно из писем к Фрейду от его старшего сына закрыто до 2013 года, другое - до 2032. А письмо от одного из наставников Фрейда не может быть опубликовано до 2102 года. К тому времени пройдет приблизительно 177 лет после смерти этого человека, и это дает возможность предположить, что в письме записана какая-то «страшная тайна» (Sullivan. 1992. Р. 159).

Психологи не знают, как эти архивные документы повлияют на наше восприятие Фрейда и его работ. Быть может, они существенно изменят его, а, быть может, и нет. Однако, до тех пор, пока данные не доступны для

изучения, наши знания об одной из центральных фигур психологии остаются неполными, а возможно, и неточными.⁶

Ошибки при переводе

Еще одна проблема, с которой сталкиваются историки, касается информации, искаженной непредумышленно. Данные доступны, но они были каким-то образом изменены - возможно, из-за неосознанного перевода с одного языка на другой, или в силу небрежности, допущенной очевидцем событий.

За примером неадекватного перевода вновь обратимся к жизни и работам Фрейда. Многие психологи могут похвастаться хорошим знанием немецкого языка, чтобы читать Фрейда в оригинале. Большинство полтагется па переводчика, который подбирает наиболее подходящие, эквивалентные слова и фразы. Однако не всегда перевод слова точно соответствует значению, заложенному в него автором.

В фрейдовской теории личности три фундаментальных понятия: *id*, *ego* и *superego* - термины, с которыми вы знакомы. Но эти слова не отражают в точности идей Фрейда. Это - латинские эквиваленты немецких слов: *ego* - *Ich* (*Я*), *id* - *Es* (*Оно*) и *superego* - *Über-Ich* (*Сверх-Я*).

Используя термин *Ich* (*Я*), Фрейд хотел описать нечто очень внутреннее и личное, и отчётливо отделить его от *Es* (*Оно*), которое представляет собой силы, отличные от «Я» или даже чуждые ему. «Перевод личных местоимений [с немецкого] на латынь - "ego" и "id" - придают им оттенок холодных технических терминов, которые не пробуждают никаких личных ассоциаций» (Betts. 1982. Р. 53). Таким образом, различие между «Я» и «Оно» в английском переводе отражено не так, как в оригинале.

Рассмотрим термин Фрейда «свободная ассоциация». Здесь под словом «ассоциация» подразумевается проведение мысленной связи между одной идеей и другой - то есть подразумевается, что каждая из них действует как стимул для извлечения следующего звена цепи. Но Фрейд говорил о другом. Он использовал термин, который по-немецки звучит *Einfall*, что вовсе не означает ассоциацию. Буквально, это «вторжение» или «нашествие». Фрейд хотел подчеркнуть ту неустойчивость, с какой подосознание внедряется - можно сказать даже вторгается - в сознательную мысль человека.

Это примеры принципиального несоответствия с тем, что подразумевал Фрейд. Исторические данные - в данном случае, собственные слова Фрейда -

⁵ Gubrie, R. V. (1976) Even the rat was white: A historical view of psychology. New York: Harper & Row. В книге рассматривается вклад чернокожих ученых в развитие психологии в Америке.

Jones, R. L. (Ed) (1991) Black psychology (3rd ed.). Berkeley, CA: Cobb & Henry. Работа посвящена изучению и пониманию поведения человека с различных позиций, выступавших как альтернатива европоцентризму.

⁶ Gubrie, R. V. (1976) Even the rat was white: A historical view of psychology. New York: Harper & Row. В книге рассматривается вклад чернокожих ученых в развитие психологии в Америке.

Jones, R. L. (Ed) (1991) Black psychology (3rd ed.). Berkeley, CA: Cobb & Henry. Работа посвящена изучению и пониманию поведения человека с различных позиций, выступавших как альтернатива европоцентризму.

искажены в процессе перевода. Кратко об этом говорит итальянская поговорица: «Перевести - значит солгать» (Вагс, 1986, Р. 73). Полагаясь на переводы, историки должны иметь в виду, что данные, с которыми они работают, могут быть неточными или ошибочными. В 80-х годах Британское психоаналитическое общество рекомендовало пересмотреть традиционные переводы работ Фрейда, поскольку они лишь укореняли искаженное представление о его идеях⁷ (Holder, 1988).

Собственные интересы действующих лиц истории

Исторические факты могут быть представлены в ложном свете и непосредственными участниками событий. Люди могут - сознательно или неосознанно - описать виденное ими предвзято, с целью защитить себя, обелить или преувеличить свою роль в глазах обществу. Б. Ф. Скиннер, видный исследователь проблем человеческого поведения, пишет в своей автобиографии, что в 20-е годы - в бытность студентом Гарвардского университета - его отличала потрясающая самодисциплина.

Я просыпался в шесть утра и до заката читал, затем было время лекций и лабораторных занятий, после чего я шел в библиотеку, где работал вплоть до десяти вечера - причем все это всего с пятнадцатиминутными перерывами. Я никогда не ходил, ни в кино, ни в театры, изредка выезжал на концерты, у меня практически не было времени на романтические увлечения. Я читал книги по психологии и только по психологии. (Skinner, 1967, Р. 398.)

Кажется, что этот фрагмент дает нам информацию, очень важную для понимания характера Скиннера. Но через 12 лет после издания его автобиографии и спустя 51 год после описываемых событий Скиннер отрицал, что в студенческие годы вел жизнь спартаца. Что касается приведенного выше пассажа, он написал: «Я говорил скорее о желании, чем о действительном» (Skinner, 1979, Р. 5).

Хотя ученичество Скиннера и не имеет принципиального значения для истории психологии, сам факт наличия двух трактовок, принадлежащих главному действующему лицу, представляет определенные трудности для историков. Кака из версий является более точной? Кака из характеристик

ближе действительности? На каку из них повлияли капризы памяти или ее избирательный характер? И как нам узнать истину?

Возможно, в отдельных случаях найдутся свидетельства коллег или очевидцев. Если для историков психологии крайне важны сведения о годах, проведенных Скиннером в Гарварде, они могут попытаться разыскать его одноклассников или, по крайней мере, их дневники и письма, и сравнить их воспоминания о Скиннере-студенте с его собственными. Биограф Скиннера Дэниел Бьерк так и поступил (Bjork, 1993). Бывший одноклассник Скиннера рассказал Бьерку, что тот всегда раньше всех заканчивал лабораторные работы, остаток дня проводил, забавляясь игрой в пинг-понг.

Таким образом, иногда разрешить споры по поводу исторических несоответствий можно, обратясь к другим источникам. Подобный метод применялся в отношении трактовки некоторых случаев из жизни Зигмунда Фрейда в его собственном изложении. Фрейд любил изображать себя мучеником, принесяшим свое бренное тело на алтарь психоанализа; проводилем, постоянно презираемым и гонимым: тем, кого поносила традиционная медицина и психиатрия. Первый биограф Фрейда Эрнест Джонс, в своих книгах проповедовал именно этот образ⁸ (Jones, 1935, 1953, 1957).

Но недавно обнаруженные материалы говорят об обратном: работы Фрейда не очернялись и не игнорировались. К 1906 году его идеи владели умами молодых венских интеллектуалов. Клиническая практика Фрейда процветала, и, говоря современным языком, он даже был знаменитостью (Ellenberger, 1970). Факты извратили сам Фрейд, а несколько биографов эти искажения увековечили. Позже то впечатление, о создании которого он нека, было изменено, но в течение десятилетий - пока не нашлись новые данные - наше понимание жизни и влияния Фрейда было неточным.

Как же сказываются эти проблемы на изучении истории психологии? Прежде всего, они демонстрируют, что наше понимание истории имеет не статический, а динамический характер. С появлением новых данных оно изменяется и развивается, очищается и обогащается, а ложные представления рассеиваются. Историю нельзя считать законченной или полной, она всегда в движении, ей нет конца. Повествование истории может только приблизить нас к истине. Но с каждым годом, с каждой новой находкой и экспертизой история психологии становится все более полной.

⁷ Boonin, D. (1983) *The Discoverers*. New York: Random House, удивительная книга о великих открытиях в истории человеческих знаний. Рассказ о том, как первооткрыватели и их сторонники борются за место в науке с догмами и мифами. Buxton, C.E. (Ed.) (1985) *Points of view in the modern history of psychology*. Orlando, FL: Academic Press. Вопросы историографии (принципы и методы исторического исследования). О философских биологических и религиозных взглядах на силу контекстного воздействия (см. главу 14). Cadwallader, T.C. (1975) Unique values of archival research. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 11, 27-33. статья о роли архивных исследований (неизданные документы, дневники, переписка и записные книжки), раскрывающих воздействие личности ученого на его идеи.

⁸ Boonin, D. (1983) *The Discoverers*. New York: Random House, удивительная книга о великих открытиях в истории человеческих знаний. Рассказ о том, как первооткрыватели и их сторонники борются за место в науке с догмами и мифами. Buxton, C.E. (Ed.) (1985) *Points of view in the modern history of psychology*. Orlando, FL: Academic Press. Вопросы историографии (принципы и методы исторического исследования). О философских биологических и религиозных взглядах на силу контекстного воздействия (см. главу 14).

§ 1.4. Контекстные факторы в психологии

Психология развивается не в вакууме; она - часть большой культуры и поэтому подвержена не только внутренним влияниям, но и внешним, которые также формируют ее характер и направление. Понимание истории психологии предполагает рассмотрение контекста, в котором эта наука зарождалась и развивалась, - то есть идей, в разное время господствующих в науке (*Zeitgeist*⁹, или интеллектуальный «дух времени»), а также социальных, экономических и политических сил (Altman, 1987; Furlong, 1989).

В этой книге мы часто будем касаться вопросов о том, как контекстные силы воздействовали на психологию в прошлом и как продолжают затрагивать ее и сегодня. Пока же мы ограничимся приведением примеров трех таких сил: экономических возможностей, войн и предрассудков.

Экономический фактор

Начало XX века в Соединенных Штатах ознаменовалось изменениями как в работе психологов, так и в самой психологии. Возросли - в значительной степени из-за экономических факторов - возможности для применения психологических знаний и методов к проблемам реальной жизни. Объяснялось это практическими причинами. Как сказал один психолог, «я занялся прикладной психологией, чтобы заработать себе на жизнь» (H. HoUingworth, цит. по: O'Donnell, 1985, p. 225).

Хотя к концу XIX столетия число психологических лабораторий в США устойчиво возрастало, росло и число психологов, претендующих на рабочие места в этих лабораториях. На рубеже веков психологов с докторскими степенями было в три раза больше, чем лабораторий, в которые их могли нанять. К счастью, увеличивалось число преподавательских вакансий в новых университетах в западных штатах, но в большинстве этих учебных заведений психология, как сама юная из наук, получала минимум финансовой поддержки. В сравнении с дисциплинами, имевшими более прочное положение, - такими, как физика и химия, - психология неизменно отводилось последнее место в списке ежегодных ассигнований; на научно-исследовательские работы, лабораторное оборудование и жалованье преподавателям выделялись очень незначительные суммы.⁹

Психологи быстро поняли, что фундаментальная наука сможет развиваться, а бюджет и доходы расти только в том случае, если они убедят университетскую администрацию и законодателей, в чем ведении

находилось субсидирование, что психология может быть полезна в решении социальных, воспитательных и производственных проблем. Вскоре на факультеты психологии стали смотреть с точки зрения их практической ценности.

В то же время, в результате социальных перемен, в США появилась реальная возможность применять психологию на практике. Благодаря притоку иммигрантов и высокому уровню рождаемости в этой социальной группе государственное образование стало быстро растущей индустрией. Между 1890 и 1918 годами число зарегистрированных бесплатных средних школ выросло на 700 процентов - в стране строилось по одной школе в день. На образование тратилось денег больше, чем на военные и социальные программы вместе взятые.¹⁰

Многие психологи, воспользовавшись открывавшимися возможностями, искали пути применения своим знаниям в сфере образования. Так начиналась стремительная смена акцентов в американской психологии - от экспериментирования в университетских лабораториях к применению психологии к проблемам обучения, воспитания и другим практическим вопросам педагогики.

Фактор войны

Войны - это еще одна сила, которая способствовала формированию современной психологии. Опыт оказания психологической помощи военным в первой и второй мировых войнах ускорил развитие практической психологии и расширил ее влияние в таких областях, как кадровая политика, психологическое тестирование и прикладная психология. С/та работа продемонстрировала всему сообществу психологов и обществу в целом, насколько полезной может быть психология в решении проблем повседневной жизни.

Вторая мировая война изменила облик и судьбу психологии и в Европе - особенно в Германии, где зародилась экспериментальная психология, и в Австрии, на родине психоанализа. Многие выдающиеся психологи - среди них Фрейд, Адлер, Хорни, Эриксон, ведущие представители гештальт-психологии - в 30-х годах бежали от нацистской угрозы и почти все обосновались в Америке. Их вынужденная эмиграция знаменует заключительную стадию перемещения центра психологии из Европы в Соединенные Штаты.

Война также существенно повлияла на разрабатываемые теории и изыскания отдельных психологов. Наблюдая кровавую бойню первой мировой, Фрейд предположил, что агрессия является важной побудительной

⁹ *Zeitgeist* - общая интеллектуальная и культурная атмосфера, <дух времени>.

¹⁰ Furlong, L., (1989) The new history of psychology/ In S. Cohen (Ed.), *The G. Stanley Hall lecture series* (vol. 9, pp. 5-34). Washington DC: American Psychological Association. Основываясь на анализе исторических фактов, автор обосновывает влияние конкретных факторов и показывает, как такой подход ведет к новому пониманию роли психологов-женщин в развитии науки.

силой - такой же, как секс: это стало поворотным пунктом в его системе психоанализа. Основоложник неосвободизма Эрих Фромм, активно выступавший против вооруженной агрессии, впоследствии обратился к изучению такого проявления патологии поведения, как фанатизм, который охватил его родную Германию во время войны.

Предрасудки

Третий фактор - это предубеждение и дискриминация по признаку расы, религии и пола, которые многие годы влияли на судьбу тех, кто хотел посвятить себя психологии и работать по специальности. Десятилетиями афро-американцам был практически закрыт доступ в психологию и большинство сфер, которые требовали университетского образования. Шел уже 1940 год, а в Соединенных Штатах только четыре колледжа могли принимать на отделения психологии чернокожих студентов; единичны университеты допускали черных мужчин и женщин в аспирантуру. Между 1920 и 1966 годами даже на десяти самых передовых американских отделениях психологии только восемь афро-американцев смогли получить степень доктора наук.¹¹ Для сравнения: белых докторов наук по психологии за тот же период времени появилось более чем 3 700 (Gubrie, 1976).

Жертвами дискриминации становились и евреи. В конце XIX века были основаны два важных для ранней истории психологии научных центра - университет Джона Хопкинса в Балтиморе, штат Мэриленд, и университет Кларка в Ворчестере, штат Массачусетс. Руководство того и другого университета придерживалось политики, в результате которой с факультетов были уволены преподаватели-евреи. С середины XX века для евреев стали выделять специальные квоты на поступление в высшие учебные заведения. Даже тем из них, кто удостоивался докторской степени, очень трудно было получить работу в академических учреждениях. Джулиан Роттер, ведущий ученый по вопросам субъективных переживаний (см. главу 11), ставший доктором философии в 1941 году, вспоминал, что его «предупреждали, что евреи просто не могут получить работу в фундаментальной науке, какими бы талантами и степенями они ни обладали» (Rotter, 1982, P. 346). Вместо университета он начал свою профессиональную карьеру в психиатрической больнице штата.¹²

¹¹ Здесь и далее в тексте упоминается ученая степень доктора наук, которая в российской системе образования приблизительно соответствует степени кандидата наук и соответствующей области знания - Прим.перев.

¹² Sapiro, A. C. (1992) B. F. Skinner, *organism. American Psychologist*, 47, 1521-1530.

Проведение параллели между жизнью и идеями Скиннера и Дарвина. Skinner, B. F. (1953) *Science and human behavior*. New York: Free Press. В книге изложен скринерский подход к научному анализу человеческого поведения и его проявлениям в политике, религии и образовании.

Tolman, E. C. (1992) A new formula for behaviorism. *Psychological Review*, 29, 44-53. В статье высказывается предположение, что менее физиологический подход к биохимизму позволит физиологам осознать такие понятия, как мотивация и эмоции.

-1383/44-

В истории психологии мы то и дело встречаемся с примерами широко распространенного предубеждения против женщин. В частности, мы говорим о случаях, когда женщинам было отказано в поступлении в высшие учебные заведения или в приеме на работу. Но даже если женщине удавалось получить должность преподавателя, ее жалование было несравнимо ниже того, что платили мужчинам; кроме того, женщины постоянно сталкивались со всякого рода препятствиями в продвижении по службе и продлении срока пребывания в должности. Сандра Склар, профессор психологии в университете Виржинии, вспоминает, как проходило ее собеседование, когда в 1960 году она была абитуриенткой Гарвардского университета. Выдающийся теоретик социальной психологии Гордон Олпорт тогда сказал ей: «Мы с большой неохотой зачисляем на факультет девушек. Семьдесят пять процентов студентов высказывают замуж, рожают детей и уже больше никогда не возвращаются к учебе. А остальные двадцать пять все равно ничего ценного для науки не представляют» (Scarr, 1987, P. 26).

В фундаментальной и прикладной психологии работало совсем немного людей, представлявших те социальные группы, которые подвергались систематической дискриминации. Осознавая ненормальность такого положения вещей, ряд психологов предложили так называемую политику идентичности. Она определяется как «политика, представляющая собой попытку людей отстоять свои права, выразить свою идентичность путем обращения к собственному уникальному жизненному опыту и таким образом покончить с практикой дискриминации тех или иных социальных групп» (Sapirson, 1993, P. 1219).

К движению за политику идентичности примкнули те женщины, чернокожие, гомосексуалисты и этнические меньшинства из развивающихся стран, которые считают, что сегодня в психологии господствующее положение - притом, практически безраздельно - у человека белого, гетеросексуала, мужчины, европеоида. Недовольные такой ситуацией, они заявляют, что подобное представление о человеческой природе и поведении не только игнорирует их потребности и интересы, но и поддерживает господство и власть большинства. В главе 16 мы подробнее рассмотрим вопрос дискриминации в психологии.

Позже мы проанализируем и другие примеры воздействия экономических, политических и социальных сил на развитие современной психологии; и, таким образом, увидим, что историю психологии формировали не только идеи, теории и выдающиеся исследователи, но и влияние извне, которое практически нельзя контролировать.

§ 1.5. Персоналистические и натуралистические концепции истории науки

Для объяснения развития психологии можно использовать две теории: персоналистическую и натуралистическую.

Персоналистическая теория

В персоналистической теории истории науки упор делается на Персоналистическая монументальные достижения отдельных личностей. Согласно этой точке зрения движение вперед и перемены в науке приписываются непосредственно влиянию уникальных людей, способных в одиночку определять и изменять ход истории. По этой теории, Наполеон, Гитлер или Дарвин были главными движущими силами великих исторических событий. Персоналистическая концепция предполагает, что связанные с их именами события никогда не произошли бы без появления именно этих выдающихся людей. Наконец, сторонники этой теории утверждают, что человек «делает время».

На первый взгляд, кажется очевидным, что наука - это работа интеллектуалов, творцов, энергичных мужчин и женщин, которые определяют ее направление. Мы часто называем эру по имени человека, чьими открытиями, теориями или другими достижениями отмечен данный исторический период. Мы говорим о культуре «после Микеланджело» или о физике «после Эйнштейна». Все это свидетельствует о том, что благодаря отдельным людям в науке и культуре в целом происходят разительные (иногда - разрушительные) перемены, повораивающие ход истории.

Таким образом, в персоналистической теории есть доля истины. Но достаточно ли этого, чтобы в полной мере объяснить развитие науки или общества? Отнюдь. Часто работу ученых, философов, художников при жизни не замечают, подвергают гонениям, их заслуги признаются слишком поздно. Каждый такой случай говорит о том, что одобрение или отрицание идеи, похвала или презрение могут зависеть от культурной или духовной атмосферы времени. История науки изобилует примерами, когда новые теории и открытия не признавались современниками. Даже самые великие мыслители и изобретатели были ограничены *Zeitgeist*, то есть «духом времени». Образ мышления и насущные проблемы, в данный момент преобладающие в обществе, могут предопределить путь открытия. Идею, которую с восторгом воспримут столетием позже, в момент появления могут назвать странной или неортодоксальной. К сожалению, движение к прогрессу иногда бывает слишком медленным.

Натуралистическая теория

Итак, идея о том, что человек «делает время», не совсем верна. Вполне вероятно, что, как утверждает натуралистическая теория, наоборот, время «делает человека» - или, по крайней мере, предоставляет возможность самореализации того или иного человека. Если *Zeitgeist* и те социальные

силы, о которых мы говорили выше, не готовы к новой идее или новому подходу, то их гласса не услышат, засмеют или сведут в могилу; все зависит от «духа времени».

Натуралистическая теория - идея, согласно которой прогресс и изменения в научной истории зависят от «духа времени», *Zeitgeist*, который и делает людей восприимчивыми к одним идеям и невосприимчивыми к другим.

Согласно натуралистической концепции, если бы, например, Чарльз Дарвин умер в юности, то в середине XIX века кто-нибудь другой развил эволюционную теорию. Другой ученый предложил бы эволюционную теорию (хотя не обязательно точно такую же, как у Дарвина), потому что интеллектуальная атмосфера того времени была благоприятной для появления нового взгляда на происхождение человека. (Из главы 6 мы узнаем, что, действительно, в то же самое время предлагалась подобная теория.)

Тормозящее влияние *Zeitgeist* сказывается не только на общем культурном уровне, но и в рамках самой науки, где оно может быть даже ошутимее. Мы уже отмечали, что многие научные открытия, прежде чем их внедрили, в течение долгого времени оставались в забвении. Еще в 1763 году шотландский ученый Роберт Витт высказал идею об условных рефлексах, но тогда ею никто не заинтересовался. "Только более ста лет спустя, когда исследователями были освоены более объективные методы, российский физиолог И. П. Павлов, опираясь на наблюдения Витта и расширив их, заложил основы новой системы психологии. Таким образом, каждому открытию должно прийти свое время. Как известно, «ничто не ново под луной». «Какой-нибудь ученый откроет хорошо известное явление как новое, просто потому, что никто не обратил на него внимания раньше»¹³ (Gazzaniga. 1988. P. 231).

¹³ Boonstin, D. (1983) *The Discoverers*. New York: Random House, увлекательная книга о великих открытиях в истории человеческих знаний. Рассказ о том, как первооткрыватели и их сторонники борются за место в науке с дотмами и мифами. Виттон, С.Е. (Ed.) (1985) *Points of view in the modern history of psychology*. Orlando, FL: Academic Press. Вопросы историографии (принципы и методы исторического исследования). О философских биологических и религиозных взглядах на силу контекстного воздействия (см. главу 14).

Sidwallad, T.C. (1975) Unique values of archival research. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 11, 27-33. статья о роли архивных исследований (неизданные документы, дневники, переписка и записные книжки), раскрывающих воздействие личности ученого на его идеи.

Furth, L. (1989) The new history of psychology/ In S. Cohen (Ed.), *The G. Stanley Hall lecture series* (vol. 9, pp. 5-34). Washington DC: American Psychological Association. Основываясь на анализе исторических фактов, автор обосновывает влияние конкретных факторов и показывает, как такой подход ведет к новому пониманию роли психологов-женщин в развитии науки.

Случаи одновременно сделанных одних и тех же открытий подтверждают натуралистическую концепцию научной истории. Нередко похожие открытия делались людьми, работавшими в географическом удалении друг от друга, которые даже не подозревали о том, что где-то ведутся параллельные изыскания в той же области. Так, в 1900 году сразу три незнакомых друг с другом исследователя повторили - случайно - работу австрийского ботаника Грета Менделя, чьи работы по генетике практически игнорировались в течение 35 лет.

Наличие в науке некоей доминирующей теории может препятствовать обсуждению новых точек зрения. Порой большинство ученых так горячо поддерживают какую-то теорию или подход, что подавляются, душатся любые ростки нового. Господствующая концепция может определять пути организации и обработки информации, то, результаты каких исследований допускаются к публикации в научных журналах, а какие не допускаются. Если результаты противоречат принятым взглядам - причем это касается не только революционных идей, но даже просто необычных интерпретаций, - то выступающие в качестве цензоров редакторы журналов могут либо отклонить их, либо представить в недопустимо упрощенном виде.

Как раз такой случай произошел в 70-х годах нашего столетия, когда психолог Джон Гарсия попытался опубликовать результаты своего исследования, которые подвергли сомнению господствующую «S-R» (стимул-реакция) теорию научения. Ведущие журналы отказались принять его статьи - даже, несмотря на то, что, по общему мнению, работа была выполнена на высоком уровне и уже получила профессиональное признание и престижные научные награды. В конечном итоге Гарсия издал свои труды в менее известных журналах, что задержало распространение его идей (Lubeck & Arfelbaum, 1987).

Zeitgeist может оказывать тормозящее действие и на определение предмета научных исследований. В последующих главах мы поговорим о существовавшей ранее в научной психологии тенденции фокусировать внимание на вопросах сознания и субъективных аспектах человеческого природу. И если до 20-х годов нашего века говорили, что психология «постоянно терзает сознание», то позднее с полным правом можно было сказать, что она его совершенно потеряла! Но полстолетия спустя, когда переменылись «дух времени», психология вновь обратилась к исследованию проблем сознания.

Ситуация станет понятнее, если мы проведем аналогию с эволюцией видов. И наука, и живые организмы изменяются в ответ на требования условий окружающей среды. Что произойдет с отдельным видом с течением времени? Если в окружающей среде в основном сохраняется равновесие, то практически ничего. Но если равновесие пошатнется, вид должен приспособиться к новым условиям или исчезнуть.

Точно так же существует и наука в контексте окружающей среды, на которую она определенным образом реагирует. Однако среда науки,

Zeitgeist, - скорее не физическая, а духовная. Но и «дух времени», подобно физической среде, подвержен изменениям.

Этот эволюционный процесс очевиден на протяжении всей истории психологии. Когда Zeitgeist благоволил размышлениям, созерцанию и интуиции в качестве путей постижения истины, то и психология одобряла подобные методы. Позже интеллектуальный <дух времени> диктовал применение таких подходов, как наблюдение и эксперимент, и психология обратилась именно к ним. Когда на заре XX века стало очевидным наличие двух различных ветвей в рамках психологии, это стало началом развития двух отдельных разновидностей психологии. С эмпирической немецких психологов в Соединенные Штаты сама «немецкая» психология изменилась и приобрела самобытную «американскую окраску» - при том, что в Германии психология развивалась своим путем.

Мы уделили много внимания «духу времени», Zeitgeist, что не отрицает важности персоналистической концепции для истории науки, огромной роли великих ученых. И все же следует рассматривать их вклад в науку с иной позиции. Сила гения Чарльза Дарвина или Марии Кюри не меняется в одиночку ход истории. Они были способны на это только потому, что почва для преобразований была уже подготовлена - и это истинно для каждой из ключевых фигур в истории психологии.

Думается, что для рассмотрения развития психологии в историческом аспекте следует сочетать оба подхода - персоналистический и натуралистический - хотя, по нашему мнению, Zeitgeist имеет преобладающее значение. Идеи, слишком далекие от господствующей в данную эпоху общей атмосферы, практически обречены на забвение. Любое индивидуальное творчество скорее похоже на призму, пройдя через которую, свет современной общественной мысли рассеивается или становится ярче, чем маяк, - но, так или иначе, все они освещают дорогу человечеству.

Психологическая школа - группа ученых, разделяющих теоретическую ориентацию и работающих над общими проблемами; их имена связаны с определенной системой идей.

Психологические школы

В первые годы развития психологии как отдельной научной дисциплины - а точнее, в последней четверти XIX столетия - огромное влияние на нее оказал Вильгельм Вундт, немецкий физиолог, у которого были четкие представления о том, какую форму эта новая наука - его новая наука - должна обрести (см. главу 4). Он определил цели, предмет, методы и темы исследований - естественно, под воздействием своего времени и господствующего в ту пору течения в философии и психологии. Но как бы то ни было, именно Вундт, как провозвестник духа того времени, объединил различные философские и научные направления мысли. В течение некоторого времени психология формировалась, главным образом, под его

влиянием.

Вскоре ситуация изменилась. Среди все возрастающего числа психологов возникли противоречия. В других науках и культуре в целом выдвигались новые идеи. Как отражение этих новых веяний, некоторые психологи выразили несогласие с концепцией Вундта и предложили собственное видение психологии. Таким образом, к 1900 году между несколькими научными системами и школами мышления существовали непримиримые отношения. В сущности, речь шла о различных определениях природы психологии.

Термин психологическая школа в рамках психологии подразумевает группу психологов, связанных идейно, а иногда и территориально, с лидером научного направления. Как правило, представители одной школы разделяют теоретическую или систематическую платформу и работают над близкими проблемами. Появление различных психологических школ, их последующий упадок и замена другими - одна из поразительных черт истории психологии.

Та стадия в развитии науки, когда она еще разделена на отдельные школы, называется допарадигматической (Kuhn, 1970). (Парадигма, то есть модель или образец, является общепринятым - в рамках научной дисциплины - способом размышления, который в течение некоторого времени для исследователей данной области определяет и основные вопросы, и основные ответы.) Наука достигает зрелости, то есть высокой стадии развития, когда она больше не делится на различные школы: когда большинство ученых едины в вопросах принятия основных теорий и методов. На этой стадии развитие научной области определяется некой моделью, общей парадигмой - больше нет соперничающих фракций.

Действие парадигмы можно увидеть на примере истории физики. В течение примерно 300 лет физика носила имя Галилея и Ньютона, все физические изыскания того времени проводились фактически в рамках созданной ими системы. Но парадигмы могут меняться, как только большинство теоретиков и практиков принимает новый взгляд на предмет и методы изучения. В физике это случилось, когда система Эйнштейна заменила модель Галилея/Ньютона. Эту смену одной парадигмы другой можно назвать «научной революцией» (Kuhn, 1970).

Психология еще не достигла парадигматической стадии. На протяжении всей истории психологии исследователи находились в поиске - ищут, анализируют, отвергают разные научные определения. Ни одна из систем или точек зрения не смогла объединить все существующие платформы. Пионер когнитивной психологии Джордж Миллер (см. главу 15) И при этом, по всей видимости, нет никакого фундаментального научного принципа, сопоставимого с законами Ньютона или эволюционной теорией Дарвина» (Miller, 1985, p. 42).

Если психологи и могут быть в чем-то единодушны, так это в том, что «сегодня психология еще более неоднородна, чем сто лет назад, и кажется,

будто мы как никогда далеки от того, что хоть сколько-нибудь напоминало бы согласие относительно характера психологии» (Evans, Sexton, Sidwallader, 1992, p. XVI). Такую точку зрения разделяют многие психологи. «В конце [XX] столетия, нет никакой единой системы, никаких единых принципов для определения психологической дисциплины и ведения исследований» (Chiesa, 1992, p. 1287). «Психология... представляет собой не единую дисциплину, но собрание нескольких различных ветвей» (Kosh, 1993, p. 902). «Американская психология разделена на враждующие фракции» (Leahey, 1992, p. 308). Психологическая наука состоит из групп, каждая из которых «цепляется» за собственную теоретическую и методологическую платформу, и подходит к изучению человеческой природы, вооружившись собственными методами, пользуясь собственной терминологией, журналами и прочими атрибутами своей школы¹⁴.

Каждая из ранних психологических школ была движением протеста, несомненно против господствующей системы взглядов. Представители каждого течения громко заявляли об очевидной слабости старой системы и предлагали исправить ситуацию с помощью новых определений, концепций и строгих исследований. Когда новой школе мышления удавалось привлечь внимание научного сообщества, предыдущая платформа тут же отвергалась. Обе стороны яростно отстаивали свои позиции: то и дело возникали конфликты между старой и новой школой.

Ведущие теоретики старшей школы редко становились убежденными сторонниками новой системы. Обычно это были седовласые мужи, умом и сердцем глубоко преданные своим взглядам; им было просто, а то и поздно меняться. Более молодые и менее горячие сторонники старшей школы, напротив, часто увлекались новыми идеями и становились последователями нового учения, оставляя «стариков» с их традициями и работой в почти полном забвении.

¹⁴ Boonstin, D. (1983) *The Discoverers*. New York: Random House, увлекательная книга о великих открытиях в истории человеческих знаний. Рассказ о том, как первооткрыватели и их сторонники борются за место в науке с догмами и мифами.

Никсон, С.Е. (Ed.) (1985) *Points of view in the modern history of psychology*. Orlando, FL: Academic Press. Вопросы историографии (принципы и методы исторического исследования). О философских биологических и религиозных взглядах на силу контекстного воздействия (см. главу 14).

Sidwallader, T.C. (1975) *Unique values of archival research. Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 11, 27-33. статья о роли архивных исследований (неизданные документы, дневники, переписка и записные книжки), раскрывающих воздействие личности ученого на его идеи.

Putnam, L. (1989) *The new history of psychology*. In S. Cohen (Ed.), *The G. Stanley Hall lecture series* (vol. 9, pp. 5-34). Washington DC: American Psychological Association. Основываясь на анализе исторических фактов, автор обосновывает влияние конкретных факторов и показывает, как такой подход ведет к новому пониманию роли психологов-женщин в развитии науки.

Немецкий физик Макс Планк писал, что «новая истина в науке одерживает победу не потому, что ее оппоненты «прозревают», а скорее потому, что все они в конечном счете умирают, а новому поколению знакома только новая система» (Planck. 1949. P. 33). «Как было бы хорошо, - говорит Чарльз Дарвин в письме к другу, - если бы каждый, кто имеет отношение к науке, умирал в возрасте шестидесяти лет, ведь потом уже приходится только отбиваться от всех новых доктрин» (цит. по: Boonstin. 1983. P. 468).

В истории психологии существовали самые разные школы, и каждая из них выступала против предшествующей. Новые течения использовали старших оппонентов как объекты для критики и импулс для собственного развития. Представители каждой школы громоздило отмежевывались от предыдущей теоретической системы. По мере того, как новое течение крепло, обретало сторонников и влияние, уже выдохнувшаяся новая оппозиция, и процесс противостояния начинался заново. Что некогда было просто изысканиями, становилось агрессивной революцией, венчалось успехом, устанавливало традиции - и затем отступало под энергичным напором следующего молодого движения. Успех, состояние покоя ослабляют. Прогресс питает противоборство. Как только оппозиция повержена, страсть и рвение некогда нового движения умирают.

Господство по крайней мере некоторых из психологических школ было лишь временным, но важную роль в развитии психологии сыграли практически они все. Это влияние прослеживается и в современной психологии, хотя сегодня раскол в ней мало напоминает предыдущие, так как новые доктрины вновь заменили старые. Функцию психологической школы можно сравнить со строительными лесами (Neidreder. 1933). Нельзя возвести высокое здание без лесов, и все же по окончании строительства их разрушают - за ненадобностью. Точно так же структура сегодняшней психологии была построена в рамках структуры сегодняшней психологии (лесов) предшествующих психологических школ.

Именно с точки зрения исторического развития различных психологических школ можно лучше всего понять прогресс психологии. Огромный вклад в нее внесли великие ученые - мужчины и женщины, - но значение их трудов более явственно, когда рассматривается в контексте идей, которые им предшествовали, их корней и тех исследований, которые за ними последовали.

Гlossарий

Структурализм - система Титченера, согласно которой психология имеет дело с социальным, зависимым от индивидуального опытом.

Функционализм - направление в психологии, ориентированное на изучение роли разума в адаптации организма к окружающей среде.

Бихевиоризм - сформулированная Уотсоном наука о поведении, исследовавшая только очевидные поведенческие акты, которые могут быть описаны объективно.

Гентилит-психология - направление в психологии, в значительной степени ориентированное на обучение и восприятие, выдвинувшее в качестве основного принципа тот факт, что объединение психологических элементов производят некое новое качество, которое не сводится к свойствам отдельных элементов.

Персоналистическая теория - идея, согласно которой прогресс и изменения в научной истории связаны с деятельностью выдающихся личностей

Натуралистическая теория - идея, согласно которой прогресс и изменения в научной истории зависят от «духа времени». Zeigler, который и делает людей восприимчивыми к одним идеям и невосприимчивыми к другим.

Психологическая школа - группа ученых, разделяющих теоретическую ориентацию и работающих над общими проблемами: их имена связаны с определенной системой идей.

Zeigler - общая интеллектуальная и культурная атмосфера, <дух времени>.

Вопросы для обсуждения

1. Что дает право утверждать, что психология - одна из старейших академических дисциплин, но одновременно и одна из самых молодых? Объясните, почему современная психология принадлежит XIX, и XX векам.
2. В чем ценность изучения истории психологии?
3. Чем данные истории отличаются от научных данных? Приведите примеры искажения исторических данных.
4. Расскажите о контекстных силах, которые повлияли на развитие современной психологии?
5. Опишите различия между персоналистической и натуралистической концепциями научной истории. Какой подход подтверждается случаями одновременного открытия?
6. Что такое Zeigler? Как Zeigler влияет на развитие науки? Сравните развитие науки с эволюцией видов.
7. Что понимают под термином «психологическая школа»? Достигла ли психологическая наука парадигматической стадии развития? Почему «да» или «нет»?

ГЛАВА II РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В РАННЕМ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

§ 2.1. Общий очерк развития античной психологической мысли

С древнейших времен происходило взаимодействие культур: идеи и духовные ценности, сложившиеся в недрах одной культуры, оказывали воздействие на другие. Поэтому особенности древнегреческой цивилизации не должны рассматриваться изолированно от достижений Востока.

Это относится и к античной философии, охватившей всю совокупность научных взглядов. Зарождение ее было обусловлено коренными изменениями в материальной жизни людей, своеобразной "промышленной революцией", связанной с переходом от бронзы к железу в сфере производства.

Широкое применение в производстве получает рабский труд. Происходит интенсивный рост торгово-ремесленных элементов, возникают полисы (города-государства), ремесло отделяется от сельского хозяйства. Широко развернувшаяся классовая борьба между старой аристократией и новыми социальными группами привела к установлению нового типа рабовладельческого общества — рабовладельческой демократии.

Радикальные общественные изменения, развитие товарно-денежных отношений, быстрое расширение экономических связей, установление морского гегемонии — все это произвело глубокие преобразования в жизни и сознании древних греков, от которых новые обстоятельства требовали предпринимчивости, энергии, инициативы. Расшатываются прежние верования и легенды, быстрыми темпами идет аккумуляция положительного знания — математического, астрономического, географического, медицинского. Укрепляются критический склад ума, стремление к самостоятельному логическому обоснованию мнений. Мысль индивида устремляется к высоким обобщениям, охватывающим мироздание в едином образе. Появляются первые философские системы, авторы которых берут за первооснову мира, рождающую все неисчерпаемое богатство явлений, тот или иной вид материи: воду (Фалес), неопределенное бесконечное вещество "апейрон" (Анаксимандр), воздух (Анаксимен), огонь (Гераклит).

Возникает не только новая картина мира, но и новая картина человека. Индивид выводится из-под власти мифологических существ, обитающих на Олимпе. Перед ним открывается перспектива постижения законов бытия посредством наблюдения и логической работы ума. Принимая решение, индивид уже не мог полагаться на сверхъестественные силы. Ему оставалось руководствоваться собственным планом, ценностью которого определялась степень близости к миропорядку.

Гераклитовы идеи о неразрывной связи индивидуальной души с космосом, о процессуальном характере (течении, изменении) психических состояний в единстве с допсихическими, о различных, переходящих один в

другой уровнях душевной жизни (зачатки генетического подхода), о полноте всех психических явлений непреложным законом материального мира навсегда вписались в ткань научно-психологического знания.

Новые учения возникают не в континентальной Греции с ее земледельческим укладом, а в греческих колониях на побережье Малой Азии: в Милете и Эфесе — крупнейших торгово-промышленных и культурных центрах того времени. С угрозой этим центрам политической самостоятельности восток древнегреческого мира перестает быть средоточием философского творчества. Им становится запад. Возникают учения Парменида (конец VI века до н.э.) в Элее и Эмпедокла (490–430 гг. до н.э.) в Агригенте на острове Сицилия, распространяется философия полуифического Пифагора с острова Самос.¹⁵

После греко-персидских войн (V век до н.э.) экономический подъем и развитие демократических институтов способствовали новым успехам философии и науки. Наиболее крупные из них связаны с деятельностью Демокрита из Абдера, создавшего атомистическую теорию, Гипократа с острова Кос, воззрения которого на организм имели значение не только для медицины, но и для философии, Анаксатора — уроженца Клазомен, который, прийдя в Афины, учил, что природа построена из мельчайших материальных частиц — "томеомерий", упорядочиваемых внутренне присущим ей разумом.

Афины в V веке до н.э. — центр интенсивной работы философской мысли. В этот же период раз вернулась деятельность "учителей мудрости" — софистов. Их появление было обусловлено расцветом рабовладельческой демократии. Возникли учреждения, участие в которых требовало красноречия, образованности, искусства доказывать, опровергать, убеждать, т.е. эффективно воздействовать на соплемятин не внешним принуждением, а путем влияния на их интеллект и чувства. Софисты за плату обучали этим умениям.

Против софистов, доказавших относительность и условность человеческих понятий и установлений, выступил Сократ, который учил, что в понятиях и ценностях должно быть общее, неизбывное содержание.

Два великих мыслителя IV века до н.э. — Платон и Аристотель — создали системы, которые на протяжении многих веков оказывали глубокое влияние на философско-психологическую мысль человечества.

С возвышением Македонии (IV век до н.э.) создается грандиозная империя, после распада которой начинается новый период — эллинистический. Для него характерны укрепление тесных связей между греческой культурой и культурой народов Востока, а также расцвет в некоторых эллинистических центрах (особенно в Александрии) опытного и

¹⁵ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с.

точного знания. Основные философские школы этого периода были представлены перипатетиками — последователями Аристотеля, эпикурецами — последователями Эпикура (341–270 гг. до н.э.) и стоиками.¹⁶ Философским учениям эллинистического периода свойственна сосредоточенность на этических проблемах. Положение личности в обществе коренным образом изменилось. Свободный грек утрачивал связь со своим городом-полисом и оказывался в водовороте бурных событий. Его положение в изменившем мире становилось непрочным, что породило индивидуализм, идеализацию образа жизни мудреца, неподвластного якобы игре внешних стихий.

Росло недоверие к познавательным способностям человека. Возник скептицизм, родоначальник которого, Пиррон, проповедовал полное безразличие ко всему существующему ("атараксия"), отказ от деятельности, воздержание от суждений о чем бы то ни было. В идеологическом плане учения стоиков, эпикурейцев, скептиков утверждали покорность индивиду по отношению к военным рабовладельческим монархиям, возникшим после распада империи Александра Македонского. Мудрость усматривалась не в том, чтобы познать природу вещей, а в том, чтобы вырабатывать правила поведения, позволяющие сохранить невозмутимость в круговороте социально-политических и военных потрясений.

Вместе с тем появляются новые центры культуры, где взаимодействуют различные течения западной и восточной мысли. Среди этих центров выделялась Александрия (в Египте), где были созданы в III веке до н.э. при Птоломеях библиотека и Мусей.

Мусей представлял по существу исследовательский институт с лабораториями, комнатами для занятий со студентами, ботаническим и зоологическим садами, обсерваторией. Здесь был проведен ряд важных исследований в области математики (Эвклид), географии (Эратосфен), механики (ссюда привезжал из Сиракуз Архимед), анатомии и физиологии (Герофил и Эразистрат), траматик, истории и других дисциплин. Нарастает специализация научного труда, складываются объединения лиц, занятых научной деятельностью (научные школы). Совершенствование техники анатомических исследований ведет к ряду открытий, важных не только для медицины, но и для психологии.

Древний Рим, развитие культуры которого непосредственно связано с достижениями эллинистического периода, выдвинул таких крупнейших мыслителей, как Лукреций (I век до н.э.) и Гален (II век н.э.).

Позднее, когда восстания рабов и гражданские войны начали сотрясать Римскую империю, широкое распространение получили взгляды, враждебные материализму и опытному изучению природы.¹⁷ (Плотин,

¹⁶ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с.

¹⁷ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с.

неоплатонизм).

§ 2.2. Воззрения на природу психического

Анимизм. В родовом обществе господствовало мифологическое представление о душе. Каждая конкретная чувственно воспринимаемая вещь наделялась сверхъестественным двойником — душой (или многими душами). Такой взгляд называется анимизмом (от лат. "анима" — душа). Окружающий мир воспринимался как зависящий от произвола этих душ. Поэтому первоначальные воззрения на душу относятся не столько к истории психологического знания как такового (в смысле знания о психической деятельности), сколько к истории общих воззрений на природу.

Сдвиги в понимании природы и человека, совершившиеся в VI веке до н.э., стали поворотным пунктом в истории представлений о психической деятельности.

Труды древнегреческих мудрецов привели к революционным изменениям в представлениях об окружающем мире, начало которых было связано с преодолением древнего анимизма.¹⁸

Анимизм — вера в скрытый за видимыми вещами сонм духов (душ) как особых "агентов" или "призраков", которые покидают человеческое тело с последним дыханием (например, по мнению философа и математика Пифагора) и, будучи бессмертными, вечно странствуют по телам животных и растений. Древние греки называли душу словом "псюхе", которое и дало имя нашей науке. В нем сохранились следы из начального понимания связи жизни с ее физической и органической основой (ср. русские слова: "душа, дух" и "дышать", "воздух").

Интересно, что уже в ту древнейшую эпоху люди, говоря о душе ("псюхе"), связывали между собой явления, присущие внешней природе (воздух), организму (дыхание) и психике (в ее последующем понимании), хотя, конечно, в житейской практике они прекрасно различали эти понятия. Знакомая с представлениями о человеческой психологии по древним мифам, нельзя не восхищаться тонкостью понимания людьми богов, наделяемых коварством или мужеством, мстительностью или великодушием, завистью или благородством — всеми теми качествами, которые творцы мифов познали в земной практике своего общения с ближними. Эта мифологическая картина мира, где тела заселяются душами (их "двойниками" или призраками), а жизнь зависит от настроения богов, веками царил в общественном сознании.

Глиозизм. Принципиально новый подход выразило сменявшееся анимизм учение о всеобщей одушевленности мира — глиозизм, в котором природа осмысливалась как единое материальное целое, наделяемое жизнью. Решительные изменения произошли первоначально не столько в

¹⁸ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с.

фактическом составе знания, сколько в его общих объяснительных принципах. Те сведения о человеке, его телесном устройстве и психических свойствах, которые создали древнегреческие философы и науки почерпнули в учениях мыслителей древнего Востока, воспринимались теперь в контексте нового, освобождавшегося от мифологии миропонимания¹⁹.

Гераклит: душа как "искорка Логоса". Гипозонсту Гераклиту (конец VI — начало V века до н.э.) космос представлялся в виде "вечно живого огня", а душа ("психея") — в виде его искорки. Таким образом, душа включена в общие закономерности природного бытия, развиваясь по тому же закону (Логосу), что и космос, который один и тот же для всего сущего, не создан никем из богов и никем из людей, но который всегда был, есть и будет "вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим".

С именем Гераклита связано и выделение не скольких ступеней в процессе познания окружающего мира. Отделив деятельность органов чувств (ощущения) от разума, он дал описание результатов познавательной активности человека, доказывая, что ощущения дают "темное", мало дифференцированное знание, в то время как результатом мыслительной деятельности является "светлое", отчетливое знание. Однако чувственное и разумное познание не противопоставляются, но гармонически дополняют друг друга, как "многознание" и "ум". Гераклит подчеркивал, что "многознание не научает уму", но в то же время ученый, философ должен знать многое, чтобы составить правильное представление об окружающем мире. Таким образом, разные стороны познания у Гераклита — это взаимно связанные гармонизирующие противоположности, помогающие проникновению в глубину Логоса.

Он также впервые указал на разницу между душой взрослого человека и ребенка, так как, с его точки зрения, по мере взросления душа становится все более "сухой и горячей". Степень влажности души влияет на ее познавательные способности: "сухое сияние — душа мудрейшая и наилучшая", говорил Гераклит, а потому ребенок, у которого более влажная душа, мыслит хуже, чем взрослый человек. Точно так же "пыльный штатгетс и не замечает, куда он идет, ибо душа у него влажная". Так Логос, который правит круговоротом вещей в природе, управляет и развитием души и ее познавательных способностей.

Термин "Логос", введенный Гераклитом, со временем приобрел великое множество смыслов, но для него самого он означал закон, по которому "все течет", явления переходят друг в друга. Малый мир (мирокосмос) отдельной души идентичен макрокосму всего миропорядка. Следовательно, постигать себя (своего "психею") — значит углубляться в закон (Логос), который придает непрерывно текущему ходу вещей динамическую

гармонию, сотканную из противоречий и катаклизмов. После Гераклита (его называли "темным" из-за трудности понимания и "плавающим", так как будучи человеком он считал еще страшнее настоящего) в запас средств, позволяющих читать "книгу природы" со смыслом, вошла идея закона, который правит всем сущим, в том числе — безостановочным течением тел и душ, когда "нельзя дважды войти в одну и ту же реку".

Демокрит: душа — поток огненных атомов. Идея Гераклита о том, что от закона Логоса зависит ход вещей, получила развитие у Демокрита (ок. 460-370 гг. до н.э.).

Демокрит родился в городе Абдеры, в знатной и обеспеченной семье. Его родители постарались дать ему самое лучшее образование, однако Демокрит считал необходимым предпринять несколько длительных путешествий, чтобы получить необходимые для себя знания не только в Греции, но и в других странах, прежде всего в Египте, Персии и Индии. На эти путешествия Демокрит потратил почти все деньги, оставленные ему родителями, а потому, когда он вернулся на родину, его сограждане посчитали его виновным в расстрате со стояния и назначили судебное заседание. Демокрит должен был оправдать свое поведение или навсегда покинуть родной дом. В свое оправдание Демокрит, доказывая согражданам пользу полученных им знаний, прочитал народному собранию свою книгу "Большой мирострой" (которая, по мнению современников, была его лучшим произведением). Сограждане сочли, что деньги были им потрачены с пользой. Демокрита не только оправдали, но и вручили ему большую денежную награду, а также воздвигли медные статуи в его честь.²⁰

К сожалению, сочинения Демокрита дошли до нас только в отрывках. Основу его теории составляет концепция, согласно которой весь мир состоит из мельчайших, невидимых глазом частиц — атомов. Атомы отпочковываются друг от друга формой, порядком и поворотом. Человек, как и вся окружающая природа, состоит из атомов, образующих его тело и душу. Душа также материальна и состоит из мелких круглых атомов, наиболее подвижных, ибо они должны сообщить активности инертному телу. Таким образом, с точки зрения Демокрита, душа является источником активности, энергии для тела. После смерти человека душа рассеивается в воздухе, а потому смертно не только тело, но и душа.

Демокрит считал, что душа находится в голове (разумная часть), в груди (мужественная часть), в печени (вожделеющая часть) и в органах чувств. При этом в органах чувств атомы души находятся очень близко к поверхности и могут соприкасаться с микроскопическими, невидимыми глазу копиями окружающих предметов (эйдонами), которые несутся в воздухе, попадая в органы чувств. Эти копии отделяются (истекают) ото всех предметов внешнего мира (потому эта теория познания носит название

¹⁹ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с

²⁰ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с

"теория истечений"). При соприкосновении эйдолов с атомами души происходит ощущение, и именно таким образом человек познает свойства окружающих предметов. Таким образом, все наши ощущения (в том числе зрительные, слуховые) являются контактными. Обобщая данные не скольких органов чувств, человек открывает мир, переходя на следующий уровень — понятийный, который является результатом деятельности мышления. Другими словами, у Демокрита существует две ступени в познавательном процессе — ощущения и мышление. При этом он подчеркивал, что мышление дает нам больше знаний, чем ощущения. Так, ощущения не дают нам возможности увидеть атомы, но путем размышления мы приходим к выводу об их существовании. "Теория истечений" была признана в качестве основы формирования наших чувственных знаний о предметном мире всеми материалистами Древней Греции.

Демокрит также ввел понятие первичных и вторичных качеств предметов. Первичные — это те качества, которые действительно существуют в предметах (вес, поверхность, гладкая или шероховатая, форма). Вторичные качества — цвет, запах, вкус, этих свойств нет в предметах, их придумали сами люди для своего удобства, так как "только во мнении есть кислое и сладкое, красное и зеленое, а в действительности есть только пустота и атомы". Таким образом, Демокрит первый сказал о том, что человек не может совершенно правильно, адекватно познать окружающий его мир. Эта невозможность понять до конца окружающую действительность относится и к пониманию законов, которые управляют миром и судьбой человека. Демокрит утверждал, что в мире нет случайностей, и все происходит по заранее заданной причине. Люди придумали идею случая, что бы прикрыть незнание дела и умение управлять. На самом деле случайностей нет, и все причинно обусловлено.

Такой подход носит название детерминизма, а признание однозначной необходимости всех совершающихся в мире событий рождает фаталистическую тенденцию, отрицает свободу воли человека. Критики Демокрита подчеркивали, что при таком понимании невозможно не только управлять собственным поведением, но и оценивать поступки людей, так как они зависят не от нравственных принципов человека, а от судьбы.

Однако сам Демокрит стремился совместить фаталистический подход с представлением об активности человека при выборе нравственных критериев поведения. Он писал, что моральные принципы не даются от рождения, но являются результатом воспитания, поэтому люди становятся хорошими благодаря упражнению, а не природе. Воспитание, по мнению Демокрита, должно дать человеку три дара: хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо делать. Дети, которые выросли в невежестве, подобны танцующим между мечами, поставленными вверх лезвиями. Они погибают, если при прыжке не попадают в то единственное место, где следует поставить ноги. Так и невежественные люди, уклоняясь от следования

нормаму примеру, обыкновенно гибнут²¹.

Сам Демокрит считал воспитание столь трудным делом, что сознательно отказался от брака и не желал иметь детей, считая, что от них бывает много неприятностей и в случае удали последние приобретены ценою большого труда, а в случае неудачи горе родителей несравнимо ни с каким другим.

Категории, в которых выражалось натурфилософское* познание мира и взаимоотношения с ним человека, имели первоначально только одну область практического приложения — медицину. Впоследствии (в IV—II вв. до н.э.) появилась еще одна область применения этих знаний — педагогика. Концепции меликов формировались под прямым влиянием философских теорий, но и сами эти концепции, в свою очередь, накладывали отпечаток на "картину человека", какой она рисовалась в философских системах. Одними из наиболее значимых сочинений меликов были труды Гиппократа. * Натурфилософы — мыслители, сосредоточенные на исследовании природы вещей.

Гиппократ. учение о температурах. Школа Гиппократа (ок. 460-377 гг. до н.э.), известная нам по так называемому "Гиппократову сборнику", рассматривала жизнь как изменяющийся процесс. Среди ее объяснительных принципов мы встречаем воззрения в роли силы, которая поддерживает неразрывную связь организма с миром, приносит извне разум, а в мозгу выполняет психические функции. Единное материальное начало в качестве основы органической жизни отвергалось. Если бы человек был единым, то он ни когда бы не болел, а если бы болел, то исцеляющее средство должно было бы быть единым. Но такового не существует.

Учение о единой стихии, лежащей в основе многообразия вещей, Гиппократ заменил учением о четырех жидкостях (кровь, слизь, желчь, желтая и желчь черная). Отсюда, в зависимости от того, какая жидкость преобладает, — версии о четырех темпераментах, названных в дальнейшем: сангвиническим (когда преобладает кровь), флегматическим (слизь), холерическим (желтая желчь) и меланхолическим²² (черная желчь).

Для будущей научной психологии этот объяснительный принцип, при всей его наивности, имел очень важное значение (недаром терминология Гиппократа сохранилась поныне). Во-первых, на передний план выдвигалась гипотеза, согласно которой бесчисленные различия между людьми можно сгруппировать по нескольким общим признакам поведения; тем самым закладывались начала научной типологии, лежащие в основе современных учений об индивидуальных различиях между людьми. Во-вторых, источник и причину различий Гиппократ искал внутри организма: душевные качества ставились в зависимость от телесных. О роли нервной системы в ту эпоху

²¹ Михаил Григорьевич Дрошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с.

²² Михаил Григорьевич Дрошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с.

еще не знали, поэтому типология являлась, говоря нынешним языком, гуморальной (от лат. "гумор" – жидкость).

Алкмеон: мозг – орган души. Гуморальная направленность мышления древнегреческих медиков вовсе не означала, что они игнорировали строение органов, специально предназначенных для выполнения психических функций. Издавна как на Востоке, так и в Греции конкурировали между собой две теории "сердце-центрическая" и "мозго-центрическая".

Мысль о том, что мозг есть орган души, принадлежит древнегреческому врачу Алкмеону из Креты (VI век до н. э.), который пришел к такому выводу в результате наблюдений и хирургических операций. В частности, он установил, что из мозговых полушарий "идут" к глазным впадинам две узкие дорожки". Полагая, что ощущение возникает благодаря особому строению периферических чувствующих аппаратов, Алкмеон вместе с тем утверждал, что имеется прямая связь между органами чувств и мозгом.

Таким образом, учение о психике как продукте мозга зародилось благодаря тому, что была открыта прямая зависимость ощущений от строения мозга, а это, в свою очередь, стало возможным благодаря накоплению эмпирических фактов. Ощущения, по Алкмеону, – исходный пункт всей познавательной работы. "Мозг доставляет (нам) ощущения слуха, зрения и обоняния, из последних же возникает память и представление (мнение), а из памяти и представления, достигших непоколебимой прочности, рождается знание, являющееся таковым в силу этой (прочности)".

Тем самым и другие психические процессы, возникающие из ощущений, связывались с мозгом, хотя знание об этих процессах (в отличие от знания об ощущениях) не могло опираться на анатомо-физиологический опыт²³.

Вслед за Алкмеоном Гиппократ также трактовал мозг как орган психики, полагая, что он является большой железой.

Следует заметить, что в XX веке ученые обратились к исследованию как нервных процессов, так и жидких сред организма, его гормонов (гормональное слово, обозначающее то, что возбуждает). Теперь и психологи говорят о единой нейроморальной регуляции поведения.

Если взглянуть на гипократовы температурные с общетеоретических позиций, то можно заметить их слабую сторону (впрочем, она присуща и современным типологиям характеров): организм рассматривался как смесь – в неких пропорциях – различных элементов, однако каким образом эта смесь превращалась в гармоничное целое, оставалось за гадкой.

Анаксатор: "ум" как начало вещей. Разгадать эту загадку попытался философ Анаксатор (V век до н. э.). Он не принял ни гераклитово воззрение

на мир как на огненный поток, ни демокритову картину атомных вихрей.

Считая природу состоящей из множества мельчайших частиц, он искал в ней начало, благодаря которому из хаоса, из беспорядочного скопления и движения этих частиц возникает организованный космос. Таким началом Анаксатор признал "тончайшую вещь", которой дал имя "нус" (разум). Он полагал, что от того, насколько полно представлен разум в различных телах, зависит их совершенство. "Человек, – говорил Анаксатор, – является самым разумным из животных вследствие того, что имеет руки". Выходило, что не разум определяет преимущества человека, но его телесная организация определяет высшее психическое качество – разумность²⁴.

Принципы, сформулированные Гераклитом, Демокритом и Анаксатором, создавали главный жизненный нерв будущей системой научного осмысления мира, в том числе и познания психических явлений. Какими бы извилистыми путями ни шло это познание в последующие века, оно подчинялось идеям закона, причинности и организации. Открытые две с половиной тысячи лет назад в Древней Греции объяснительные принципы стали на все времена основой познания душевных явлений.

Софисты: учителя мудрости. Совершенно новую сторону познания душевных явлений открыла деятельность философов-софистов (от греч. "софия" – мудрость). Их интересовала не природа, с ее не зависящими от человека законами, носим человеком, который, как гласил афоризм первого софиста Протагора, "есть мера всех вещей". Впоследствии прозвище "софист" стало применяться к лжемудрецам, вы дающим с помощью различных уловок мнимые доказательства за истинные. Но в истории психологического познания деятельность софистов открыла новый объект: отношения между людьми, изучаемые с использованием средств, которые признаны доказывать и внушить любое положение независимо от его достоверности.

В связи с этим детальному обсуждению были подвергнуты приемы логических рассуждений, строение речи, характер отношений между словом, мыслью и воспринимаемыми предметами. Как можно что-либо передать посредством языка, спрашивал софист Горгий, если его звуки ничего общего не имеют с обозначаемыми ими вещами. И это не было лишь логическим ухищрением, но поднимало реальную проблему. Она, как и другие вопросы, обсуждавшиеся софистами, подготавливала развитие нового направления в понимании души.

Были оставлены поиски природной "материи" души. На передний план выступило изучение речевой и мыслительной деятельности с точки зрения ее использования для манипулирования людьми. Их поведение ставилось в зависимость не от материальных причин, как то представлялось прежним философам, вовлекшим душу в космический круговорот. Теперь она

²³ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. – М., 1996. – 416 с

²⁴ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. – М., 1996. – 416 с

попадала в сеть произвольных логико-лингвистических хитросплетений. Из представлений о душе исчезали признаки ее подчиненности строгим законам неотвратимым причинам, действующим в физической природе. Язык и мысль лишены подобной неотвратимости; они полны условностей и зависят от человеческих интересов и пристрастий. Тем самым действия души приобретали зыбкость и неопределенность.

Вернуть действиям души прочность и надежность, но коренившиеся не в вечных законах макрокосма, а во внутреннем строе самой души, стремились один из самых замечательных мыслителей древнего мира Сократ²⁵ (469-399 гг. до н.э.).

Сократ: познай самого себя. Сын ваятели и акушерки, он, получив общее для афинян того времени образование, стал философом, обсуждавшим проблемы теории познания, этики, политики, педагогики с любым человеком, согласившимся отвечать на его вопросы в любом месте — на улице, на рыночной площади, в любое время. Сократ, в отличие от софистов, не брал денег за философствование, и среди его слушателей были люди самого различного имущественного положения, образования, политических убеждений, идейного и нравственного склада. Смысл деятельности Сократа (она получила название "диалектика" — нахождение истины с помощью беседы) состоял в том, чтобы с помощью определенных образом подобранных вопросов помочь собеседнику найти истинный ответ (так называемый сократический метод) и тем самым при вести его от неопределенных представлений к логически ясному знанию обсуждаемых предметов. Обсуждению подвергался обширный круг "житейских понятий" о справедливости, несправедливости, добре, красоте, мужестве и т.д.

Сократ считал своим долгом принимать активное участие в общественной жизни Афин. При этом он далеко не всегда соглашался с мнением большинства в народном собрании и в суде присяжных, что требовало немалого мужества, особенно в период правления "тридцати тиранов". Свои не согласия с большинством Сократ считал результатом, того, что он всегда стремился к соблюдению законов и справедливости, о которых не всегда заботились большинство людей. Он был обвинен в том, что "не чтит богов и развращает юношество", и приговорен к смерти 361 голосом из 500 судей. Сократ мужественно принял приговор, выпив яд и отвергнув планы своих учеников о победе как спасении.

Сократ не записывал свои рассуждения, считая, что только живая беседа приводит к нужному результату — воспитанию личности. Поэтому трудно полностью реконструировать его взгляды, о которых нам известно из трех основных источников комедий Аристофана, воспоминаний Ксенофонта и сочинений Платона. Все эти авторы подчеркивают, что именно Сократ впервые рассматривал душу прежде всего как источник нравственности

человека, а не как источник активности тела (как это было принято в теориях Гераклита и Демокрита). Сократ говорил о том, что душа — психическое качество индивида, свойственное ему как разумному существу, действующему согласно нравственным идеалам. Такой подход к душе не мог исходить из мысли о ее материальности, а потому одновременно с познанием взгляда на связь души с нравственностью возникает и новый взгляд на нее, который позже был разработан учеником Сократа Платоном²⁶.

Говоря о нравственности, Сократ связывал ее с поведением человека. Нравственность — это благо, реализуемое в поступках людей. Однако для того, чтобы оценить тот или иной поступок как нравственный, надо предварительно знать, что такое благо. Поэтому Сократ связывал нравственность с разумом, считая, что добродетель состоит в знании добра и в действии соответственно этому знанию. Например, храбр тот человек, который знает, как нужно вести себя в опасности, и поступает соответственно своим знаниям. Поэтому прежде всего надо обучить людей, показать им разницу между хорошим и плохим, а потом уже оценивать их поведению. Познавая разницу между добром и злом, человек начинает познавать и самого себя. Таким образом, Сократ приходит к важнейшему положению своих взглядов, связанному с переносом центра исследовательских интересов с окружающей действительности на человека.

Девиз Сократа гласил: "Познай самого себя". Под познанием самого себя Сократ разумел не обращение "вовнутрь" — к собственным переживаниям и состояниям сознания (само понятие о сознании к тому времени еще не вычленилось), а анализ поступков и отношений к ним, нравственных оценок и норм человеческого поведения в различных жизненных ситуациях. Это вело к новому пониманию сущности души.

Если софисты принимали за исходный пункт отношение человека не к природе, а к другим людям, то для Сократа важнейшим становился отношение человека к самому себе как носителю интеллектуальных и нравственных качеств. Впоследствии даже говорили, что Сократ был пионером психотерапии, пытаясь с помощью слова обнажить то, что скрыто за внешними проявлениями работы ума.

Во всяком случае, в его методике таились идеи, сыгравшие через много столетий ключевую роль в психологических исследованиях мышления. Во-первых, работа мысли ставилась в зависимость от задачи, создающей препятствие для ее привычного течения. Именно такой задачей становилась система вопросов, которые Сократ обрушивал на собеседника, пробуждая тем самым его умственную активность. Во-вторых, эта активность изначально носила характер диалога. Оба признака: а) направленность мысли, создаваемая задачей, и б) диалогизм,

²⁵ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с

²⁶ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с

предполагающий, что познание изначально социальное, поскольку коренится в общении субъектов, — стали в XX веке главными ориентирами экспериментальной психологии мышления.

Об этом философе, ставшем на все века идеалом бескорыстия, честности, независимости мысли, мы знаем со слов его учеников. Сам же он никогда ничего не писал и считал себя не учителем мудрости, а человеком, пробождающим в других стремление к истине.

После Сократа, в центре интересов которого была преимущественно умственная деятельность (ее продукты и ценности) индивидуального субъекта, понятие о душе наполнилось новым предметным содержанием. Его составили совершенно особые сущности, которых физическая природа не знает.

Идеи, выдвинутые Сократом, были развернуты в теории его выдающегося ученика Платона.

Платон: душа и царство идей. Платон (428-348 гг. до н. э.) родился в знатной афинской семье. Его разносторонние способности стали проявляться очень рано и послужили основанием для многих легенд, самая распространённая из которых приписывает ему божественное происхождение (делает его сыном Аполлона). Наставшее имя Платона — Аристокл, но еще в юности он получил новое имя — Платон, что значит широколобий (в ранние годы он увлекся гимнастикой). Платон обладал поэтическим даром, его философские произведения написаны высоко-литературным языком, в них много художественных описаний, метафор. Однако увлечение философией, идеями Сократа, чьим учеником он становится в Афинах, отвлекло Платона от первоначального намерения посвятить свою жизнь поэзии. Верность философии и своему великому наставнику Платон пронес через всю жизнь. После трагической смерти Сократа Платон покидает Афины, дав клятву никогда больше не возвращаться в этот город.²⁷

Его путешествия длились около десяти лет и закончились трагически — он был продан в рабство сицилийским тираном Дионисием, который вначале призвал Платона помочь ему в строительстве идеального государства. Друзья Платона, узнав об этом, собрали необходимую для выкупа сумму, но Платон к этому времени был уже освобожден. Тогда собранные деньги были вручены Платону, и он купил участок земли на северо-западной окраине Афин и основал там свою школу, которую назвал Академией. Уже в преклонные годы Платон делает вторичную попытку участия в государственных делах, пытаясь создать идеальное государство уже совместно с сыном Дионисия — Дионисием младшим, однако и эта попытка окончилась неудачей. Разочарование в окружающем омрачило последние

годы жизни Платона, хотя он был до конца дней окружен многими учениками и последователями, среди которых был Аристотель.

Платон опирался не только на идеи Сократа, но и на некоторые положения пифагорейцев,* в частности на обожествление числа. Над портами Академии Платона было написано: "Не знающий геометрии да не войдет сюда". Стремясь создать универсальную концепцию, объединяющую человека и космос, Платон считал, что окружающие предметы являются результатом соединения души, идеи, с неодушевленной материей.* Согласно воззрениям Пифагорейской школы (об основателе которой нет достоверных сведений) мироздание имеет не вещественную, а арифметически-геометрическую структуру. Во всем существующем царит гармония, именующая числовое выражение.

Платон считал, что существует идеальный мир, в котором находятся души, или идеи, вещей, те совершенные образцы, которые становятся прообразами реальных предметов. Совершенство этих образцов не достижимо для предметов, но заставляет стремиться быть похожими на них. Таким образом, душа является не только идеей, но и целью реальной вещи. В принципе идея Платона является общим понятием, которого нет в реальной жизни, но отображением которого являются все вещи, входящие в это понятие. Так, не существует какого-то обобщенного человека, но каждый из людей является, как бы вариацией понятия "человек".

Поскольку понятие неизменно, то и идея, или душа, с точки зрения Платона, постоянна, неизменна и бессмертна. Она является хранительницей нравственности человека. Будучи рационалистом, Платон считал, что поведение должно побуждаться и направляться разумом, а не чувствами, и выступал против Демокрита и его теории детерминизма, утверждая возможность свободы человека, свободы его разумного поведения. Душа, по Платону, состоит из трех частей: вождяющей, страстной и разумной. Вождяющая и страстная души должны подчиняться разумной, которая одна может сделать поведение нравственным. В своих диалогах Платон уподобляет душу колеснице, запряженной двумя конями. Черный конь — вождяющая душа — не слушает приказов и нуждается в постоянной узде, так как он стремится перевернуть колесницу, сбросить ее в пропасть. Белый конь — страстная душа, хотя и старается идти своей дорогой, но не всегда слушается возницу и нуждается в постоянном присмотре. И, наконец, разумную часть души Платон отождествляет с возницей, который ищет правильный путь и направляет по нему колесницу, управляет конем. В описании души Платон придерживается четких черно-белых критериев, доказывая, что есть плохие и хорошие части души: разумная часть для него является однозначно хорошей, в то время как вождяющая и страстная — плохими, более низкими.

Так как душа постоянна и человек не может ее изменить, то и содержание тех знаний, которые хранятся в душе, тоже неизменно, и открытия, совершаемые человеком, являются по сути не открытиями ми чело-

²⁷ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с

то нового, но лишь осознанием того, что уже хранилось в душе. Таким образом, процесс мышления Платон понимал как припоминание того, что душа знала в своей космической жизни, но забыла при влечении в тело. И само мышление, которое, он считал главным когнитивным процессом, по сути является мышлением репродуктивным, а не творческим (хотя Платон и оперирует понятием "интуиция", ведущим для творческого мышления).

Исследуя познавательные процессы, Платон говорил об ощущениях, памяти и мышлении, причем он первым заговорил о памяти как о самостоятельном психическом процессе. Он дает памяти определение — "отпечаток персты на воске" — и считает ее одним из важнейших этапов в процессе познания окружающего. Сам процесс познания у Платона, как уже говорилось, представлял в виде припоминания; таким образом, память являлась хранилищем всех знаний, как осознанных, так и не осознанных в данный момент.

Однако Платон считал память, как и ощущения, пассивным процессом и противопоставлял их мышлению, подчеркивая его активный характер. Активность мышления обеспечивается его связью с речью, о чем говорил еще Сократ. Платон развивает идеи Сократа, доказывая, что мышление есть диалог души с собой (говора современным языком, внутренняя речь). Однако развернутый во времени и осознанный процесс логического мышления не может передать всю полноту знаний, так как опирается на исследование окружающих предметов, то есть копий настоящих знаний о предметах. Тем не менее возможность проникнуть в суть вещей у человека существует, и связана она с интуитивным мышлением, с проникновением в глубины души, которая хранит истинные знания. Они открываются человеку сразу, целиком. (Этот мгновенный процесс похож на "инсайт", который позднее будет описан гештальт-психологией. Однако несмотря на процессуальную схожесть интуитивного мышления с "инсайтом" они различны, по содержанию, так как озарение Платона связано не с открытием нового, но лишь с осознанием того, что уже хранилось в душе.)

Исследования Платона заложили новые тенденции не только в философии, но и в психологии. Он впервые выделил этапы в процессе познания, открыв роль внутренней речи и активность мышления. Он также впервые представил душу не как целостную организацию, но как определенную структуру, которая испытывает давление противоположных тенденций, конфликтующих мотивов, которые не всегда можно примирить с помощью разума. (Эта идея Платона о внутреннем конфликте души станет особенно актуальной в психоанализе, в то время как его подходы к проблеме познания отразятся на позиции рационалистов.)

Знание о душе — от его зачатков на античной почве до современных представлений — развивалось, с одной стороны, в соответствии с уровнем знаний о внешней природе, с другой — в результате освоения культурных ценностей. Ни природа, ни культура сами по себе не образуют область психического, однако последние не могут существовать без взаимодействия

с ними. Философы до Сократа, размышляя о психических явлениях, ориентировались на природу, искали в качестве эквивалента этих явлений одну из природных стихий, образующих единый мир, которым правят естественные законы. Лишь сравнение этого представления с древней верой в души как особые двойники тел, можно ощутить взрывную силу той философии, которую исповедовали Гераклит, Демокрит, Анаксагор и другие древнегреческие мыслители. Они раз рушили старое мировоззрение, где все земное, в том числе психическое, ставилось в зависимость от прихоти богов, сокрушили мифологию, которая в течение тысячелетий царяла в умах людей, возвысили разум и способность человека логически мыслить, попытались найти реальные причины явлений.

Это была великая интеллектуальная революция, от которой следует вести отсчет научного знания о психике. После софистов и Сократа в объяснениях сущности души наместились переворот к пониманию ее как феномена культуры, ибо входившие в состав души абстрактные понятия и нравственные идеалы невыводимы из вещества природы. Они суть порождения духовной культуры.

Для представителей обеих ориентаций — "природной" и "культурной" — душа выступала как внешняя по отношению к организму реальность, либо вещь-вещная (огонь, воздух), либо бесплотная (средоточие понятий, общезначимых норм). Шла ли речь об атомах (Демокрит) или об идеальных формах (Платон) — предполагалось, что то и другое попадает в организм извне, со стороны.

Аристотель: душа — способ организации тела. Аристотель (384-322 гг. до н.э.) преодолел эти воззрения, открыв новую эпоху в понимании души как предмета психологического знания. Его источником стали для Аристотеля не физические тела и бестелесные идеи, но организм, где телесное и, духовное образуют нераздельную целостность. Душа, по Аристотелю, — не самостоятельная сущность, а форма, способ организации живого тела. Тем самым было покончено и с наивным анимистическим дуализмом, и с изолированным дуализмом Платона.²⁸

Аристотель был сыном мелника при македонском царе и сам готовился к медицинской профессии. Явившись семнадцатилетним юношей в Афины к шестидесятилетнему Платону, он несколько лет занимался в его Академии, с которой в дальнейшем порвал. Известная картина Рафаэли "Афинская школа" изображает Платона указывающим рукой на небо. Аристотеля — на землю. В этих образах запечатлено различие в ориентации двух великих мыслителей. По Аристотелю, идейное богатство мира скрыто в чувственно воспринимаемых земных вещах и раскрывается в прямом общении с ними.

На окраине Афин Аристотель создал собственную школу, названную Ликеем (позже словом "лицей" стали называть привилегированные учебные

²⁸ Михаил Григорьевич Брошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с.

заведения). Это была крытая галерея, где Аристотель, обычно прогуливаясь, вел занятия. "Правильно думает те, — говорил Аристотель своим ученикам, — кому представляется, что душа, не может существовать без тела и не является телом".

Кто же имелся, в виду под теми, кто "правильно думает"? Очевидно, что не натурфилософы, для которых душа — это тончайшее тело. Но и не Платон, считавший душу паломницей, странствующей по телам и другим мирам. Решительный итог размышлений Аристотеля: "Душу от тела отделить нельзя" — противоречил взглядам Платона на прошлое и будущее души. Выходит, что "правильным" Аристотель считал собственное понимание, согласно которому переживает, мыслит, учится не душа, а целостный организм. "Сказать, что душа гневается, — писал он, — равносильно тому, как если бы кто сказал, что душа занимается тканьем или постройкой дома".

Аристотель был как философ, так и натуралистом-исследователем природы. Одно время он обучал наукам юного Александра Македонского, который впоследствии приказал отправлять своему старому учителю образцы растений и животных из завоеванных стран.

Накапливалось огромное количество фактов сравнительно-анатомических, зоологических, эмбриологических и других, ставших опытной основой наблюдений и анализа поведения живых существ. Обобщение этих фактов, в первую очередь биологических, стало основой психологического учения Аристотеля и преобразования главных объяснительных принципов психологии: организации, закономерности, причинности.

Уже сам термин "организм" требует рассматривать его под углом зрения организации, то есть упорядоченности целого для достижения какой-либо цели или для решения какой-либо задачи. Устройство этого целого и его работа (функция) неразделимы. "Если бы глаз был живым существом, его душой было бы зрение", — говорил Аристотель.²⁹

Душа мыслилась Аристотелем как способ организации живого тела, действия которого носят целостнообразный характер. Он считал душу присущей всем живым организмам (в том числе растениям) и подлежащей объективному, опытному изучению. Она не может существовать без тела и в то же время не является телом. Душу от тела отделить нельзя. Тем самым отвергались версии о прошлом и будущем души, способах ее соединения с внешним для нее материальным телом. Не сама по себе душа, но тело благодаря ей учится, размышляет и действует. Первичный уровень этих отношений представлен в процессах питания ("растительная душа") как ассимиляция живым телом необходимых для его существования

материальных веществ. Это отношение предполагает специфическую активность организма, благодаря которой внешнее поглощается живым телом иначе, чем неорганическим, а именно — путем целесообразного распределения "в пределах границы и закона". Такой специфический для животного организма способ усвоения внешнего и следует, согласно Аристотелю, считать душой в ее самой фундаментальной биологической форме. Исходным для жизни является питание как усвоение внешнего. Этот общий объяснительный принцип Аристотель распространил на другие уровни деятельности души, прежде всего на чувственные впечатления, на способность ощущать, которая трактуется им как особое уподобление органа чувств внешнему объекту. Однако здесь, в отличие от питания, усваивается не материальное вещество, а форма объекта.

Душа обладает различными способностями как ступенями ее развития: растительной, чувственной и умственной (присущей только человеку). Применительно к объяснению души Аристотель, вопреки своему постулату о нераздельности души и способного к жизни тела, полагал, что разум в его смысле, сущностном выражении есть нечто отличное от тела. Иерархия уровней познавательной деятельности завершалась "верховным разумом", который не смешивался ни с чем телесным и внешним.

Начало познания — это чувственная способность. Она запечатлевает форму вещей подобно тому, как "воск принимает отпечаток печати без железа и золота". В таком процессе уподобления живого тела внешним объектам Аристотель придавал большое значение особому центральному органу, названному "общим чувствительным". Этот центр познает общее для всех ощущенных качеств — движение, величину, фигуру и т.п. Благодаря ему становится возможным и различение субъектом модальностей ощущений (цвета, вкуса, запаха).

Центральным органом души Аристотель считал не мозг, а сердце, связанное с органами чувств и движений посредством циркуляции крови. Внешние впечатления организм запечатлевает в виде образов "фантасм" (под этим понимались представления памяти и воображения). Они соединяются по законам ассоциации трех видов — смежности (если два впечатления следовали друг за другом, то впоследствии одно из них вызывает другое), сходства и контраста. (Эти открытия Аристотелем законы стали основой направления, которое впоследствии получило имя ассоциативной психологии.)

Аристотель придерживался, говоря современным языком, системного подхода, так как рассматривал живое тело и его способности, как целесообразно действующую систему. Его важным вкладом является так же утверждение идеи развития, ибо он учил, что способность высшего уровня возникает на основе предшествующей, более элементарной. Аристотель соотносил развитие отдельного организма с развитием всего животного мира. В отдельном человеке повторяются при его превращении из младенца в зрелое существо те ступени, которые прошел за свою историю

²⁹ Михаил Григорьевич Брошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с

органический мир. В этом обобщении в зачаточной форме была заложена идея, названная впоследствии биологическим законом.

Аристотель разграничил теоретический и практический разум. Принципом такого разграничения послужило различие между функциями мышления. Знание как таковое, само по себе не зависит от человека нравственным. Его добродетели зависят не от знания и не от природы, которая только потенциально наделает индивида задатками, из которых в дальнейшем могут развиваться его качества. Они формируются в реальных поступках, придающих человеку определенную чеканку. Это связано также с тем, как он относится к своим чувствам (аффектам).

Поступок сопряжен с аффектом. Каждой ситуации соответствует оптимальная аффективная реакция на нее. Когда она является избыточной или недостаточной, люди поступают дурно. Соотнося мотивацию с нравственной оценкой поступка, Аристотель сблизил биологическое учение о душе с этикой. "Всякий в состоянии гневаться и это легко, также и выдавать деньги и тратить их, но не всякий умеет и не легко делать это по отношению к тому, к кому следует и ради чего и как следует". Если аффект (эмоциональное состояние) и действие адекватны ситуации, то расходование денег принято называть щедростью: если неадекватны то либо расточительством, либо скупостью. Правильный способ реагирования необходимо вырабатывать опытом, изучением других и самого себя, упорным трудом. Человек есть то, что он сам в себе воспитывает, вырабатывает.

Аристотель впервые заговорил о природосообразности воспитания и необходимости соотношения педагогических методов с уровнем психического развития ребенка. Он предложил периодизацию, основой которой являлась выделенная им структура души. Детство он разделил на три периода: до 7 лет, от 7 до 14 и от 14 до 21 года. Для каждого из этих периодов должна быть разработана определенная система воспитания. Например, говоря о дошкольном возрасте, Аристотель подчеркивал, что в этот период важнейшее место занимает формирование растительной души; поэтому для маленьких детей такое значение имеет режим дня, правильное питание, гигиена. Школьникам необходимо развивать и другие свойства, в частности движения (при помощи гимнастических упражнений), осязания, память, стремления. Нравственное воспитание должно основываться на упражнении в нравственных поступках.³⁰

Если Платон считал чувство злом, то Аристотель, напротив, писал о важности воспитания чувств детей, подчеркивая необходимость умеренности и разумного соотношения чувств с окружающими. Большое значение он отводил аффектам, которые возникают независимо от воли человека и борьба с которыми силой одного разума невозможна. Поэтому он

подчеркивал роль искусства. Особенно искусства драматического, которое, являясь соответствующими эмоциями у зрителей и слушателей, способствует катарсису, т.е. очищению от аффекта, одновременно обучая и детей, и взрослых культуре чувств.

Говоря о нравственности, Платон подчеркивал, что нравственно только абсолютно правильное и совершенное поведение, а любые отклонения от правила, даже с самыми лучшими целями, уже являются проступком.

В отличие от него Аристотель подчеркивал значение самого стремления к нравственному поведению. Таким образом, он поощрял попытки ребенка, пусть и неудачные, "быть хорошим", создавая тем самым дополнительную мотивацию.

Итак, Аристотель преобразовал ключевые объяснительные принципы психологии: системности (организации), развития, детерминизма. Душа для Аристотеля — не особая сущность, а способ организации живого тела, представляющего собой систему, душа проходит разные этапы в развитии и способна не только запечатлеть то, что действует на тело в данный момент, но и соотносываться с будущей целью.

Аристотель открыл и изучил множество конкретных психических явлений. Но "чистых фактов" в науке нет. Любой факт по-разному выплывает в зависимости от теоретического угла зрения, от тех категорий и объяснительных схем, которыми вооружен исследователь. Обогащая объяснительные принципы, Аристотель представил совершенно иную, сравнительно с предшественниками, картину устройства, функций и развития души.

Психологические воззрения в эпоху эллинизма. Как уже говорилось, после походов македонского царя Александра (IV век до н.э.) возникла крупнейшая монархия древности.³¹

Ее последующий распад открыл новый период в истории древнего мира — эллинистический — с характерным для него синтезом элементов культур Греции и стран Востока.

Положение личности в обществе коренным образом изменилось. Свободный грек утрачивал связь с родным городом, стабильной социальной средой и оказывался перед лицом непредсказуемых перемен. Со все большей остротой он ощущал зыбкость свое го существования в изменявшемся мире. Эти сдвиги в реальном положении и в самоощущении личности наложили отпечаток на представления о ее душевной жизни.

Вера в могущество разума, в великие интеллектуальные достижения прежней эпохи ставится под сомнение. Возникает философия скептицизма, рекомендующая вообще воздерживаться от суждений, касающихся окружающего мира, по причине их недокладности, относительности,

³⁰ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с

³¹ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с

зависимости от обычаев и т. п. (Пиррон, конец IV века до н. э.). Такая интеллектуальная установка исходила из этической мотивации. Предполагалось, что отказ от по искон истинны позволит обрести душевный покой, достичь состояния атараксии (от греческого слова, означающего отсутствие волнений).

Идеализации образа жизни мудреца, отрешенного от игры внешних стихий и благодаря этому способного сохранить свою индивидуальность в не прочном мире, противостоять потрясениям, угрожающим самому существованию, направляла интеллектуальные поиски двух других доминировавших в эллинистический период философских школ — стоиков и эпикурейцев. Связанные корни ми со школами классической Греции, они пересмыслили их идейное наследие соответственно духу новой эпохи.

Стоики. Школа стоиков возникла в IV веке до н.э. Она получила свое название по имени того места в Афинах ("стоя" — портик храма), где ее основатель Зенон (не смешивать с софистом Зеноном) проповедовал свое учение. Представлял космос как единое целое, состоящее из бесконечных модификаций огненного воздуха — пневмы, стоики считали человеческую душу одной из таких модификаций.³²

Под пневмой (исходное значение слова — вдыхаемый воздух) первые натурфилософы понимали единое природное, материальное начало, которое пронизывает как внешний физический космос, так и живой организм и пребывает в нем психо (т.е. область ощущений, чувств, мыслей).

У Анаксимена, как у Гераклита и других натурфилософов, воззрение на психо как частицу воздуха или огня означало ее порождимость внешним, материальным космосом. У стоиков же слияние психо и природы приобрело иной смысл. Сама природа спиритуализировалась, надеясь признаками, свойственными разуму — но не индивидуальному, а сверхиндивидуальному.

Согласно этому учению мировая пневма идентична мировой душе, "божественному огню", который является Логосом или, как считали позднейшие стоики, — судьбой. Счастье человека усматривалось в том, чтобы жить согласно Логосу.

Как и их предшественники в классической Греции, стоики верили в примат разума, в то, что человек не достигает счастья из-за незнания, в чем оно состоит. Но если прежде существовал образ гармоничной личности, в полноценной жизни которой сливаются разумное и чувственное (эмоциональное), то у мыслителей эллинистической эпохи, в обстановке социальных невзгод, страха, неудовлетворенности, тревоги, отношение к эмоциональным потрясениям — аффектам — изменилось.

Стоики объявляли аффектам войну, усматривая в них "порчу разума",

поскольку возникают они в результате "неправильной" деятельности ума. Удовольствие и страдание — ложные суждения о настоящем, желание и страх — столь же ложные суждения о будущем. От аффектов следует лечить, как от болезней. Их нужно "с корнем вырывать из души". Только разум, свободный от любых эмоциональных потрясений (как положительных, так и отрицательных), способен правильно руководить поведением. Именно это позволяет человеку выполнять свое предназначение, свой долг и сохранять внутреннюю свободу.

Эта этико-психологическая доктрина обычно сопоставлялась с установкой, которую, говоря современным языком, можно было бы назвать нисхотерпевтической. Люди испытывали потребность в том, чтобы устоять перед превратностями и драматическими поворотами жизни, лишаясь душевного равновесия. Изучение мышления и его отношения к эмоциям не имело абстрактно-теоретического характера, а соотносилось с реальной жизнью, с обучением искусству жить. Все чаще к философам обращались для обсуждения и решения личных, нравственных проблем. Из искателей истины они превратились в целителей душ, какими позже стали священники, духовники.

Эпикурейцы. На других космологических началах, но с той же ориентацией на поиски счастья и искусства жить основывалась школа Эпикура (конец IV века до н.э.). В своих представлениях о природе эпикурейцы опирались на атомизм Демокрита. Однако в противовес демокритову учению о неотвратимости движения атомов по законам, исключавшим случайность, Эпикур предполагал, что эти частицы мо тут отклоняться от своих закономерных траекторий. Такой вывод имел этико-психологическую подоплеку.

В отличие от версии о "жесткой" причинности во всем, что совершается в мире (и, стало быть, в душе), эпикурейцы допускали самопроизвольность, спонтанность изменений, их случайный характер. С одной стороны, такой подход отражал ощущение непредсказуемости человеческого существования, с другой признавал возможность самопроизвольных отклонений, заложенных в природе вещей, исключая строгую предопределенность поступков, предлагал некую свободу выбора. Иными словами, эпикурейцы считали, что личность способна действовать на свой страх и риск. Впрочем, слово "страх" здесь можно употребить только метафорически: весь смысл эпикурейского учения заключался в том, чтобы, проникшись им, люди спасались именно от страха.

Этой цели служило и учение об атомах: живое тело, как и душа, — состоит из движущихся в пустоте атомов, которые в момент смерти рассеиваются по общим законам все того же вечного космоса. А раз так, то "смерть не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, когда же смерть наступает, то нас уже нет".

Представленная в учении Эпикура картина природы и места человека в ней способствовала достижению безмятежности духа, свободы от страхов,

³² Михаил Григорьевич Брошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с

прежде всего, перед смертью и богами (которые, обитая между мирами, не вмешиваются в дела людей, ибо это нарушило бы их безмятежное существование).

Как и многие стоики, эпикурейцы размышляли о путях достижения независимости личности от внешнего. Лучший путь они усматривали в самоустранении от всех общественных дел. Именно такое по ведение позволит избежать огорчений, тревог, отрицательных эмоций и, тем самым, испытать наслаждение, ибо оно есть не что иное, как отсутствие страдания.

Последователем Эпикура в Древнем Риме был Лукреций (I век до н.э.). Он критиковал учение стоиков о разуме, существом в виде пневмы. В действительности, согласно Лукрецию, существуют только атомы, движущиеся по законам механики; в результате возникает и сам разум. В познании первичными являются ощущения, преобразуемые (наподобие того, "как паук тклет паутину") в другие образы, ведущие к разуму.

Учение Лукреция (изложенное, кстати сказать, в поэтической форме), как и концепции мыслителей предшествующего, эллинистического периода, было своего рода наставлением в искусстве выжить в водовороте бедствий, нависающего над людьми от страха перед загробным наказанием и потусторонними силами.

Проблемы нравственного поведения и воспитания. Таким образом, в эллинистический период в центр интересов психологов разных направлений попадает проблема этического, нравственного поведения. И для стоиков, и для эпикурейцев имело большое значение исследование критериев нравственного и безнравственного, по которым можно оценивать поведение человека. Главной причиной расхождения позиций стоиков и эпикурейцев был вопрос о взаимоотношениях личности и общества. Должен ли человек подчиняться внешним правилам или же он должен следовать только собственным представлениям о добре и зле, собственным желаниям и нормам?

Еще в культуре Древней Греции возникла мысль о том, что сильная, значительная личность имеет право на свои законы, на собственную позицию и ее поступки надо оценивать по другим этическим нормам, чем жизнь простого человека. В наше время эта идея о сверхчеловеке была развита Ф. Ницше.

Школа киников исходила из того, что истинная личность должна демонстративно игнорировать общественное мнение. С этой точки зрения, каждый человек является самодостаточным, т.е. имеет все необходимое для духовной, этической жизни в себе самом. Однако, как подчеркивал один из ведущих ученых этой школы Диоген Синопский, не каждый человек способен понять себя, прийти к самому себе и довольствоваться только тем, что он имеет в себе самом. Люди привыкли к помощи общества, других людей, к комфорту.

Поэтому единственный путь для нравственного самосовершенствования — это путь к себе, путь, ограничивающий контакты и зависимость от

внешнего мира. Лучшее всего такое самосовершенствование вести с раннего детства; поэтому и должны быть специальные школы киников для детей (хотя такое обучение возможно и в зрелом возрасте).

Путь нравственного развития и обучения в школах киников состоял из трех ступеней — аскезы, ападейкиа и автаркиа. Первая ступень заключалась в отказе от комфорта и благ, которые дает общество. Киники ходили в ветхой одежде, в лохмотьях, да же в дождь и холод не признавали теплых вещей, очень мало ели, не имели постоянного жилья, могли спать и под открытым небом, не мылись. Они отрицали все достижения бытовой культуры, стремились к опрощению. Таким образом преодолевалась, с их точки зрения, зависимость от общества, которое в обмен на комфорт требовало от человека изменить себе. На следующей ступени человеку внушали мысль игнорировать знания, накопленные обществом; неграмотность считалась даже достоинством. На третьей ступени независимости человека приучали не обращать внимания на общественное мнение, на похвалу и порицание. С этой целью было придумано специальное упражнение, которое заключалось в том, что ученик должен был просить подавание у мраморной статуи. Успешным считалось такое поведение, когда он продолжал свои мольбы несмотря на каменное, холодное молчание статуи. Точно так же учеников приучали не обращать внимания на насмешки, оскорбления и угрозы, которыми сопровождалось их появление в го родах в равной и грязной одежде. Фактически киники, стремясь к независимости, учили не столько самодостаточности, сколько негативизму по отношению к обществу, — эпатируя общественное мнение.

Более распространенными были взгляды Эпикура, который доказывал, что не негативизм, но отлучение, уход от общества есть наиболее этически верный путь духовного саморазвития и самосовершенствования. Он считал, что единственными источниками и добра, и зла является сам человек, он же главный судья собственных поступков. Таким образом, источник активности, как и источник морали, заключен в самом человеке. Эпикур выступил против утверждения, что нравственным является только повеление, основанное на разуме. Он полагал, что не разум, но чувства управляют поведением человека, вызывая в нем стремление совершать то, что вызывает удовольствие, и избегать тех объектов, которые вызывают неудовольствие.

Эпикур подчеркивал, что с самого раннего детства человек должен учиться различать свои желания и строить свое поведение, опираясь на это знание. Он утверждал, что все, что вызывает приятные чувства, является нравственным. Нельзя жить приятно, не живя нравственно, и нельзя жить нравственно, не получая от этого удовольствия, полагал Эпикур. При этом истинное наслаждение доставляют только духовные удовольствия, которые вечны и непреходящи, в то время как телесные удовольствия имеют временный характер и могут обернуться своей противоположностью. Так, после хорошего ужина с изысканными блюдами может заболеть го лова или желудок,

после контактов с незнакомой женщиной можно подхватить дурную болезнь, и лишь общение с книгами и друзьями вечно и всегда приносит только радость.

Развертывая это положение Эпикура, Лукреций Кар писал, что "все те, кто достичь до вершин удовольствий стремятся, гибельным сделали путь по дороге, к нему восходящей..." Истинное же счастье у того, "кто обладает богатством умеренной жизни, дух безмятежен его и живет он, довольствуясь малым".

В позиции Эпикура были уязвимые места, ибо в том случае, если человек в себе и только в себе находит силы, сам себя наказывает и поощряет, у него отсутствует необходимая для многих опор, помогающая преодолеть трудности и искушения, дающая надежду на то, что кто-то оценит его по ведению и наградит. Если ребенка, как говорил Эпикур, учить опираться только на собственные силы, не боясь неудач и осуждения, то такое воспитание, безусловно, помогает быстрее найти свою дорогу сильным людям, но может быть болезненно и даже опасно для слабых, которым нужна помощь и поддержка. При этом нельзя не согласиться с его положением о том, что страх — как перед учителями, так и перед богами — тормозит развитие человека.

Один из главных постулатов школы стоиков говорил о том, что человек не может быть абсолютно свободным, так как он живет по законам того мира, в который попадает. При этом мы не можем выбрать ни пресы, в которую попали, ни своей роли. Это дано судьбой, роком, который никто не может изменить. Что же может сам человек? Он может только с достоинством играть ту роль, которая ему уготована. Таким образом, главный нравственный закон — необходимость сохранить свою сущность, свое достоинство в любых, самых тяжелых обстоятельствах. Человек с ранних лет должен понять, что он не в силах изменить свою судьбу, уклониться от нее, — считали стоики. Поэтому, хочешь ты или нет, все равно будешь выполнять волю рока. Но ты можешь являть собой жалкое зрелище плачущего и не понимающего своей цели человека, а можешь идти по жизни с гордо поднятой головой, сознавая, куда идешь.³³

Стоики утверждали, что "кто охотно повинуется приказанию, тот избегает самой неприятной стороны рабства — делать то, чего не хочешь". Несчастен не тот, кто исполняет чужие приказания, а тот, кто исполняет их против воли; поэтому надо приучить себя желать того, чего требуют обстоятельства.

Таким образом, главной опасностью в процессе воспитания для стоиков была стихия чувств, которую необходимо обуздать в детях для их же пользы.

³³ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с

Достижение полного владения собой, спокойствия, которое не нарушается никакими житейскими ми волнениями, есть признак наивысшего психического здоровья и с точки зрения Марка Аврелия, который говорил: "Считай за признак полного раз вития, если тебя не будет смущать никакой шум, не будут волновать никакие голоса, слышится ли в них льстивые слова, или угрозы, или просто пустые звуки".

Этика стоиков ни в коем случае не призывала к пассивности. Наоборот, она была предназначена веры в человека, в могущество его разума. С ранних лет детям внушали, что они могут абсолютно все понять и преодолеть. Марк Аврелий в своем наставлении юношам писал: "Если тебе недоступно что-то, не думай, что это недоступно всем, но если это доступно кому-то, то и тебе также, ибо ты — человек". Таким образом, каждый ребенок должен был понять, что несмотря на внешние ограничения (бедность, болезнь) в нравственном и интеллектуальном плане он ничем не отличается от более удачливых сверстников и потому законы и требования для него те же, что и для них.

Стоики подчеркивали, что сильный человек в любых условиях, даже в рабстве и в тюрьме, является внутренне свободным.

Александрейская наука. В эллинистический период возникли новые центры культуры, где различные течения восточной мысли взаимодействовали с западной. Среди этих центров выделялись созданные в Египте в III веке до н.э. (при царской династии Птоломея, основанной одним из полководцев Александра Македонского) библиотеки и Мусей в Александрии. Мусей представлял собой по существу исследовательский институт, где проводились исследования в различных областях знания, в том числе по анатомии и физиологии.

Так, врач Герофил и Эразистрат, труды которых не сохранились, значительно усовершенствовали технику изучения организма, в частности, головного мозга. К числу важнейших сделанных ими открытий относятся установление различий между чувствительными и двигательными нервами; через две с лишним тысячи лет это открытие легло в основу важнейшего для физиологии и психологии учения о рефлексах.

Гален. Другим великим исследователем душевной жизни в ее связи с телесной был древнеримский врач Гален (II век н.э.). Им написано свыше 400 трактатов по философии и медицине, из которых сохранилось около 100 (преимущественно по медицине). Гален синтезировал достижения античной психофизиологии в детально разработанную систему, служившую основой представлений об организме человека на протяжении последующих столетий. В труде "О частях человеческого тела" он, опираясь на множество наблюдений и экспериментов и обобщив познания медиков Востока и Запада, в том числе александрийских, описал зависимость жизнедеятельности целостного организма от нервной системы.³⁴

³⁴ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО

В те времена запрещалось анатомирование человеческих тел, все опыты ставились на животных. Но Голец, оперируя гладиаторов (рабов, которых римляне в сущности не считали людьми), смог расширить медицинские представления о человеке, прежде всего об его головном мозге, где, как он полагал, производится и хранится "высший сорт" пнеумы как носительницы разума.

Широкой известностью в течение многих столетий пользовалось развитое Галеном (вслед за Гиппократом) учение о темпераментах как о пропорциях, в которых смешаны несколько основных "соков". Темперамент с преобладанием "теплого" он называл мужественным и энергичным, преобладанием "холодного" — медлительным и т.д.

Большое внимание Гален уделял аффектам. Еще Аристотель писал, что, например, гнев можно объяснить либо межличностными отношениями (стремление отомстить за обиду), либо "кипением крови" в организме. Гален утверждал, что первичными при аффектах являются изменения в организме ("повышение сердечной теплоты"); стремление же отомстить вторично. Много веков спустя между психологами вновь возникнут дискуссии вокруг вопроса атом, что первично — субъективное переживание или телесное потрясение.

Филон: пнеума как дыхание. Бедствия, которые испытывали в жестоких войнах с Римом и под его владычеством народы Востока, способствовали развитию учений о душе, подготовивших воззрения, которые ассимилировала христианская религия.

Большую популярность приобрело учение философа-мистика из Александрии **Филона** (I век н.э.), учившего, что тело — это прах, получающий жизнь от дыхания божества. Это дыхание и есть пнеума. Представление о пнеуме, которое занимало важное место в античных учениях о душе, носило, как уже говорилось, глубоко гипотетический характер. Это создавало почву для иррациональных, недоступных эмпирическому контролю суждений о зависимости происходящего с человеком от сверхчувственных сил, посредников между земным миром и Богом.

После Филона пнеума приписывали функцию общения между брэнной частью души и бестелесными сущностями, связующими ее с Всевышним. Возник особый раздел религиозной догматики, описывающий эти "пневматические" сущности и называвшийся пневматологией.

Плотин: понятие о рефлексии. Принципы абсолютной нематериальности души утвердил древнеримский философ Плотин (ок. 203 — ок. 269 гг. н.э.), основатель римской школы неоплатонизма. В основе существования всего телесного он видел эманацию (истечение) божественного, духовного первоначала³⁵.

Если отвлечься от религиозной метафизики, проникнутой мистикой, то применительно к прогрессу психологической мысли в представлениях Плотина о душе содержался новый важный момент. У Плотина психология впервые в ее истории становится наукой о сознании, понимаемом как "само сознание". Поворот к исследованию внутренней психической жизни человека наметился в античной культуре задолго до Плотина. Однако при этом нараставшей в эллинистический период тенденции к индивидуализации, предпосылки для осознания субъектом самого себя в качестве конечного самостоятельного центра психических актов еще не сложились. Эти акты считались производными от пнеумы у стоиков, от атомных потоков — у эпикурейцев.

Плотин — вслед за Платоном — учил, что индивидуальная душа происходит от мировой души, к которой она и устремлена; другой вектор активности индивидуальной души направлен к чувственному миру. Сам Плотин выделил еще одно направление, а именно — обращенность души на себя, на собственные незримые действия: она как бы следит за своей работой, становится ее "зеркалом".

Через много столетий способность субъекта не только ощущать, чувствовать, помнить, мыслить, но и обладать внутренним представлением об этих функциях получила название рефлексии. Такая способность служит неотъемлемым "механизмом" сознательной деятельности человека, соединяющим его ориентацию во внешнем мире с ориентацией в мире внутреннем, в самом себе.

Плотин отграничил этот "механизм" от других психических процессов, на объяснении которых была сосредоточена мысль многих поколений исследователей психики. Сколь бы широк ни был спектр этих объяснений, они в конечном счете сводились к по искам зависимости душевных явлений от физических причин, от процессов в организме, от общения с другими людьми.

Рефлексия, открывая Плотинам, не могла быть объяснена ни одним из этих факторов. Она выглядела самостоятельной, ни из чего не выводимой сущностью. Таковой она и оставалась на протяжении веков, став исходным понятием интроспективной психологии сознания³⁶.

В Новое время, когда сложились реальные социальные основы для самоуправления субъекта как независимой свободной личности, претендующей на уникальность своего психического бытия, рефлексия выступила как основание и главный источник знаний об этом бытии. Такая трактовка содержалась и в первых программах создания психологической науки, имеющей свой собственный предмет, который отличает ее от других наук. Действительно, ни одна наука не занята изучением способности к рефлексии. Конечно, выделяя рефлексию как одно из направлений

СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с.
³⁵ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с.

³⁶ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с.

деятельности души, Плотин не мог считать индивидуальную душу самодостаточным источником собственных внутренних образов и действий. Душа для него — эманация сверхпрекрасной сферы высшего первоначала всего сущего.

Августин: понятие о внутреннем опыте. Учение Плотина оказало влияние на Августина (354-430 гг. н.э.), творчество которого ознаменовало переход от античной традиции к средневековому христианскому мировоззрению. Августин придал трактовке души особый характер: считая душу орудием, которое правит телом, он утверждал, что ее основу образует воля, а не разум. Тем самым он стал основоположником учения, названного позже волюнтаризмом (от лат. "волюнтас" — воля).

По мнению Августина, воля индивида зависит от божественной и действует в двух направлениях: управляет действиями души и обращает ее к себе самой. Все изменения, происходящие с телом, становятся психическими благодаря волевой активности субъекта. Так из "отпечатков", которые сохраняют органы чувств, воля создает воспоминания.

Все знание заложено в душе, которая живет и движется в Боге. Оно не приобретает, а извлекается из души опытами благодаря направленности воли. Основанием истинности этого знания служит внутренний опыт: душа поворачивается к себе, чтобы постичь с предельной достоверностью собственную деятельность и ее незримые продукты.³⁷

Идея о внутреннем опыте, отличном от внешне го, но обладающем высшей истинностью, имела у Августина теологический смысл, поскольку предполагалось, что эта истинность даруется Богом. В дальнейшем трактовка внутреннего опыта, освобожденная от религиозной окраски, слилась с представлением об интроспекции как особом, присущем только психологии, методе исследования сознания.

§ 2.3. Итоги развития античной психологической мысли

В трудах древнегреческих мыслителей открыты многие великие проблемы, которые и сегодня направляют развитие психологических идей. В их объяснениях генезиса и структуры души обнаруживаются три направления, по которым шел поиск тех больших, независимых от индивида сфер, по образу и подобию которых трактовался микрокосм индивидуальной человеческой души.

Первым направлением стало объяснение психики исхода из законов движения и развития материального мира. Здесь главной была идея об определенной зависимости душевных проявлений от общего строя вещей, их физической природы. (Вопрос о месте психического в материальном мире, поднятый впервые древними мыслителями, до сих пор остается стержневым в психологической теории.)

Только после того как были осмыслены производность жизни души от физического мира, их внутреннее родство, а тем самым — и необходимость изучать психику исходя из того, что говорят опыт и размышления о взаимосвязи материальных явлений, психологическая мысль смогла продвигнуться к новым рубежам, открывшим своеобразие ее объектов.

Второе направление античной психологии, созданное Аристотелем, ориентировалось преимущественно на живую природу; исходной точкой для него служило отличие свойств органических тел от неорганических. Поскольку психика является формой жизни, выживание на передний план этой проблемы было крупным шагом вперед. Оно позволило увидеть в психическом не обитательную в теле душу, имеющую пространственные параметры и способную (по мнению как материалистов, так и идеалистов) покидать организм, с которым она внешне связана, а способ организации поведения живых систем.

Третье направление ставило душевную деятельность индивида в зависимость от форм, которые создаются не физической или органической природой, а человеческой культурой, а именно — от понятий, идей, этических ценностей. Эти формы, действительно играющие большую роль в структуре и динамике психических процессов, были, однако, начиная с пифагорейцев и Платона, отчуждены от материального мира, от реальной истории культуры и общества и представлены в виде особых духовных сущностей, чуждых чувственно воспринимаемым телам.³⁸

Это направление придало особую остроту проблеме, которую следует обозначить как психогностическую (от греч. "гнозис" — знание). Под ней надо понимать широкий круг вопросов, с которыми сталкивается исследование психологических факторов, изначально связывающих субъекта с внешней по отношению к нему реальностью — природной и культурной. Эта реальность преобразуется соответственно устройству психического аппарата субъекта в воспринимаемому им в форме чувственных или умственных образов — будь то образы окружающей среды, поведения в ней личности или самой этой личности.

Все эти проблемы, так или иначе решавшиеся древними греками, образуют и поныне ядро объяснительных схем, сквозь призму которых ищут свою эмпирию современный психолог (какой бы сверхсложной электронной он ни был вооружен).

Мир культуры создал три "органа" постижения человека и его души: религию, искусство и науку. Религия строится на мифе, искусство — на художественном образе, наука — на организуемом и контролируемом логической мыслью опыте. Люди античной эпохи, обогащенные многовековым опытом человекопознания, из которого черпались как мифические представления о характере и поведении богов, так и образы

³⁷ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с

³⁸ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с

героев эпоса и трагедий, осваивали этот опыт сквозь "магический кристалл" рационального объяснения природы вещей — земных и небесных. Из этих семян росло разветвленное древо психологии как науки.

О ценности науки судят по ее открытиям. На первый взгляд, летопись достижений, которыми может гордиться античная психология, немногочисленна. Одним из первых стало открытие Алкмеоном того, что органом души является головной мозг. Если отвлечься от исторического контекста, это выглядит невеликой мудростью. Однако чтобы по достоинству оценить нетривиальность алкмеонова вывода (который, кстати, был не умозрительной догадкой, но вытек из медицинских наблюдений и экспериментов), стоит напомнить, что через двести лет после этого великий Аристотель считал мозг своего рода "холодильником" для крови, а душу, с ее способностью воспринимать мир и мыслить, помещал в сердце.³⁹

Конечно, в те времена возможность экспериментировать над человеческим организмом была ничтожной. Как уже говорилось, сохранились сведения, что ставились опыты над приговоренными к казни, над гладиаторами. Непью, однако, упускать из виду, что античным медикам приходилось, врачуя людей, влиять на их психическое состояние и передавать от поколения к поколению сведения об эффективности своих действий, об индивидуальных различиях. Неслучайно учение о темпераментах пришло в научную психологию из медицинских школ Гипократа и Галена.⁴⁰

Не меньшее значение, чем опыт медицины, имели другие формы практики — политическая, юридическая, педагогическая. Изучение приемов убеждения, внушения, ведения словесного поединка, что стало главной заботой софистов, превратило в объект экспериментирования логический и грамматический строй речи. В практике общения Сократ от крыл изначальный диалогизм, а его ученик Платон внутреннюю речь как интериоризированный диалог. Ему же принадлежит столь близкая сердцу современного психотерапевта модель личности как динамической системы мотивов, разрывающих ее в неизбежном конфликте. Открытие множества психологических феноменов связано с именем Аристотеля (механизм ассоциаций по смежности, сходству и контрасту, открытие образов памяти и воображения, различий между теоретическим и практическим интеллектом и т.д.).

Стало быть, сколь скудной ни была эмпирическая ткань психологической мысли античности, без нее эта мысль не могла "зачать" традицию, приведшую к современной науке.

В развитии психологии античность прославлена великими теоретическими успехами. К ним относятся не только открытие фактов,

³⁹ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с.

⁴⁰ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с.

построение новаторских моделей и объяснительных схем. Античные ученые поставили проблемы, веками направлявшие развитие наук о человеке. Именно они впервые попытались ответить на вопросы, как соотносятся в человеке телесное и духовное, мышление и общение, личностное и социокультурное, мотивационное и интеллектуальное, разумное и иррациональное и многое иное, присущее человеческому бытию. Античные мудрецы и исследователи природы подняли на огромную высоту культуру теоретической мысли, которая, преобразуя данные опыта, срывала покровы с видимостей здравого смысла и религиозно-мифологических образов.

За эпохой предшественников о сущности души скрыта полная драматическая коллизия: работа исследовательской мысли, и только история науки может раскрыть различные уровни постижения этой психической реальности, неразличимые за самим термином "душа", давшим имя нашей науке.

§ 2.4. Психологические идеи средневековой Средней Азии

Древнеперсидская цивилизация в условиях нарастающей социальной-экономической дегрессии общества разрушалась. Постепенно утрачивалась большая часть добытых знаний. Жестокие удары по распадавшейся античной культуре наносила христианская церковь, создававшая атмосферу воинственной нетерпимости ко всему "языческому". В IV веке был уничтожен научный центр в Александрии. В начале VI века император Юстиниан за крыл просуществовавшую около тысячи лет Африканскую школу — последний очаг античной философии. Естественнонаучное исследование природы приостановилось. Его сменили религиозные спекуляции.⁴¹

Переориентация философского мышления на сближение с позитивным знанием о природе совершалась в этот период в недрах другой культуры — арабоязычной, расцвет которой пришелся на VIII–XII века.

После объединения в VII веке арабских племен возникло государство, имевшее своим идеологическим оплотом новую религию — ислам. Под эгидой этой религии началось завоевательное движение арабов, завершившееся образованием Халифата, на территориях которого жили народы с древними культурными традициями.

Государственным языком Халифата стал арабский, хотя культура этого огромного государства восприняла достижения многих населявших его народов, а также эллинов и народов Индии. В культурные центры Халифата прибывали караваны верблюдов, на выюченных книгами чуты ли не на всех известных тогда языках.

В то время, когда в Западной Европе, распавшейся на замкнутые феодальные мирки, были начисто забыты достижения европейской и александрийской науки, на арабском Востоке кипела интеллектуальная

⁴¹ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с.

жизнь. Сочинения Платона и Аристотеля, других античных мыслителей переводились на арабский язык, переписывались и распространялись по всей огромной арабской державе — от Средней Азии до Пиренейского полуострова и Африки.

Именно это стимулировало развитие науки, прежде всего физико-математической и медицинской. Астрономы, математики, химики, географы, ботаники, врачи создавали мощный культурно-научный слой, из которого выделились крупнейшие умы. Они обогатили достижения своих древних предшественников и создали предпосылки для последующего подъема философской и научной мысли на Западе, в том числе и психологической. Среди них следует выделить прежде всего среднеазиатского ученого Ибн-Сину (XI век) (в латинской транскрипции Авиценну).

С точки зрения развития естественнонаучных знаний о душе, особый интерес представляет медицинская психология Ибн-Сины. В ней важное место отводилось роли аффектов в регуляции и развитии поведенческого организма. Созданный Ибн-Синою "Канон медицинской науки" обеспечил ему "самодержавную власть во всех медицинских школах средних веков".

Ибн-Сина был также одним из первых исследователей в области возрастной психологии. Он изучал связь между физическим развитием организма и его психологическими особенностями в различные возрастные периоды, придавая при этом важное значение воспитанию. Именно посредством воспитания осуществлялся, по Ибн-Сине, воздействие психического на устойчивую структуру организма. Чувства, изменяющие течение физиологических процессов, возникают у ребенка в результате воздействия на него окружающих людей; вызывая у ребенка те или другие аффекты, взрослые формируют его натуру.⁴²

Физиологическая психология Ибн-Сины включала, таким образом, предположения о возможности управлять процессами в организме и даже придавать организму определенный устойчивый склад путем воздействия на его чувственную, аффективную жизнь, зависящую от поведения других людей. Идея взаимосвязи психического и физиологического (не только зависимость психики от телесных состояний, но и ее способность — при аффектах, психических травмах, деятельности воображения — глубоко влиять на них) разрабатывалась Ибн-Синою на основе его обширного медицинского опыта.

Имеются сведения о том, что, не ограничиваясь наблюдениями, он предпринимал попытку изучить этот вопрос экспериментально. Двум баранам давалась одинаковая пища; при этом один питался в обычных условиях, а рядом с другим привязывали вола. В результате второй баран, несмотря на нормальное питание, начинал худеть и быстро погибал. Неизвестно, какое объяснение Ибн-Сина давал этому опыту, но сама его схема говорит об

открытии роли противоположных эмоциональных установок в возникновении глубоких соматических сдвигов. Все это дает основание видеть в исследованиях Ибн-Сины зачатки экспериментальной психофизиологии эмоциональных состояний.

Особый интерес арабские натуралисты и математики, Ибн-Сина в том числе, проявляли к органу зрения. Среди исследований в этой области выделяются открытия Ибн-аль-Хайсама (XI век) (в латинской транскрипции Альгазена). В каждом зрительном акте он различал, с одной стороны, непосредственный эффект запечатления внешнего воздействия, с другой — присоединяющуюся к этому эффекту работу ума, благодаря которой устанавливается сходство и различие видимых объектов.

Ибн-аль-Хайсам изучил такие важные феномены, как бинокулярное зрение, смещение цветов, контраст и т.д. Он указывал, что для полного восприятия объектов необходимо движение глаз — перемещение зрительных осей. Ибн-аль-Хайсам подверг анализу зависимость зрительного восприятия от его длительности. Подметив, что при кратковременном предъявлении могут быть правильно восприняты лишь знакомые объекты, он сделал вывод: условием возникновения зрительного образа служат не только непосредственные воздействия световых раздражителей, но и сохранившиеся в нервной системе следы прежних впечатлений.⁴³

Схема Ибн-аль-Хайсама не только разрушила теории зрения, доставшиеся в наследство от античных авторов, но и ввела новое объяснительное начало. Исходная сенсорная структура зрительного восприятия рассматривалась как производное от законов оптики, имеющих опытное и математическое основание, и от свойств нервной системы.

Изучением функций глаза занимались и другие ученые, обнаружившие, в частности, что чувствующей частью органа зрения является не хрусталик, как предполагалось прежде, а сетчатая оболочка. Автором этого открытия считают философа и врача Ибн-Рошда (XII век) (в латинской транскрипции Аверроэса). Его учение о человеке и его душе оказало наибольшее влияние на западноевропейскую философско-психологическую мысль. Оно жестоко преследовалось как мусульманской, так и христианской религией. И это не удивительно, поскольку Ибн-Рошд отрицал бессмертие индивидуальной души. Он по-своему прокомментировал учение Аристотеля, подчеркивая разделение души и разума.

Под душой разумелись функции, которые неотделимы от организма (прежде всего — чувственность). Они необходимы (таково было и мнение

⁴² Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с

⁴³ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с
Бэкон Ф. Новая Атлантида. М., 1954.
Бэкон Ф. Новый Органон. М., 1938

Аристотеля) для деятельности разума, нераздельно связаны с телом и исчезают вместе с ним. Сам же разум является божественным и входит в индивидуальную душу извне, подобно тому, как солнце посылает лучи органу зрения. С исчезновением тела и индивидуальной души "следы", оставленные божественным разумом в душе, отделяются от исчезнувшего смертного индивидуума и продолжают существовать как момент универсального разума, присущего всему человеческому роду.

Признание высшего интеллектуального равенства людей (при всем многообразии их индивидуальных различий) и богоподобия человека было несовместимо с идеологией тогдашнего общества, основанной на строгой социальной иерархии его членов. Апология божественного разума оборачивалась у Ибн-Рашда (получившего на Западе почетное имя Комментатора) защитой земного достоинства человека.⁴⁴

§ 2.5. Психологические идеи средневековой Европы

В период Средневековья в умственной жизни Европы воцарилась схоластика (от греч. "схоластикос" — школьный, ученый). Этот особый тип философствования ("школьная философия"), господствовавший с XI по XVI век, сводился к рациональному, использующему логические приемы, обоснованию христианского вероучения.

В схоластике имелись различные течения; общей же была установка на комментирование текстов. Позитивное изучение предмета и обоснование реальных проблем подменялись словесными ухищрениями. По явившемуся на интеллектуальном горизонте Европы наследие Аристотеля католическая церковь вначале запретила, но затем принялась "осваивать", адаптировать соответственно своим нуждам. С этой задачей наиболее тонко справился Фома Аквинский (1225-1274), учение которого позже было канонизировано в папской энциклике (1879) как истинно католическая философия (и психология) и получило название томизма (несколько модернизированного в наши дни под именем неотомизма).

Томизм складывался в противовес стихийно-материалистическим трактовкам Аристотеля, в недрах которых зарождалась концепция двойственной истины. У ее истоков стоял опиравшийся на Аристотеля Ибн-Рашд. Его последователи в европейских университетах (аверроисты) полагали, что несовместимость с официальной догмой представлений о вечности (а не сотворенности) мира, об уничтожаемости (а не бессмертии) индивидуальной души позволяет утверждать, что каждая из истин имеет свою область. Истинное для одной области может быть ложным для другой,

и наоборот.

Фома же отстаивал одну истину — религиозную, "нисходящую свыше". Он считал, что разум должен служить ей так же истово, как и религиозное чувство. Ему и его сторонникам удалось расправиться с аверроистами в Парижском университете. Но в Англии, в Оксфордском университете, концепция двойственной истины восторжествовала, став идеологией чешской прешпбургской школы философии и естественных наук.⁴⁵

Описывая душевную жизнь, Фома Аквинский рас положил различия ее формы в виде своеобразной лестницы — от низших к высшим. В этой иерархии каждое явление имеет свое место, установлены грани между всем сущим и однозначно определено, чему где надлежит быть. В ступенчатом ряду расположены души (растительная, животная, человеческая), внутри каждой из них — способности и их продукты (ощущение, представление, понятие).

Понятие об интроспекции, зародившееся у Плотина, превратилось в важнейший источник религиозно-томологического психологизма у Фомы Аквинского. Работу души последний представил в виде следующей схемы: сначала она совершает акт познания — ей является образ объекта (ощущение или понятие); затем осознает, что ею произведен этот акт; наконец, поделясь обе операции, душа "возвращается" к себе, познавая уже не образ и не акт, а самое себя как уникальную сущность. Перед нами — замкнутое сознание, из которого нет выхода ни к организму, ни к внешнему миру.

Томизм, таким образом, превратил великого древнего негреческого философа в столпа богословия, в "Аристотеля с тонзуры" (тонзура — выбритое место на макушке — знак принадлежности к католическому духовенству).

В Англии против томистской концепции души выступил номинализм (от лат. "номея" — имя). Он воз ник в связи со спором о природе общих понятий, или универсалий. Суть спора состояла в том, существуют ли эти общие понятия сами по себе, самостоятельно и независимо от нашего мышления, или представляют собой только имена, реально же познаются лишь конкретные явления.

Энергичным проповедником номинализма был профессор Оксфордского университета Уильям Оккам (ок. 1285-1349). Отвергая томизм и отстаивая учение о "двойственной истине" (из которого выводилось, что религиозные догматы не могут быть основаны на разуме), он призывал опираться на чувственный опыт; при этом следовало ориентироваться на термины, обозначающие либо классы предметов, либо классы имен, знаков.

⁴⁴ Михаил Григорьевич Ярошеский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с.
Богомолов А. С. Античная философия. М., 1985.
Бэкон Ф. Новая Атлантида. М., 1954.
Бэкон Ф. Новый Органон. М., 1938

⁴⁵ Богомолов А. С. Античная философия. М., 1985.
Бэкон Ф. Новая Атлантида. М., 1954.
Бэкон Ф. Новый Органон. М., 1938

Номинализм способствовал развитию естественнонаучных взглядов на познавательные возможности человека. К знакам как главным регуляторам душевной активности неоднократно обращались многие мыслители последующих веков. Так, в психологии утвердилось правило (известное под названием "бритвы Оккама"), согласно которому "не следует умножать сущности без надобности". Иначе говоря, нет смысла прибегать к объяснению каких-либо явлений многими силами или факторами, когда можно обойтись их меньшим числом: "Бесполезно делать посредством многого то, что можно сделать посредством меньшего". Эта "бритва" стала основой своего рода "закона экономии" в психологии, проиллюстрировать который можно таким, например: изучая поведение животных, не надо наделять их умом человека, если есть более простой способ объяснения.

Итак, в раннем Средневековье под платом чисто расудочных построений, чуждых реальным особенностям психической деятельности, пробивался родник новых идей, связанных с опытом познанием души и ее проявлений. В противовес принятым схоластикой приемам выведения отдельных психических явлений из сущности души и ее сил, для действия которых нет других оснований, кроме воли божьей, складывалась методология, основанная на опытно, детерминистском подходе. Своего расцвета этот подход достиг в следующую эпоху — эпоху Возрождения.

§ 2.6. Духовная жизнь эпохи возрождения

Главной особенностью этого периода стало возрождение античных ценностей, без которых едва ли смогли бы существовать и арабоязычная, и латиноязычная культура (в Западной Европе, как известно, языком образованности была латынь).

Мыслители Возрождения полагали, что они очищают античную картину мира от воззрений "средневековых варваров". Восстановление античных па мятников культуры в их подлинном виде действительно стало признаком нового идейного климата. Однако воспринималось в них прежде всего созвучное новому образу жизни и обусловленной им интеллектуальной ориентации. Возникновение мануфактурного производства, усложнение и совершенствование орудий труда. Великие географические открытия, возвышение бюрократии (среднего слоя горожан), отстаивавшего свои права в ожесточенной политической борьбе, — все эти процессы изменили положение человека в мире и обществе, а следовательно — и его представления о мире и о самом себе.

Новые философы вновь обращаются к Аристотелю, который теперь из идол скванной церковными догмами схоластики превращается в символ свободомыслия. В главном очаге Возрождения Италии — разгораются споры между спасшимися от инквизиции сторонниками Ибн-Ролла (аверроистами) и еще более радикально настроенными александристами.⁴⁶

⁴⁶ Михаил Григорьевич Яковлевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО

Последний термин происходит от имени жившего в Афинах в конце II века н.э. древнегреческого философа Александра Афродисийского, который прокомментировал трактат Аристотеля "О душе" иначе, чем Ибн-Ролла. Коренное различие касалось бессмертия души — главного вопроса в церковном вероучении. Если Ибн-Ролла, разделяя разум (ум) и душу, считал разум, как высшую часть души, бессмертным, то Александр настаивал на целостности аристотелевского учения и его тезисе о том, что все способности души частично исчезают вместе с телом.

Оба направления, александристы и аверроисты, сыграли важную роль в создании новой идейной атмосферы, проложив путь к естественнонаучному изучению организма человека и его психических функций. По этому пути пошли многие философы, натуралисты, врачи. Их творчество пронизывала вера во всемогущество опыта, в преимущество наблюдений, прямых контактов с реальностью, в независимость подлинного знания от схоластической мудрости.

Одним из титанов Возрождения был Леонардо да Винчи (1452-1515). Он представлял новую науку, которая рождалась не в университетах, где по-прежнему изолировались в комментариях к текстам древних, а в мастерских художников и строителей, инженеров и изобретателей. В своей практике они были преобразователями мира, их опыт радикально менял культуру и строй мышления. Высшей ценностью становился не божественный разум, а говоря языком Леонардо, — "божественная наука живописи". При этом под живописью понималось не только искусство отражения мира в художественных образах. "Живопись, — писал Леонардо, — распространяется на философию природы".

Изменения в реальном бытии личности коренным образом изменили ее самосознание. Субъект осознавал себя центром направленных вовне (в противовес августино-томистской интроспекции) духовных сил, которые воплощаются в реальные, чувственные (в противовес христианской чистой духовности) ценности, он желал подражать природе, на деле преобразуя ее своим творчеством, практическими деяниями.

Наряду с Италией возрождение новых гуманистических взглядов на индивидуальную психическую жизнь происходило в других странах, где подражались устои прежних социально-экономических отношений. В Испании возникли направленные против схоластики учения, устремленные к поискам реального знания о психике. Так, врач Хуан Луис Вивес (1492-1540) в ставшей знаменитой книге "О душе и жизни" доказывал, что природа человека познается путем наблюдения и опыта, позволяющих, опираясь на теорию, правильно воспитывать ребенка.

СЕРЕДНИИ XX В. Учеб. пособие. — М., 1996. — 416 с

Богомолов А. С. Античная философия. М., 1985.

Яков Ф. Новая Атлантида. М., 1954.

Яков Ф. Новый Органон. М., 1938

Другой врач Хуан Уарте (ок. 1530-1592), также отвергая умозрение и схоластику, требовал применить индуктивный метод "исследования способностей к наукам" (так называлась его книга). Это была первая в истории психологии работа, в которой ставилась задача изучить индивидуальные различия между людьми для определения их пригодности к различным профессиям.

§ 2.7. Психологические аспекты обучения и развития детей в эпохи средневековья и возрождения

В средние века обучение было по преимуществу схоластическим, причем на протяжении долгого времени (до XII века) образованными людьми были главным образом лица духовного звания, так как светских школ и тем более высших учебных заведений фактически не существовало.

Светское образование (по преимуществу рыцарское) давалось знатым юношам в основном при дворе монархов или феодалов. (Зачатки такого воспитания появились уже в римский период, при дворах императоров.) Это было главным образом физическое развитие. Юношам преподавали и основы военного искусства. Однако большинство даже знатных рыцарей не умело читать и писать. Первые светские университеты появились только в XII веке сначала в Италии, а затем и во Франции, в Париже. Таким образом, можно сказать, что только церкви и монастыри являлись в тот период главными очагами культуры, сохраняя в своих библиотеках накопленные предыдущими поколениями знания. При них и существовали школы.

Схоластика, которая при своем появлении являлась до какой-то степени прогрессивным явлением, так как развивала умение логически мыслить, доказывать и строить свою речь, со временем приобрела догматический характер, превратившись в набор силогизмов. В церковных школах обучение основывалось в основном на памяти. Ученики заучивали тексты наизусть, писали только под диктовку преподавателя. Обучались они и ораторскому искусству, в котором главным было умение вести дискуссию по строго определенным правилам, установленным высокими авторитетами. Такое обучение превращало учеников в пассивных проводников чужих мыслей.

Несмотря на то что и в церковных и в возникших впоследствии светских школах уделялось большое внимание этике, формированию социально адаптированной личности, нравственное воспитание понималось прежде всего как усвоение суммы привычек и манер, и никак не влияло на развитие самостоятельности суждений.

Против такого подхода к воспитанию выступили в эпоху Возрождения ученые-гуманисты, которые стремились восстановить основы классического образования, развить у воспитателей интерес к личности ребенка. Большое внимание уделялось и разработке новых принципов обучения, ведущими из которых стали наглядность и природосообразность, о которых впервые

игнорировал еще Аристотель.

Эразм Роттердамский считал, что честолюбивые притязания, которые применялись как средства стимулирования обучения, вредны для нравственного развития. Поддерживая идею сочетания наглядности с положительными эмоциями, испытываемыми детьми во время занятий, он заменил буквы из слоновой кости на "печеные буквы", то есть на буквы, которые выпеклись из муки и в процессе обучения съедались детьми. Таким образом, эмоциональные проявления стали связываться с более непосредственными и, с точки зрения Эразма, моральными и управляемыми эмоциями. Эта система, стремившаяся увеличить у учеников усердие и любознательность путем поощрения со стороны преподавателей, особенно последовательно была разработана иезуитами. Вюртембергский школьный закон 1559 года требовал "доставлять ребенку любовь и радость" и учить в соответствии с индивидуальными особенностями детей.⁴⁷

Однако, как справедливо отмечала немецкий психолог Шарлотта Бюлер, все, что в это время предпринималось для улучшения процесса преподавания, делалось в интересах преподавания в узком смысле слова. Психическое развитие ребенка изучали лишь постольку, поскольку это служило целям оптимизации обучения. Такой подход характерен не только для Эразма Роттердамского, но и для Х. Вивеса, Р. Бэкона, Я. А. Коменского. Справедливо выступая против схоластики и зубрежки, которые не только отупляли детей, тормозили развитие их творческой и познавательной активности, но и снижали мотивацию к учению, эти ученые стремились к соответствию с естественными методами, к учету психических возможностей детей. Недостатком их подхода было то, что, призывая поощрять природу, они понимали под природой прежде всего не внутренний мир детей, их психические особенности, но окружающий мир, в котором происходит переход от простой, неорганизованной материи к сложным высокоорганизованным существам. Этим переходом от простого к сложному и стремились подражать педагоги того времени, разрабатывая свои методы обучения. Однако и в том механизмистском подходе была та ценность, что, анализируя этапы развития природы, ученые приходили к выводу о наличии соответствующих этапов в психическом развитии детей. Таким образом были заложены основы периодизации развития, но первая научная периодизация детства была разработана, только Руссо.

⁴⁷ Михаил Григорьевич Ярошевский. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XX В. Учеб. пособие. - М., 1996. - 416 с

Богомолов А. С. Античная философия. М., 1985.

Бэкон Ф. Новая Атлантида. М., 1954.

Бэкон Ф. Новый Органон. М., 1938

Глоссарий

Детерминизм — учение, утверждающее, что все события в мире предопределены событиями в прошлом.

Механицизм — учение, основывающееся на утверждении, что все естественные процессы являются механическими по своей природе и могут быть объяснены на основе законов физики и химии.

Редукционизм — учение, объясняющее сложные явления более высокого уровня в терминах простых явлений более низкого уровня.

Проблема соотношения души и тела — вопрос о различении души и тела, физического и психического, реального и идеального.

Учение о рефлексе — представление о том, что движения тела могут происходить без участия роли и сознания, под влиянием внешних воздействий (стимулов)

Приобретенные идеи — идеи которые происходят из опыта, под воздействием объектов внешнего мира

ГЛАВА III

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ ЗАРУБЕЖОМ В XIX И XX ВЕКАХ

§ 3.1. Эмпиризм и ассоцианизм: знание и опыт

В середине XIX века, через 200 лет после смерти Декарта, долгий период господства донаучной психологии подошел к концу. В это время европейской философской мыслью овладела новая мода - позитивизм*. Это учение, как и сам термин, берет начало от работ французского философа Огюста Конта (1798-1857), который, говоря, узнав, что скоро умрет, заявил, что с его смертью мир понесет безвозвратную потерю.

Конт поставил перед собой позитивную задачу - подменить систематическому пересмотру все человеческое знание. Для того, чтобы сделать это намерение несколько более реальным, он решил ограничить свою работу использованием только беспорядных данных - тех фактов, которые установлены с помощью строгого научного метода. С его точки зрения, в достаточной мере надежными могут считаться только те факты, которые поддаются объективному научному наблюдению. Все спекулятивные или метафизические утверждения, полученные чисто логическим путем, были объявлены иллюзорными и отвергнуты.

Позитивизм - учение, признающее действительными только те явления и факты, которые поддаются наблюдению.

Материализм - философское учение, утверждающее, что все события во Вселенной могут быть объяснены в физических терминах, как различные проявления материи и ее свойств.

Эмпиризм - философская позиция, объявляющая единственным источником познания наблюдение за природой, эмпирический опыт.

Принятие позитивистской ориентации означало, что отныне ученые должны попытаться на заключения только вполне определенного типа. Эту позицию можно выразить следующим образом: «Доверять можно лишь свидетельствам наших чувств, только они дают научные знания. Все остальное - попросту бессмыслица!» (Robinson. 1981. P. 333). Такой «бессмыслицей» оказались все традиционные философские и теологические проблемы. Лишь научное знание достойно признания.

Антиметафизическая тенденция наша подкрепление и в сфере собственно философского знания. Учение **материализма*** утверждало, что все события во Вселенной можно описать и объяснить природными факторами, как различные свойства материи и энергии¹. С точки зрения материализма даже сознание человека можно объяснить на основе знаний физики и химии. При этом в центре внимания материалистов находилось

* позитивизм — учение, признающее действительным только те явления и факты, которые поддаются наблюдению.

* материализм — философское учение, утверждающее, что все события во вселенной могут быть объяснены в физических терминах, как различные проявления материи и ее свойств.

изучение физических характеристик - анатомических и физиологических структур мозга.

Третья группа философов стояла на позициях **эмпиризма**^{*}. Главной темой размышлений для них был вопрос о происхождении знания. По их мнению, единственным источником знания является чувственный опыт.

Позитивизм, материализм и эмпиризм послужили философским обоснованием нарождающейся научной психологии. Однако главная роль - среди трех названных направлений - принадлежит, безусловно, эмпиризму. Именно он в качестве центральной ставил перед собой задачу исследовать, как крепнет разум человека, как множатся его знания. Согласно данной точке зрения, познание осуществляется преимущественно путем аккумуляирования чувственных впечатлений. Эта позиция противостоит натуристской концепции Декарта, согласно которой часть идей, имеющих для процесса познания важнейшее значение, носит врожденный характер. В нашем изложении мы коснемся позиций некоторых крупнейших английских эмпириков: Джона Локка, Джорджа Беркли, Дэвида Юма, Дэвида Гартли, Джамса Милля и Джона Стюарта Милля.

Джон Локк (1632-1704)

Джон Локк родился в семье мелкого чиновника-юриста, учился в университетах Лондона и Оксфорда. Степень бакалавра он получил в 1656 году, и вскоре после этого защитил диссертацию на звание магистра. В течение нескольких лет Локк преподавал в Оксфорде греческий язык. Литературу и философию, а потом занялся еще и медицинской практикой. Впоследствии Локк увлекся политикой, переехал в Лондон и поступил на службу секретарем к графу Шефтсбери. Вскоре он стал доверенным лицом и другом этого политического деятеля, известного своим полемическим дарованием.

Справедливости ради, следует отметить, что данное определение подходит только к материализму XVIII в. - Прим. перев.

^{*} эмпиризм -

Влияние Шефтсбери в правительстве, однако, падало, а в 1681 году, после участия в неудачном заговоре против Карла II он вынужден был бежать в Голландию. Хотя сам Локк непосредственно не был замешан в заговоре, дружба с Шефтсбери навлекла подозрения и на него, и ему так же пришлось скрываться в Голландии. Через несколько лет, когда можно было уже вернуться в Англию, Локк становится упомянутым по апелляциям и пишет несколько книг по проблемам образования, религии и экономике. Он отстаивает право людей на свободу совести и право самим распоряжаться собственной жизнью. Эти работы приносят ему широкую известность по всей Европе. Локк становится одним из лидеров либеральной мысли. Некоторые его идеи легли в основание Декларации независимости Соединенных Штатов Америки.

В области психологии наиболее значительным произведением Локка является его «Опыт о человеческом разуме» (An Assay Concerning Human Understanding, 1690). В этой работе, которая являлась результатом напряженного двадцатилетнего труда, содержится наиболее полное изложение его взглядов. За период до 1700 года книга выдержала четыре издания, была переведена на французский язык и латынь. Именно с момента появления этой работы можно вести отсчет истории британского эмпиризма.

Как возникает знание?

В центре внимания локковского системы стояли вопросы теории познания. Каким образом происходит познание, как возникает новое знание? Локк, в противоположность Декарту, отрицает существование врожденных идей. От рождения человек не обладает никакими знаниями, все приходит с опытом. Локк признает, что некоторые идеи, например, идея Бога, могут показаться вопросом человеку врожденными. Но это происходит только потому, что мы усвоили эту идею в раннем детстве и просто не помним себя без нее. Таким образом, врожденный характер некоторых идей - не более чем иллюзия. Появление абсолютно всех идей можно объяснить через обучение и привычку.

Каким же образом появляется знание? По Локку, все знание исходит только из опыта. Он писал:

Предположим, что ум есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей... Откуда он приобретает тот обширный их запас, который деятельное и беспредельное человеческое воображение нарисовало с почти бесконечным разнообразием? Откуда получает весь материал рассуждения и знания? На это я отвечаю одним словом: из опыта. На опыте основывается все наше знание, от него в конце концов оно происходит. (Локк Дж. Соч. М. 1985. Т. 1. С. 154.)

За многие века до этого сходные мысли высказывал Аристотель: ум человека при рождении представляет собой tabula rasa - чистую доску, на которой опыт запечатлевает свои отметки.⁴⁸

Ощущения и рефлексия

По Локку, существуют два различных вида опыта: внешний и внутренний. Один из них основывается на чувствах, другой - на осмыслении своих собственных действий и состояний - другими словами, рефлексии. Те идеи, которые происходят из чувств (то есть на основе непосредственного воздействия объектов внешнего мира на органы чувств), представляют собой простые чувственные впечатления. Эти чувственные впечатления воздействуют на наш ум, а тот, в свою очередь, оперирует с чувственными впечатлениями, наблюдая за собственной деятельностью. На основе наблюдений за деятельностью ума и возникает опыт рефлексии. Этот внутренний, рефлексивный опыт вторичен по отношению к опыту внешнему, чувственному.

В процессе развития индивида сначала появляется чувственный опыт, поскольку прежде надо иметь то, что может подвергаться рефлексии. Рефлексируя, мы вспоминаем прежние чувственные впечатления, комбинируем и обобщаем их, создавая тем самым абстракции и идеи более высокого порядка. Таким образом, все идеи возникают на основе чувственного опыта и опыта рефлексии, но конечным источником познания все же остается чувственный опыт.

Простые и сложные идеи

Локк различает простые и сложные идеи. Простые идеи* появляются на основе как чувственного, так и рефлексивного опыта, и пассивно воспринимаются нашим умом. Простые идеи совершенно элементарны, они не содержат в себе никаких частей и потому не поддаются анализу или сведению к каким-либо еще более простым идеям. В процессе своей деятельности разум активно создает новые идеи путем комбинирования и сочетания различных простых идей между собой. Эти новые производные идеи Локк называет сложными идеями*. Они состоят из ряда простых идей, а потому поддаются анализу и могут быть разложены на компоненты.

Теория ассоциаций

Представление о сочетании или соединении идей и обратный процесс их анализа открывает эпоху так называемого психохимического подхода, развиваемого в теории ассоциаций*. Согласно этой точке зрения, простые идеи могут взаимосвязываться и образовывать таким образом сложные идеи.

* Простые идеи - элементарные идеи, возникающие на основе чувственного опыта или опыта рефлексии. Сложные идеи - идеи производного характера, которые состоят из ряда простых идей. Такие идеи поддаются анализу и могут быть разложены на ряд более простых компонентов.

* сложные идеи - идеи производного характера, которые состоят из ряда простых идей. Такие идеи поддаются анализу и могут быть разложены на ряд более простых компонентов.

* Теория ассоциаций - концепция, согласно которой сложные идеи образуются путем соединения или ассоциации простых идей.

Собственно, ассоциация - это тот самый процесс, который современные психологи называют научением. Представление о возможности редукции, сведения всей психической жизни человека к набору простых идей или элементов, а также объяснение сложных идей через ассоциацию простых лежит в основании всей современной научной психологии. Как и часовой механизм, который можно разобрать и собрать, создавая на этой основе новые, более сложные машины, идеи сознания так же можно анализировать и ассоциировать.

С точки зрения Локка, сознание человека работает в полном соответствии с законами физики. Элементами психики, своеобразными нематериальными атомами, являются простые идеи. Они представляют собой полный аналог материальных атомов в механистической галилеевско-ньютоновской системе Вселенной. Базовые элементы психики (простые идеи) неделимы, как и их материальные аналоги. Из их сочетаний и комбинаций образуются все многообразие знаний. Создание теории ассоциаций можно считать важным этапом на пути развития представлений о характере деятельности как психики, так и тела - по аналогии с работой машины.

Первичные и вторичные качества

Большое значение для ранней истории научной психологии имеет локковское различение первичных и вторичных качеств. Первичные качества* существуют вне зависимости от нашего восприятия. Примером такого рода первичных качеств будут, скажем, размеры и форма здания. Цвет фасада - это пример вторичных качеств. Такие характеристики, как цвет предмета, зависят от восприятия человеком. Разные люди видят те или иные цвета по-разному. Вторичные качества* - такие как цвет, запах, звук и вкус - существуют не сами по себе, а через наше восприятие. Например, если пошевелить у человека перышком в носу, то возникновение при этом чиха характеризует не перышко, а нашу реакцию, на прикосновение пера. Равным образом и боль, возникающая от пореза, говорит не о ноже, а о нашей реакции на рану.

Эти свои представления Локк иллюстрирует при помощи следующего простого опыта: возьмем три емкости, заполненные водой. В одну емкость нальем холодную воду, во вторую - теплую, а в третью - горячую. Далее, опустим левую руку в сосуд с холодной водой, а правую - в горячую воду. Затем поместим обе руки в сосуд с теплой водой. При этом одна рука будет ощущать эту воду как теплую, а другая - как холодную. Понятно, что теплая вода не меняет своей температуры ни в первом, ни во втором случае.

* первичные качества - такие характеристики объекта, которые присущи ему вне зависимости от его восприятия (например, размеры и форма предмета)

* вторичные качества - такие характеристики, которые присущи только нашему восприятию предмета, а не предмету самому по себе (например, цвет, запах).

Вторичные качества существуют лишь в нашем восприятии объекта, но не присущи объекту самому по себе (в данном случае, воде). Еще один пример: если не надкусить яблоко, то и не возникнет ощущения его вкуса. Первичные же качества того же самого объекта (яблока) существуют вне зависимости от того, воспринимаются они кем-нибудь или нет. Вторичные качества проявляются только при самом акте восприятия.

Конечно, Локк не был первым, кто обратил внимание на подобное различие первичных и вторичных качеств. В свое время Галилей высказывал нечто весьма сходное: «Я полагаю, что если бы мы каким-либо образом лишились ушей, языков и носов, то форма, число и движение предметов [первичные качества] все же остались бы в то время, как все запахи, звуки и вкус [вторичные качества] исчезли бы. По моему мнению, последние есть не более, чем просто имена, если отделить их от живых существ» (цит. по: Воас, 1961, Р. 262).

Подобные взгляды полностью согласуются с механистическим воззрением на мир, согласно которому он весь состоит лишь из движущейся материи. Если вся объективная реальность представляет собой материю, то любые восприятия - цвет, запах и вкус, есть не что иное, как реальность субъективная. А те характеристики предметов, которые присущи им независимо от какого бы то ни было восприятия, - это первичные качества.

Проводя разграничение первичных и вторичных качеств, Локк тем самым фактически признал субъективный характер большей части человеческих восприятий. Это обстоятельство заинтересовало его и побудило заняться исследованием процесса познания. Собственно, представление о вторичных качествах и появляется как попытка справиться с трудностями проведения строгого соответствия между физическим миром и значительной частью нашего его восприятия.

Однако, коль скоро мы допускаем - хотя бы теоретически - существование первичных и вторичных качеств, одни из которых обладают объективным существованием, а другие - только субъективным и не существуют вне восприятия, то рано или поздно должен был появиться кто-то, кто задался бы вопросом: а существуют ли подобные различия между первичными и вторичными качествами на самом деле? Не являются ли все восприятия вообще субъективными, зависящими от наблюдателя, и в этом смысле - вторичными? Философом, который поставил такой вопрос и попытался дать на него развернутый ответ, был Джордж Беркли.

Джордж Беркли (1686-1753)

Джордж Беркли родился и получил образование в Ирландии. Будучи глубоко религиозным человеком, он был посвящен в сан дьякона англиканской церкви в возрасте 24 лет. Вскоре после этого он опубликовал две философские работы, оказавшие большое влияние на развитие психологии - «Новая точка зрения» (An Assay Towards a New Theory of Vision, 1709) и «Трактат о принципах человеческих знаний» (A Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge, 1710). Однако, можно сказать, что на этом его вклад в психологию и закончился.

Беркли много путешествовал по Европе, пережил множество различных занятий, включая и преподавание в Тринити колледж в Дублине. Однажды на званом обеде он разговаривал с некой дамой. Спустя некоторое время дама преподнесла ему в дар весьма значительную сумму денег, что позволило Беркли в итоге обрести финансовую независимость. Он посетил Соединенные Штаты, провел три года в Ньюпорте и Род-Айленде. Уезжая, он подарил свой дом и библиотеку Йельскому университету. В последние годы жизни он занимал пост епископа г. Клойна. После смерти тело Беркли, в соответствии с его волей, оставалось не потребынным в постели до тех пор, пока не начало разлагаться. Он полагал, что это - единственный надежный признак смерти, ему вовсе не хотелось быть похороненным живым.

Слава Беркли, или, по крайней мере, его имя - живая в Соединенных Штатах до сих пор. В 1855 году преподобный Генри Дюран, священник из Йела, основал школу в Калифорнии. Он назвал ее именем Беркли в память о славном епископе, а может, в честь одной из его поэм под названием «По поводу перспектив развития искусства и образования в Америке», в которой содержится такие часто цитируемые строки: «[Путь империи лежит на запад].»

Взгляд эмпиризма в развитие психологии

Становление эмпиризма существенным образом повлияло на сам характер философского мышления. И хотя проблематика исследований оставалась в основном прежней, подход к изучаемым проблемам стал существенно иным: атомистическим, механистическим и позитивистским. Вспомним основные

принципы эмпиризма. Это: подчеркивание первичной роли чувственного опыта в познании, аналитическое разложение опыта сознания на элементы, образование сложных идей вследствие проведения ассоциации с рядом простых идей, а также акцент на сознательные психические процессы. Совершенно очевидно, что в становлении научной психологии эмпиризм сыграл значительную роль.

К середине XIX века философия в области изучения психики и сознания сделала все, что могла: были сформулированы основные принципы научного изучения природы человека*. Теперь дело было за практическим воплощением этих теоретических принципов. Первое слово в этом процессе было сказано физиологами, заложившими своими экспериментальными исследованиями основу и методологию новой научной психологии.

§ 3.2. Новая психология

Искажение фактов. Будучи основоположником новой психологической науки, Вильгельм Вундт является одной из виднейших фигур в этой области. Приступая к изучению истории психологии, не одно поколение студентов познакомилось с традиционной версией научного подхода Вундта. И только через сто лет после того, как Вундт основал психологию, открылись новые данные, а старые факты «зазвучали» иначе, что заставило психологов признать, что общепринятое представление о системе Вундта было ошибочным. И ведь эта судьба постигла именно Вундта, который всегда боялся быть «непонятым, либо понятым неправильно» (Waldwin. 1980. P. 301)

В 70-е и 80-е годы нашего столетия эта тема была подхвачена во многих публикациях, в которых говорилось о том, что господствующий взгляд на психологию Вундта неверно интерпретирует его позицию, приписывая ему убеждения, которые в корне расходились с его идеями (см., напр.: Vimenthal. 1975, 1979; Leary. 1981).

Как подобное недоразумение могло случиться в отношении фигуры такого масштаба? Вундт написал множество книг и статей, в которых ясно изложил свой взгляд на психологию. Обратившись к ним, любой мог уяснить его позицию - любой, кто читает по-немецки и располагает достаточным запасом времени, чтобы проштудировать феноменальное количество его работ.

Полно, зачем так утруждать себя? Большинство психологов полагают лишним читать Вундта в оригинале, поскольку основные его идеи и результаты научных изысканий изложены по-английски его учеником Э. Б. Титченером - английским психологом, который почти всю жизнь проработал

в Корнеллском университете в Нью-Йорке. Титченер заявлял о себе как о преданном последователе Вундта и доподлинным переводчике его трудов. И так случилось, что метод Титченера, который он назвал структурализмом, был принят за отображение системы его учителя, Вундта. Считалось, что изучение метода Титченера автоматически означает обращение к Вундту.

Позже исследователи, изучавшие произведение Вундта, усомнились в правомочности такой постановки вопроса. Титченер не совсем точно представил позицию Вундта. Совершенно очевидно, что он перевел только те выдержки из его работ, которые служат подтверждением его собственных построений. Судя по всему, он мог несколько видоизменить идеи Вундта с тем, чтобы они согласовались с его собственными, что сделало бы их более несомненными, поскольку эти идеи поддержаны самим основателем психологии.

Неточная и неполная титченеровская версия системы Вундта была воспринята несколькими поколениями не только в силу того положения, которое Титченер занял в американской психологии, но также потому, что ученик последнего Дж. Боринг одно время был ведущим историком психологии. По утверждению Боринга, Титченер был продолжателем традиций лейпцигской школы Вундта. И хотя тому же Борингу принадлежат слова о том, что работа Титченера «отличалась от [школы] Вундта» (Votting. 1950. P. 419), многие психологи, которые изучали историю своего предмета по учебнику Боринга «История экспериментальной психологии» (A History of Experimental Psychology) 1929 и 1950 года издания, отождествляли системы Титченера и Вундта.

Итак, взгляд на психологию Вундта, который долгое время предлагался американским студентам, оказался скорее мифом, а не фактом, легендой, а не истиной. Начиная с формального возникновения психологии, почти сто лет преподаватели истории психологии ошибались сами и вводили в заблуждение других. Это относится и к учебникам по психологии (включая и предыдущие издания книги, которую вы держите в руках). Это еще один пример того, как искаженные исторические данные могут повлиять на наше понимание событий прошлого. Как мы уже говорили в главе I, история - не застывшая наука, новые находки меняют взгляды на, казалось бы, хорошо известные факты.

* Вряд ли можно согласиться с тем утверждением автора, что влияние философии на психологию было исчерпано к середине XIX века. Достаточно вспомнить такие философские направления XX века, как феноменология и экзистенциализм. - Прим. перев.

Вильгельм Вундт (1832-1920)

Напомним некоторые факты из биографии Вундта, мы затем рассмотрим его определение психологии и его влияние на последующее развитие научных методов.

Страницы жизни

Вильгельм Вундт провел детские годы в Германии, жил в маленьких городках вокруг Маннгейма. В детстве он чувствовал себя одиноким, мечтал стать знаменитым писателем. Школьные отметки маленького Вильгельма оставляли желать лучшего. В семье к нему относились как к единственному ребенку, так как его старший брат учился вдалеке от дома, в школе-интернате. Отец Вундта был пастором, и, хотя их семья считалась дружной, детские воспоминания Вундта об отце были не самыми приятными. Он вспоминал, как однажды отец дал ему пощечину за то, что мальчик не заметил своего учителя.

Начиная со второго класса, образование Вундта было поручено помощнику отца, к которому Вильгельм привязался всей душой. Когда молодого священника перевели в другой приход, мальчик был так расстроен предстоящим расставанием, что родителям пришлось позволить ему уехать со своим учителем, в доме которого Вундт и жил, пока ему не исполнилось 13 лет.

В отношении образования в семье Вундта существовали прочные традиции: его предки прославили свое имя достижениями практически во всех областях науки. Но, тем не менее, для домашних было очевидно, что самый младший Вундт эту замечательную линию не продолжит. Дни он проводил не за учебниками, а в мечтаниях, и, как результат, проводил экзамены за первый класс. В гимназии он отставал от одноклассников, над ним посмеивались учителя.⁴⁹

⁴⁹ Ждан А.Н. История психологии: от античности до современности. — М.: Изд. Российское педагогическое агентство, 1997.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. В 2-х томах. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Постепенно Вундт научился контролировать свою склонность к фантазированию и даже стал пользоваться популярностью в школе, которую, правда, так никогда и не смог полюбить. Но он развил свои интеллектуальные интересы и способности и к 19 годам, окончив школу, был уже готов к поступлению в университет.

Вундт решил стать врачом, что давало ему возможность зарабатывать на жизнь и одновременно заниматься наукой. Медицине он обучался в университете в Тюбингене, а затем в Гейдельберге. Он изучал анатомию, физиологию, физику, медицину и химию. Однако спустя некоторое время Вундт пришел к выводу, что практическая медицина - не его призвание, и полностью посвятил себя изучению физиологии.

Прочувшись всего семестр в Берлинском университете, где в то время работал великий физиолог Иоганнес Мюллер, Вундт возвращается в Гейдельберг. Здесь в 1855 году он получает докторскую степень, и с 1857 по 1864 годы читает лекции и работает лаборантом у Германа фон Гельмгольца. Но в конце концов Вундту наскучило быть лектором, и он отказался от этой работы. В том же 1864 году он получил должность адъюнкт-профессора и остался в Гейдельберге еще на 10 лет.

В ходе занятий физиологией Вундт задумывается о психологии как самостоятельной экспериментальной науке. Свои идеи он представил в книге «К теории чувственного восприятия» (*Beitrag zur Theorie der Sinnesempfindung*), которая частями публиковалась с 1858 по 1862 год. В этом сочинении Вундт описывает эксперименты, которые он ставил в домашней, довольно плохо оборудованной, лаборатории, и излагает свое видение методов новой психологии. Здесь же он впервые вводит понятие экспериментальной психологии. Наряду с «Элементами психофизики» (1860 г.) Фехнера, об этой книге Вундта часто говорят, что она заменит собой формальное начало НОРОЙ науки.

Работа Вундта «Лекции о душе человека и животных» (*Vorlesungen über die Menschen und Tierseele*) относится к 1863 году. О важности этого труда говорит его переиздание (исправленное) почти через 30 лет после первой публикации и выход многочисленных репринтных изданий вплоть до кончины Вундта в 1920 году. В этом сочинении среди прочих Вундт затрагивает проблему измерения времени реакции и рассматривает вопросы психофизики, которые на протяжении многих лет занимали умы экспериментальных психологов.

Начиная с 1867 года, Вундт читает в Гейдельберском университете первый и единственный в мире на то время курс лекций по физиологической психологии. Эти лекции «вылились» в одну из самых значительных его книг «Основы физиологической психологии» (*Grundzüge der physiologischen Psychologie*), которая была опубликована в двух частях в 1873 и 1874 годах. Под редакцией самого Вундта работа переиздавалась 6 раз в течение 37 лет, последний раз - в 1911 году. Сей признанный шедевр Вундта заложил

фундамент психологии как самостоятельной экспериментальной науки с собственным кругом проблем и методами исследования.

Долгие годы «Основы физиологической психологии» служили для психологов-экспериментаторов энциклопедией и свидетельством прогресса новой психологической науки. В предисловии к этой книге Вундт так сформулировал свою цель: «выделить новую область познания». Термин «физиологическая психология» может быть неправильно понят. В Германии во времена Вундта слово «физиологический» использовалось как синоним слова «экспериментальный». Таким образом, Вундт писал не о той физиологической психологии, какую мы знаем сейчас, а о психологии экспериментальной.

Годы в Лейпциге

В 1875 году Вундт становится профессором философии в Лейпцигском университете; с этого момента начинается самый продолжительный и важный период его поразительной научной карьеры. В этом университете он проработал 45 лет. Уже в начале своей деятельности он создает в Лейпциге лабораторию, а в 1881 году основывает журнал «Философские учения», официальный печатный орган своей лаборатории и новой науки Вундт намеревался назвать новое издание «Психологические учения», но передумал, поскольку в то время уже существовал журнал с таким названием (хотя в нем затрагивались не научные, а оккультные и спиритуалистические вопросы). Все же в 1906 году Вундт переименовал свой журнал в «Психологические учения». Перед психологией открывалась широкая дорога.

Широкая известность имени Вундта и его лаборатории привлекала в Лейпциг огромное количество жаждавших с ним работать студентов. В их числе было несколько молодых людей, которые позже внесли существенный вклад в развитие психологической науки, среди них американцы, основавшие по возвращении в Соединенные Штаты собственные лаборатории. Таким образом лейпцигская лаборатория оказала огромное влияние на развитие современной психологии - она служила образцом для создания новых экспериментальных центров.

Бывшие студенты Вундта организовали лаборатории также в Италии, России и Японии. Больше всего сочинений Вундта было переведено на русский язык. Восхищаясь Вундтом, российские психологи в 1912 году оборудовали в Москве лабораторию - точную копию вундтовской. Еще одна такая лаборатория была построена японскими учеными на базе Токийского университета в 1920 году, в год смерти Вундта, но в 60-е годы эта лаборатория стала во время студенческих волнений (Vimperial. 1985). Студентов, которые приезжали в Лейпциг, прежде всего объединяли общие взгляды и цели, и именно эти молодые ученые составили первую формальную психологическую школу.

Лейпцигские лекции Вундта пользовались большой популярностью. На каждую в аудитории собиралось более шестисот студентов. Впервые

появившись на одной из лекций в 1890 году, Э. Б. Титченер так описал Вундта в одном из своих писем:

Служитель, распахнул дверь, и вошел Вундт. Естественно, во всем черном, от ботинок до галстука, узкоплечий, сухощавый, немного сутулитесь; он производит впечатление высокого человека, но едва ли его рост превышает 5 футов 9 дюймов.

Он проглотил слово - другого слова не подберешь - по боковому проходу и вошел на кафедру: тук. тук - будто его подметки были сделаны из дерева. Мне показалось, что в этом грохоте башмаков есть что-то недостойное, но кроме меня, похоже, этого никто не заметил.

Когда он прошел на кафедру, я смог хорошенько разглядеть его. У него довольно густая, серо-стального цвета шевелюра, только макушку прикрывают аккуратно поднатянутые бока пряди...

На возвышении стоит длинный стол. по-видимому, для демонстрации экспериментов: на нем - переносная книжная полка. Вундт сделал пару манерных движений - задумчиво приложил ко лбу указательный палец, вынул мек - а затем стал лицом к аудитории, опершись локтями на книжную полку. Такая поза усиливает впечатление, что это человек высокого роста. Он начал говорить тихим голосом, словно извиняясь: но уже после первых двух предложений в помещении образовалась полная тишина, в которой раздавался лишь уверенный голос лектора, - он прочитал лекцию на одном дыхании. У него оказался густой баритон, не очень выразительный, порой будто лающий: но слушать его было легко, в голосе чувствовалась убедительность, иногда даже пылкость, но, скорее, напускная для поддержания интереса слушателей... Ни в какие записи он не заглядывал: Вундт, насколько я могу судить, вообще не опускает взгляд, разве что раз он посмотрел на полку, когда перебирал лежащие на ней бумаги...

Руки Вундта ни минуты не лежали спокойно: локти были неподвижны, но плечи и кисти все время двигались, словно волны... эти движения замораживали и каким-то таинственным образом иллюстрировали его речь...

Он закончил лекцию точно в назначенное время и, все так же немного сутулясь, проглотил башмаками к выходу. И если бы не этот дурацкий грохот, я остался бы в полном восхищении. (Waldwin. 1980. P. 287-289.)*

В частной жизни Вундт был спокойным и непритязательным человеком, дни его проходили по строго заведенному порядку (обнаруженные в 1970 году дневники его жены Софи - еще один пример появления ранее неизвестных исторических данных - рассказали много нового о личной жизни Вундта). С утра Вундт работал над какой-нибудь книгой или статьей, читал студенческие работы, редактировал свой журнал. В полдень он присутствовал на экзаменах в университете или навещался в

* Печатается с разрешения Американской психологической ассоциации.

лабораторию. Один из студентов Вундта вспоминал, что его визиты занимали не более 5-10 минут. Вероятно, несмотря на свою непоколебимую веру в экспериментальные исследования, «сам он не был создан для работы в лаборатории» (Sattel, 1928, P. 545).

Во второй половине дня Вундт прогуливался, мысленно готовясь к предстоящей лекции, которая обычно начиналась в 4 часа пополудни. Вечерами в его семье музицировали, говорили о политике и - по крайней мере, в дни его молодости - о правах студенческой молодежи и рабочих. Финансовое положение семейства позволяло держать в доме слуг и устраивать приемы.

Культурно-историческая психология

Основав лабораторию и журнал, руководя множеством исследовательских проектов, Вундт обратился и к философии. В период с 1880 по 1891 год он писал работы по этике, логике, философии. В 1880 и 1887 годах Вундт подготовил второе и третье издания «Основ физиологической психологии», продолжал писать статьи для своего журнала.

Еще в первой своей книге по культурно-исторической или социальной психологии Вундт обратился к теме, на исследование которой позже направил весь свой многотомный талант. Вернувшись к этому проекту, он создал 10-томный труд под названием «Психология народов» (Völkerpsychologie), который издавался в 1900-1920 годах.

К культурно-исторической психологии Вундт отнес изучение различных стадий развития человеческого психических процессов, которые проявляются в объективных продуктах культуры - языке, искусстве, мифологии, социальных уставах, законах, морали. Огромное значение этого труда для психологии обусловлено не только актуальностью самого предмета исследования: появление этой работы знаменует собой разделение новой психологической науки на две ветви - экспериментальную и социальную. Вундт полагал, что простейшие психические процессы - ощущение и восприятие - можно и необходимо изучать с помощью лабораторных исследований. Но он был уверен, что экспериментальный метод не годится для изучения психических процессов высшего порядка - таких, как обучаемость и память, которые связаны с языком и прочими аспектами нашего культурного воспитания. По мнению Вундта, к высшей мыслительной деятельности можно применить только не экспериментальные методы исследования, практикуемые в социологии, антропологии, социальной психологии. Важным является утверждение Вундтом ведущей роли социальных сил в развитии познавательных процессов. Однако его суждения о том, что эти процессы невозможно изучать с помощью эксперимента, вскоре были опровергнуты.⁵⁰

⁵⁰ Ждан А.Н. История психологии: от античности до современности. - М.: Изд. Российское педагогическое агентство, 1997.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. В 2-х томах. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Развитию культурно-исторической психологии Вундт посвятил 10 лет, но она не оказала существенного влияния на американскую психологию. В статьях, опубликованных за 90 лет в «Американском психологическом журнале», во всех выдержках из произведений Вундта на долю «Психологии народов» приходится всего 4 процента цитат. Для сравнения: на «Основы физиологической психологии» делаются ссылки в 61 процентах случаев (Можек, 1980).

Вундт продолжал работать без перерыва до самой своей смерти в 1920 году. Он вел очень спокойную жизнь, и - так уж распорядилась судьба - умер вскоре после завершения книги своих воспоминаний. Подсчитано, что в период с 1853 по 1920 годы Вундт написал более 54 тысяч страниц - то есть он писал по 2,2 страницы ежедневно (Boeing, 1950; Wingman & Valk, 1992). Наконец, сбывшаяся его детская мечта стать знаменитым писателем.

Исследования опыта сознания

Психология Вундта основывалась на экспериментальных методах естественных наук - в основном, на методах физиологии. Вундт приспособил эти научные методы к новой психологии и проводил исследования точно так же, как это делал любой естествоиспытатель. Таким образом, «дух времени», Zeitgeist, в физиологии и психологии способствовал формированию как предмета новой психологии, так и методов психологических научных исследований.

Предметом изучения Вундта, если выразить это одним словом, было сознание. Если же говорить об этом более пространно, то следует отметить, что в системе ученого нашли отражение все теории эмпиризма и ассоциационизма, получившие развитие в XIX веке. Вундт считал, что сознание - явление сложностное, и для его изучения лучше всего подходит метод анализа или редукционизма. Он писал: «Первым шагом в изучении какого-либо явления должно быть полное описание... его составляющих элементов» (цит. по: Diamond, 1980, P. 85).

На этом, однако, сходство между эмпиристами, ассоцианистами и Вундтом заканчивается. Вундт был не согласен с идеей статичности элементов сознания - так называемых атомов мозга - которые пассивно, в результате некоего механического процесса, соединяются друг с другом. Он считал, что сознание играет гораздо более активную роль в организации собственной структуры. А значит, изучение только составляющих, только содержания сознания или его структуры - лишь начало в понимании психологических процессов.

Поскольку главное внимание Вундт сосредоточил на способности мозга к самоорганизации, он назвал свою систему **волюнтаризм*** (от слова *volition* - волевой акт, хотение). Другими словами, волюнтаризм объясняет то, как сила воли делает мышление высокоорганизованным. Вундт делал упор не на самих элементах, как английские эмпиристы и ассоцианисты (а позднее и Титченер), а на процессе их активной организации или синтеза. Но не следует забывать: хотя Вундт придавал важное значение способности мышления разума к активному высокоуровневому синтезу своих составных элементов, тем не менее, в основе его теории лежали именно элементы сознания. Без этих элементов разуму нечего было бы организовывать.

Согласно Вундту, психологам в основном следует иметь дело с непосредственным опытом субъекта. **Опосредованный опыт*** обеспечивает нас информацией или знаниями, которые не являются составляющими непосредственного переживания. Это обычная форма использования уже имеющегося опыта познания мира. Например, мы смотрим на цветок и говорим: «Он — красный». Но в этом утверждении подразумевается, что в первую очередь наш интерес обращен к самому цветку, о котором мы уже многое знаем из предыдущего жизненного опыта, а не к непосредственному, отвлеченному постижению <красоты>.

Непосредственный опыт* визуального восприятия не зависит от предыдущего опыта того, кто на него смотрит, - в приведенном примере он зависит только от непосредственного восприятия красного цвета. Таким образом, непосредственный опыт, по Вундту, очищен от всякого рода интерпретаций.

Точно так же, когда мы описываем чувство дискомфорта - допустим, при зубной боли, - мы описываем свой непосредственный опыт. Если же кто-то говорит: «У меня болят зубы» - речь идет уже об опосредованном опыте.

Вундт считал более важным непосредственный опыт человека - например, опыт восприятия красного цвета или дискомфорта - он говорил, что это форма активной организации разумом своих составляющих элементов. В своих научных исследованиях ученые-естествоиспытатели расчленяют материальные объекты на структурные элементы. Вундт также намеревался расчленить мышление на элементы или составные части. Разработка русским химиком Дмитрием Менделеевым периодической таблицы химических элементов только укрепила его в своем намерении. Историки предполагают, что Вундт уже начал работать над разработкой «периодической таблицы мышления» (Marx & Stoepan-Hillix. 1987, p. 76).

* Волюнтаризм - теория, согласно которой воля обладает способностью организовывать процесс мышления, переводя его на качественно более высокий уровень.

* опосредованный опыт - обеспечивает информацией или знаниями, которые не являются составляющими непосредственного переживания.

* непосредственный опыт - опыт, который очищен от всякого рода интерпретаций.

Метод интроспекции

Психологии Вундта - наука об опыте сознания, следовательно, метод интроспекции должен включать наблюдение за собственным сознанием. И человек способен проводить такие наблюдения, он может воспользоваться методом интроспекции - проверки состояния собственного мышления. У Вундта этот метод получил название внутренней перцепции. Понятие интроспекции - вовсе не открытие Вундта; его появление связывают с именем Сократа. Вклад Вундта заключается в проведении экспериментов и использовании в них строгих научных методов. Правда, некоторые ученые - критики Вундта - считали, что длительные эксперименты самонаблюдения вымывают у его участников серьезные душевные заболевания (Titchener. 1921).

Метод интроспекции был позимствован психологами из физики, в которой он применялся для исследований света и звука, а также из физиологии, где он использовался для изучения органов чувств. Так, для того, чтобы получить сведения об органах чувств, исследователи использовали какой-либо раздражитель, а затем просили испытуемого описать полученные ощущения - приблизительно так, как это делал Фехнер в своей научной работе. Сравнивая вес двух грузов, испытуемый тем самым анализирует собственные ощущения, регистрируя переживания своего сознания. Если же вы говорите: «Я голоден», значит, вы уже внутренне проанализировали состояние своего организма.

Эксперименты по интроспекции, или внутренней перцепции, проводились Вундтом в лейпцигской лаборатории со строжайшим соблюдением установленных им же правил. Вот эти правила:

- 1) наблюдатели должны уметь правильно определять момент начала эксперимента;
- 2) наблюдатели никогда не должны снижать уровень своего внимания;
- 3) эксперимент должен быть организован так, чтобы его можно было провести несколько раз;
- 4) условия проведения эксперимента должны быть приемлемыми для изменения и контроля за изменением факторов раздражения.

Последнее условие выражает суть экспериментального метода: надежность факторов раздражения и наблюдение за возникающими изменениями в ощущениях испытуемого.

Вундт редко проводил сеансы так называемой качественной интроспекции, в которых испытуемые просто описывали свой внутренний опыт. Интроспективный анализ он обычно связывал с непосредственными представлениями испытуемых о величине, интенсивности и диапазоне различных физических раздражителей. Лишь небольшое количество исследований включало наблюдение субъективного или качественного характера - к примеру, описания степени комфортности восприятия разных раздражителей, интенсивности образов и т. п. В большей части

исследований Вундта проводились объективные измерения с использованием сложного лабораторного оборудования; нередко оценивалось время реакции. Таким образом, Вундт делал выводы об элементах и процессах сознания, исходя только из объективных оценок.

Элементы опыта сознания

Определив предмет и метод новой психологии, Вундт в общих чертах набросал ее задачи:

- 1) проанализировать процессы сознания посредством исследования его основных элементов;
- 2) выяснить, как эти элементы соединяются;
- 3) установить принципы, согласно которым такое соединение происходит.

Вундт предположил, что ощущения являются одной из первичных форм опыта. Ощущения возникают каждый раз, когда на органы чувств воздействует какой-либо раздражитель и возникающие импульсы достигают мозга. Вундт разделил ощущения по интенсивности, продолжительности и модальности. Вундт не проводил различия между ощущениями и возникающими мысленными образами, так как образы также связаны с возбуждением коры головного мозга.

Чувства - еще одна форма первичного опыта. Вундт утверждал, что ощущения и чувства возникают одновременно в процессе одного и того же непосредственного опыта. Чувства непременно следуют за ощущениями, любым ощущениям соответствуют определенные чувства. В результате соединения ощущений возникает новое качество или новое чувство.

В процессе проведения сеансов самонализа Вундт разработал **трехмерную модель чувств**. После ряда экспериментов с метрономом (устройством, отмечающее ударами короткие промежутки времени) Вундт отметил, что одни ритмические композиции он предпочитает другим. Ученый пришел к выводу, что в определенные моменты эксперимента у него возникало субъективное чувство удовольствия или дискомфорта (заметьте, что такое субъективное чувство появилось одновременно с физическими ощущениями, которыми сопровождаются удары). Затем он высказал предположение, что любое состояние чувств всегда находится в диапазоне между удовольствием и дискомфортом.

Во время опытов с метрономом Вундт выявил еще один вид чувств. Он заметил, что, пока он ждет следующего удара метронома, у него возникает чувство легкого напряжения, а после того, как удар прозвучал, - расслабления. Из этого он сделал вывод, что, помимо континуума удовольствия-дискомфорта, его чувства имеют еще одно измерение: напряжение-расслабление. Кроме того, Вундт заметил, что, когда ритм

ударов усиливается, он слегка возбуждается и, соответственно, успокаивается, когда ритм замедляется.

Постоянно и терпеливо изменяя ритм метронома, занимаясь самонализом и следуя своей непосредственно осознаваемый опыт (чувства и ощущения), Вундт пришел к идее трех разнонаправленных измерений чувств: удовольствие-дискомфорт, напряжение-расслабление, подъем-успокоение. Любое чувство располагается в некоем диапазоне внутри определенного таким образом трехмерного пространства.

Вундт полагал, что эмоции представляют собой сложное соединение элементарных чувств, которые, в свою очередь, могут быть без труда измерены при помощи трехмерной теории. Таким образом, Вундт свел эмоции к элементам мышления. Появление трехмерной теории чувств способствовало активизации исследований в научных лабораториях Лейпцига (и не только), но испытания временем она не выдержала.

Организация элементарного сознательного опыта

Вундт, как известно, основывал свои исследования на элементах сознательного опыта. И, тем не менее, он признавал, что наше видение, если мы смотрим на реально существующий объект, есть результат единства ощущений. К примеру, дерево - это именно дерево, а не отдельные ощущения степени его освещенности, цвета или формы, как это получается в результате лабораторных экспериментов. Визуально человек способен оценить дерево как целое, а не как некую сумму отдельных ощущений и чувств.

Так как же из отдельных составляющих сознания возникает единый опыт? Для объяснения этого явления Вундт предложил теорию **интерпретации**. Он назвал процесс организации базовых элементов в единое целое творческим синтезом (по-другому, принципом психических составляющих); в результате такого процесса из комбинации элементов возникает новое качество.

«Характеристики любого сложного психического явления не сводятся к сумме характеристик его составляющих» (Wundt, 1896, p. 375). Из синтеза элементов опыта всегда возникает нечто новое. Представители гештальт-психологии в 1912 году официально заявили, что целое не сводится к сумме его частей. С этим можно согласиться.

Понятие, аналогичное творческому синтезу, используется и в химии. В результате соединения химических элементов появляется сложная структура, имеющая такие свойства, которых не было у исходных элементов. Таким образом, интерпретация - это процесс активный. Наше сознание действует не просто в соответствии с теми ощущениями и чувствами, которые мы переживаем: оно действует творчески, составляя из этих элементов целое. Итак, Вундт - в отличие от большинства британских ученых, представителей эмпирической и ассоциативной психологии - не

* трехмерная теория чувств - теория чувств Вундта построена на основе трех измерений: удовольствие - дискомфорт, напряжение - расслабление, возбуждение - успокоение.

* интерпретация - творческий синтез элементов мышления.

рассматривал процесс связи психических элементов как пассивный и чисто механический.

Лейпцигская лаборатория: темы исследования

В первые годы работы в лейпцигской лаборатории Вундт четко сформулировал цели и задачи экспериментальной психологии. Долгое время темы исследований определялись, главным образом, теми экспериментами, над которыми работали в лаборатории сам мэтр и его ученики. Их обширная исследовательская программа демонстрировала принципиальную жизнеспособность психологической науки, базирующейся на экспериментах, к которым призывал еще Джон Стюарт Милль. Вундт полагал, что прежде всего психология должна рассматривать те проблемы, которые уже поставлены и изучены эмпирически и количественно. Сам он, большей частью, не обращался к новым сферам исследования, а занимался текущими вопросами. В первые 20 лет существования лаборатории на ее базе было выполнено более сотни научных работ.

В первой серии экспериментов, проведенных в лейпцигской лаборатории, изучались психологические и физиологические аспекты зрения, слуха и других чувств. В сфере зрительных ощущений и восприятия среди типичных вопросов были психофизика цвета, цветовой контраст, периферическое зрение, негативное остаточное изображение, ослабление яркими цветами, объемное зрение, оптические иллюзии. Для изучения слуховых ощущений использовались психофизические методы. Исследовались тактильные ощущения, а также <чувство> времени (восприятие или оценка разных промежутков времени).

Особое внимание уделялось экспериментам, направленным на изучение времени реакции - проблеме, которая впервые возникла в работе Бесселя о скорости реакции в исследованиях астрономов. Эта тема интересовала ученых еще с конца XVIII века, к ней обращались Гельмгольц и голландский психолог Ф. К. Дондерс. Вундт был уверен, что можно экспериментально продемонстрировать три этапа реакции человека на раздражитель: восприятие, апперцепцию и проявление воли.

После непосредственного воздействия раздражителя на испытуемого, последний воспринимает его, затем осмысливает и, наконец, проявляет волю реагировать на него; результатом этой реактивной воли является мышечное движение. Вундт намеревался установить стандартные значения времени для человеческой мысли, определяя время, необходимое для разных психических процессов - таких, как познание, умение различать, желание. Однако, перспективность этого метода представлялась несколько сомнительной, поскольку испытуемые не могли четко разграничить три этапа реакции, к тому же, время отдельных процессов в разных экспериментах и для разных людей было неодинаковым.

Помимо опытов, направленных на оценку времени реакции, проводились исследования внимания и чувств. Вундт рассматривал внимание как ярчайшее восприятие небольшой, но цельной порции

содержимого сознания в некий момент времени. Он изучал то, что мы сейчас называем фокусом внимания. Раздражители в фокусе, в отличие от остальной области поля зрения, воспринимаются наиболее отчетливо. Простейший пример фокусирования внимания - сосредоточенность на тех словах, которые вы в данный момент читаете. Остальную часть этой строчки и другие объекты вокруг вас вы воспринимаете менее отчетливо. В лейпцигской лаборатории проводились исследования диапазона, устойчивости, а также продуктивности внимания.

Экспериментальное исследование чувств предпринималось с целью найти подтверждение трехмерной теории чувств. Вундт применял метод попарного сравнения: испытуемым предлагается сравнить раздражители с точки зрения возникающих у них чувств. В других опытах предпринимались попытки установить связь между изменениями физических показателей (чистоты пульса и скорости дыхания) с соответствующими эмоциональными состояниями.

Еще одной темой исследований были вербальные ассоциации - в продолжение работ, начатой английчанином Френсисом Галлоном. Испытуемых просили ответить всего одним словом на слово-раздражитель. Чтобы высветить природу вербальных ассоциаций, Вундт перешел к классификации типов связей, обнаруженных в результате реакций на раздражители, состоящие из одного слова.

В первые пять лет существования вундтовского журнала более половины его материалов составляли описание экспериментальных исследований психофизиологии чувств, времени реакции, психофизики и ассоциативных процессов. Некоторое внимание Вундт уделял вопросам детской психологии и зоопсихологии, но опытов в этой области он не проводил, так как считал, что в данном случае невозможно обеспечить необходимый контроль за чистотой эксперимента.

Комментарии

Организовать первую психологическую лабораторию мог только человек, хорошо понимающий современную физиологию и философию и способный плодотворно объединить эти дисциплины. На пути к цели - созданию новой науки - Вундту пришлось отказываться от бытовавших в то время ненаучных теорий и разорвать существовавшую связь между новой психологией и старой спекулятивной. Вундт ограничил предмет психологии только вопросами изучения сознания, заявив, что его наука признает факты и только факты. Ученому удалось избежать дискуссий по поводу бессмертной души и ее связи с бранным телом. С помощью простых, но убедительных доводов он доказал, что психология не нуждается в таких гипотезах. Несомненно, это был шаг вперед.

Благодаря Вундту, в науке возникла новая отрасль, развитию которой он способствовал всеми силами. Он проводил исследования в специально созданной лаборатории и публиковал результаты в собственном журнале. Он

пытался разработать строгую теорию природы человеческого мышления. Некоторые из последователей Вундта основали лаборатории и продолжили его исследования, добившись замечательных результатов. Словом, именно Вундта можно назвать основоположником современной психологии.

Конечно, немалую роль сыграл тот факт, что время готово было принять идеи Вундта, ставшие естественным продолжением развития физиологических наук, особенно в университетах Германии. Работа Вундта была кульминацией воплощения этих идей, а не их началом, что однако отнюдь не умаляет ее значимости. Для того, чтобы выполнить то, что сделал для психологии Вундт, требовался недюжинный талант, самоотверженность и мужество. Важнейшие научные достижения, ставшие результатом деятельности Вундта, обеспечили ему всеобщее признание и уникальное место в современной психологии. Следует заметить, что хотя психология Вундта получила широкое признание, она не сразу изменила общую картину академической науки в Германии. Вплоть до 1941 года психология в университетах Германии не была выделена в самостоятельную науку, оставаясь одним из разделов философии. Причина этого, отчасти, заключалась в том, что многие психологи и философы сами выступали против разделения этих наук. Но были и другие, более прозаические, причины: немецкие университетские чиновники не видели практической необходимости в выделении дополнительных средств на развитие новой науки (Ash. 1987).

Новая наука, предметом изучения которой стали элементы сознания и их синтез, не была направлена на решение практических вопросов. Возможно, именно поэтому психология Вундта и не получила широкой известности в прагматической атмосфере Соединенных Штатов. Психология Вундта была чисто академической наукой, и не более: прикладные вопросы Вундта не интересовали.

Но постепенно психология Вундта получила признание в научных школах всего мира, и лишь в Германии процесс выделения ее в самостоятельную науку шел очень медленно. К 1910 году - за 10 лет до смерти ученого - выходило три общегерманских журнала по психологии, было издано несколько учебников и основан ряд исследовательских лабораторий, но только 4 человека из ученого мира называли себя психологами, а не философами. В 1925 году в Германии таких ученых было лишь 25, и только в 14 из 23 университетов появились факультеты психологии (Tupet. 1982). К этому времени в США уже появилось большое количество и ученых-психологов, и факультетов психологии, вышло немало книг, были разработаны специальные методики для использования их в практических целях. Как мы увидим далее, не последнюю роль в этом сыграла психология Вундта.⁵¹

⁵¹ Ждан А.Н. История психологии: от античности до современности. - М.: Изд. Российское педагогическое агентство, 1997.

Взгляды Вундта - что, впрочем, является частью любых новаторских взглядов - подвергались ожесточенной критике, особенно те, что касались интроспекции. В случае, когда результаты сеансов интроспекции у разных участников сильно расходились, критики вопрошали: так какой же из них следует считать правильным? Интроспекция - это субъективный анализ человеческого собственного внутреннего мира, субъекто личное дело, и прийти к общему согласию относительно результатов эксперимента удается здесь не всегда. Повторное проведение сеансов также не снимает всех вопросов. Правда, Вундт считал, что технику проведения сеансов можно значительно улучшить, если проводить специальную подготовку участников.

Пока Вундт был жив, критиковать его научную систему было трудно, так как ученый мог дать достойный отпор в любой из своих многочисленных печатных работ - что ему часто и приходилось делать. Он погрешал оппонентов под фалгантами своих научных трудов и огромным количеством экспериментальных фактов.

В современной психологии уже многие годы позиция Вундта не является злободневной темой обсуждений. Как заметил один историк, <в период между двумя мировыми войнами [1918-1939] произошел поразительно резкий спад интереса к вундтовской психологии. Исследования и книги столь крупной фигуры, как Вундт, почти исчезли в англо-говорящем мире> (Vimenthal. 1985. P. 44). Единственное тому объяснение может быть связано с его откровенными высказываниями о первой мировой войне. Он обвинил Англию в развязывании войны и оправдывал германское вторжение в Бельгию необходимостью самообороны. Этими заявлениями Вундт настроил против себя и своей психологии многих американских ученых (Vejanlin, Dufkin, Link, Vestal & Acond. 1992; Samia. 1993).

Но и в немецко-говорящих странах послевоенных лет система Вундта не имела счастливой судьбы. Еще при его жизни в Европе возникли две психологические школы, затмившие его идеи: гештальт-психология в Германии и психоанализ в Австрии. В Соединенных Штатах вундтовский метод заслонили функционализм и бихевиоризм.

Закачу системы Вундта в Германии способствовала экономическая и политическая обстановка того времени (вновь контекстные силы). Развал немецкой экономики вследствие поражения страны в первой мировой войне оставил университеты без финансовой поддержки. Лейпцигский университет не мог позволить себе даже приобрести последние книги Вундта для своей библиотеки. Во время второй мировой войны, 4 декабря 1943 года, в результате бомбардировки Лейпцига британской и американской авиацией была разрушена лаборатория Вундта, где он воспитал первое поколение психологов. Так навсегда была утрачена колыбель вундтовской психологии.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. В 2-х томах. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Но ослабить фундаментальные достижения Вундта не могли ни эти потери, ни тот факт, что после него почти вся история психологии демонстрирует сопротивление тем узким рамкам, в которые он ставил эту науку. Это противодействие только усиливает его величие. Революции необходима цель, у нее должно быть, что свергать. Вундт дал современной экспериментальной психологии несравненно мощный толчок.⁵²

Обзор 49 американских работ историков психологии, проведенный спустя семь десятилетий после смерти Вундта, показал, что до сего дня он считается крупнейшим психологом всех времен - славная память для ученого, чья система уже давно потеряла свою актуальность (Кот. Davis & Davis. 1991).

Другие направления развития немецкой психологии

Вундт недолго имел монополию на новую психологию: в Германии открывались и другие научные лаборатории. В первые годы существования экспериментальной психологии Вундт, безусловно, был лучшим организатором и систематизатором науки, но и другие ученые внесли значительный вклад в развитие новой научной дисциплины. Первые психологи «невултианцы» исповедовали разные взгляды, но всех их объединяло стремление утвердить психологию как науку. Их работа, как и вклад Вундта, сделала Германию несомненным центром новой науки.

В Англии психология развивалась в ином направлении. Чарльз Дарвин выдвинул свою эволюционную теорию, а Френсис Гальтон разрабатывал психологию индивидуальных различий. Эти идеи даже более, чем работы Вундта, повлияли на развитие психологии в Соединенных Штатах. Большинство первых американских психологов учились в Лейпциге под руководством Вундта, а по их возвращении домой вултиовская психология стала неотъемлемо американской. Об этом мы расскажем позже; сейчас же важно отметить, что психологи разделились на фракции практически сразу после основания Вундтом новой науки. Хотя он и был отцом психологии, очень скоро его подход стал лишь одним из многих. Ниже мы познакомим вас с несколькими коллегам Вундта, его соотечественниками.

Герман Эббингауз (1850-1909)

Всего через несколько лет после заявления Вундта о невозможности экспериментального исследования высших психических функций, немецкий психолог-одинок, работавший вне каких-либо университетов, начал успешно применять для изучения этих процессов именно эксперименты. Герман Эббингауз стал первым психологом, изучавшим память и обучаемость с помощью экспериментального метода. Таким образом, он не только доказал, что Вундт заблуждался в этом вопросе, но и изменил сам способ исследования процессов проведения ассоциаций и обучения.

До Эббингауза общепринятым методом - в наиболее известных работах британских исследователей эмпирической и ассоциативной психологии - было изучение уже сложившихся ассоциаций. Исследователи работали как бы в обратном направлении - пытались определить природу установившихся связей.

Эббингауз подошел к вопросу с другой стороны: с формирования ассоциаций. Так он мог контролировать условия возникновения ассоциаций и, следовательно, сделать исследования процессов памяти более объективными.

Изучение Эббингаузом процессов заучивания и забывания - признанный пример поистине гениальной работы в экспериментальной психологии - было первым опытом рассмотрения собственно психологических, а не физиологических проблем (в отличие от экспериментов Вундта). Как следствие, исследования Эббингауза значительно расширили горизонты экспериментальной психологии.

Эббингауз родился в 1850 году в Германии, недалеко от Бонна. Он учился сначала в Боннском университете, а затем в университетах Галле и Берлина; в годы учебы интересовался историей и литературой, а также философией. Степень доктора философии получил в 1873 году, после чего последовала служба в армии во время франко-прусской войны. Семь лет Эббингауз на собственные средства учился в Англии и Франции, где его научные интересы вновь переключились. Примерно за три года до основания собственной лаборатории Эббингауз купил у лондонского букиниста книгу Фехнера «Элементы психофизики». Этому случаю суждено было не только

⁵² Жан А.Н. История психологии: от античности до современности. - М.: Изд. Российского педагогического агентства, 1997.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. В 2-х томах. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

круто повернуть жизнь самого Эббингауза, но и существенно повлиять на судьбу всей новой психологии.

Математический подход Фехнера к психическим явлениям стал для молодого Эббингауза настоящим открытием. Он решил, прибегнув к строгим систематическим измерениям, сделать для психологии то, что Фехнер сделал для психофизики. Эббингауз задумал применить экспериментальный метод к изучению высших психических функций. Во многом благодаря популярности идей британских ассоцианистов, предметом своих будущих научных достижений он выбрал психологию памяти.

Рассмотрим дерзновенные замыслы Эббингауза в свете избранной им темы и сложившейся в то время ситуации. Еще никто не брался исследовать процессы обучения и памяти экспериментальным путем. Известнейший психолог Вильгельм Вундт авторитетно заявлял, что это и невозможно. А ведь Эббингауз работал самостоятельно, не имел ни академической должности, ни поддержки со стороны какого-либо университета, ни собственной лаборатории. И все же, в течение пяти лет он провел ряд серьезных и исчерпывающих научных опытов, единственным испытанием в которых выступал он сам.

За главный критерий процесса обучения Эббингауз взял заимствованный у ассоциативной психологии метод, основанный на законе, устанавливавшем связь между частотой возникновения ассоциаций и качеством запоминания. Эббингауз утверждал, что трудность заучиваемого материала можно оценить числом повторов, требующихся для того, чтобы воспроизвести этот материал в совершенстве. Это еще один пример влияния Фехнера, который измерил ощущения опосредованно, путем измерения интенсивности раздражителя, необходимой для фиксации едва заметного различия в ощущениях. Похожий подход Эббингауз использовал и для измерения памяти: он подсчитывал число попыток, или повторов, требующихся для запоминания материала.

В качестве материала для запоминания Эббингауз использовал бессмысленные списки трехбуквенных слогов, он повторял их с такой частотой, чтобы быть уверенным в точности результатов эксперимента. Так он мог исключить ошибки, возникающие во время повторов, и получить некое среднее значение оценки процесса запоминания. Эббингауз подходил к своим экспериментам так методично, что подчинил им расписание всей своей жизни - для того, чтобы была возможность ежедневно в одни и те же часы заучивать необходимый материал.

Исследования с бессмысленными слогами

В качестве материала для своих исследований - материала для заучивания - Эббингауз использовал **бессмысленные слоги**^{*}, и это его изобретение кардинально изменило изучение процесса обучения.

* Бессмысленные слоги - в экспериментах по изучению процессов памяти - бессмысленный ряд слогов, используемых для запоминания.

Титчнер позже отмечал, что использование бессмысленных слогов стало первым заметным шагом в данной области со времен Аристотеля.

Эббингауз видел трудности в использовании в качестве материала для запоминания стихов или связанных историй. У человека, знакомого с данным языком, слова вызывают определенные ассоциации. Эти ассоциации могут облегчить процесс запоминания и, поскольку они уже будут присутствовать у испытуемого во время эксперимента, исследователь не сможет их контролировать. Эббингауз же хотел использовать в своих опытах материал совершенно однородный, не рождающий никаких ассоциаций и абсолютно незнакомый - материал, связь с которым у испытуемого минимальна. Это бессмысленные слоги, состоящие, как правило, из двух согласных и одной гласной (например, *lef, bok или uat*), удовлетворяли этим требованиям. Он составил все возможные трехбуквенные сочетания на карточках, получив запас из 2300 слогов, из которых научада выбирал слоги для заучивания.

Появились недавно факты - предоставленные одним немецким психологом, который изучил все сноски в публикациях Эббингауза и записи, сделанные им во время экспериментов, а также сравнил английские переводы его работ с оригинальными текстами на немецком - дают новую интерпретацию значения бессмысленных слогов (Gundlach, 1986). Они не были полными бессмыслицей, и, оказывается, среди них были не только трехбуквенные.

При детальном изучении исторических данных - то есть собственноручных записей Эббингауза - выясняется, что в некоторых из придуманных им слогов было по четыре, пять и даже шесть букв. Еще более важно, что то, что Эббингауз называл «бессмысленным рядом слогов» на английский язык неточно переводили как «ряд бессмысленных слогов». По Эббингаузу, лишены смысла должны были быть не отдельные слоги (хотя большинство из них таковыми были) - бессодержательным, не вызывающим никаких ассоциаций, должен быть список в целом.

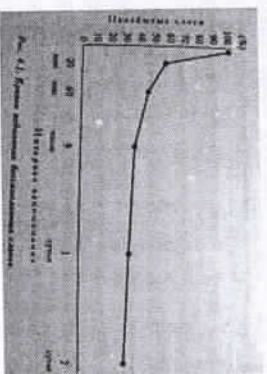
Благодаря этим новым сведениям мы узнали, что Эббингауз владел английским и французским так же свободно, как и родным немецким; изучал латынь и греческий. «На самом деле, ему было довольно трудно найти такие сочетания букв, которые для него звучали бы абсолютно бессмысленно. Некоторые из его последователей тщетно пытались придумать совершенно бессодержательные, не рождающие ассоциаций, слоги» (Gundlach, 1986. P. 469-470).

Эббингауз задумал провести несколько экспериментов с использованием бессмысленных слогов для определения особенностей обучения и запоминания в разных условиях. В ходе одного из них он исследовал разницу в скорости запоминания бессмысленного списка слогов и скорости запоминания осмысленного материала. Для этого он выучил отрывки из поэмы Байрона <Дон Жуан>. В каждой из строф было по 80 слогов, и, по подсчетам Эббингауза, для запоминания одной строфы ему

требовалось прочесть ее примерно 9 раз. Когда же он выучил 80 слогов, то подсчитал, что ему пришлось повторить их не менее 80 раз. Эббингауз пришел к выводу, что бессодержательный и не ассоциирующийся ни с чем материал запоминается почти в девять раз труднее, чем материал осмысленный.

Также Эббингауз исследовал зависимость числа повторов, требующихся для безупречного воспроизведения представленного для запоминания материала, от его объема. Он заключил, что чем больше объем материала, тем больше повторов требуется для его заучивания, а следовательно, и больше времени. Среднее время, затрачиваемое на запоминание одного слога, увеличивается при увеличении числа слогов. Откровенно говоря, этот вывод легко предсказать: чем больше нам надо выучить, тем больше времени мы потратим. Но работа Эббингауза ценна своей тщательностью, строгим контролем за соблюдением условий эксперимента, математическим анализом данных. Большое значение имеет заключение Эббингауза о том, что с увеличением списка слогов возрастает время запоминания каждого слога и общее время запоминания всех слогов.

Эббингауз изучал и другие факторы, способные, по его мнению, повлиять на память и обучение. Это и эффект избыточного запоминания (повторов материала больше, чем требуется для безупречного его воспроизведения), и ассоциации внутри списка слогов, и повтор уже выученного материала, и время между запоминанием и вспоминанием. На основе изучения влияния фактора времени на процессы памяти Эббингауз составил кривую забывания («кривая Эббингауза»), в соответствии с которой быстрее всего материал забывается в первые несколько часов после запоминания, а затем скорость забывания медленно снижается (рис. 4.1).

В 1880 году Эббингауз получил должность в Берлинском университете, где и продолжил свои изыскания, проводя дополнительные эксперименты и перепроверя результаты, полученные ранее. Свои опыты он описал в работе «О памяти» (*Über das Gedächtnis*), которая в истории психологии и по сей день остается, пожалуй, самым блестящим научным трудом, написанным независимым исследователем. Он знаменует собой не только начало новой области исследования, но и является образцом

профессионального мастерства и стойкости его автора. Нет в истории психологии другой такой фигуры, как Эббингауз — ученый, который, работая без всякой поддержки, смог подчинить всю свою жизнь скрупулезному экспериментированию. Его опыты проводились с такой точностью, тщательностью и методичностью, что вот уже более ста лет на них ссылаются во всех учебниках по психологии.

Другие исследования Эббингауза

Эббингауз не возражал, чтобы и другие ученые разрабатывали его тему исследования, совершенствуя методологию. После 1885 года он опубликовал не так уж много работ. В 1886 году его наняли ассистентом профессора в Берлинском университете. Он создал лабораторию. а в 1890 году, совместно с физиком Артуром Кенигом, учредил «Журнал психологии и физиологии органов чувств». В Германии существовала потребность в таком журнале, поскольку журнал Вундта, печатный орган лейпцигской лаборатории, был просто не в состоянии освещать все проводившиеся в то время исследования. Необходимость в новом журнале, всего через девять лет после основания журнала Вундта, есть свидетельство стремительного развития новой психологии.

В первом номере своего журнала Эббингауз и Кениг сделали смелое утверждение в отношении двух дисциплин, вынесенных в его заголовок: психологии и физиологии. Они писали, что эти науки «развивались вместе... чтобы слиться в единое целое: они стимулировали и предсказывали развитие друг друга, и потому являют собой две равноценные части одной великой науки» (Tupper, 1982, p. 151). Подобное заявление спустя всего 11 лет после открытия лаборатории Вундта также свидетельствует о том, насколько далеко продвинулась его идея новой науки.

В Берлинском университете Эббингауза более не повышали в должности — очевидно, ввиду того, что печатался он довольно редко. В 1894 году он принял предложение работать в университете Бреслави, где он оставался до 1905 года. Эббингауз разрабатывал тест, в котором предлагалось закончить предложение; в модифицированном виде этот тест применяется и при одновременном тестировании интеллекта.

В 1902 году вышло его имевшее огромный успех руководство «Принципы психологии» (*Grundzüge der Psychologie*), которое автор посвятил памяти Фехнера. Еще большую популярность получило сочинение Эббингауза «Очерки по психологии» (*Abriß der Psychologie*).

1908. Обе работы многократно переиздавались не только при жизни, но и после смерти Эббингауза. В 1905 году Эббингауз стал профессором университета города Галле, где и умер от пневмонии четверть годами позже.

Никакого теоретического вклада в психологию Эббингауз не внес; не создал он и формальной системы, не воспитал учеников, ставших выдающимися учеными. Он не основал собственной школы, да и едва ли думал об этом. И все же, его место в истории психологии определяется не

только тем, что он положил начало экспериментальным исследованиям памяти.

Единственным мерилом ценности ученого является то, прошли или нет его научные взгляды и выводы испытание временем. А с этой точки зрения, Эббингауз оказал на науку влияние более значительное, чем Вундт. Исследования Эббингауза привнесли объективность количественных и экспериментальных методов в изучение высших психических процессов - одну из центральных тем современной психологии. Именно благодаря Эббингаузу работа в области изучения ассоциаций из теоретизирования об их свойствах превратилась в подлинное научное исследование. Многие из его заключений о природе обучения и памяти остаются справедливыми даже столетие спустя после их появления.

Георг Элиас Мюллер (1850-1934)

Георг Мюллер, чей рабочий день никогда не заканчивался раньше полуночи, родился в Лейпциге. Его интерес к философии пробудила английская поэзия, которую он читал в переводах. Мюллер воевал во время франко-прусской войны. Физиологично он изучал в университетах сперва Лейпцига, а потом Геттингена, где и проработал в течение всей своей 40-летней научной карьеры. В эти годы - с 1881 по 1921 - его лаборатория, привлекавшая многих студентов со всей Европы и из Соединенных Штатов, соперничала с лейпцигской лабораторией Вундта.

Одна из его американских учениц, Элеонор Гэмбл, закончила колледж Уэлсли, а затем получила степень доктора философии, работая под руководством Э. Б. Титченера в Корнеллском университете. Ее перу принадлежит ставшая классической монография о реконструкции как методе измерения памяти (Gamble, 1909).

Мюллер стал одним из первых, кто продолжил начатое Эббингаузом экспериментальное изучение высших психических функций, его работы подтвердили и расширили выводы Эббингауза. Подход последнего отличался строгостью объективности: Эббингауз не анализировал собственные психические процессы, происходившие во время выполнения опытов по запоминанию.

Мюллер полагал, что в подходе Эббингауза заложен взгляд на обучение как на процесс механический и автоматический. Воспользовавшись методами Эббингауза, он добавил к изучению психических функций интроспективный оттенок. Результаты экспериментов Мюллера подтвердили, что обучение протекает не механически. Субъект активно участвует в сознательном группировании и организации предложенного материала, и находит смысл в самом, казалось бы, бессмысленном списке слогов.

Опираясь на свои исследования, Мюллер заключил, что сама по себе ассоциативность слов не объясняет явление обучения, так как субъект активно ищет взаимосвязи между представленными раздражителями.

Мюллер предположил, что па обучение влияют некоторые психические состояния - такие, как готовность, нерешительность и сомнение (так называемое осознанное отношение). К тем же выводам, как мы увидим далее, пришел и профессор университета Вюрцбурга Освальд Кюльпе.

Мюллер впервые высказал и проиллюстрировал в своей лаборатории **интерференционную теорию забывания**^{*}. Согласно этой гипотезе, забывание обусловлено не разрушением памяти с течением времени: оно происходит потому, что запоминание нового материала взаимодействует (интерферирует) с уже имеющимися в памяти ассоциациями и может их разрушить.

Достоин упоминания еще один вклад Мюллера в изучение памяти. Вместе со своим помощником Фридрихом Шуманом он придумал «барабан памяти», специальный вращающийся цилиндр, регулирующий подачу предопределенного для запоминания материала. Создание такого устройства имело большое значение, поскольку оно способствовало повышению точности и объективности исследований проблем обучения и памяти.

Интерференционная теория забывания - гипотеза, согласно которой процесс забывания происходит вследствие взаимодействия нового материала с уже имеющимся в памяти.

Франц Brentano (1838-1917)

С 16 лет австриец Франц Brentano изучал богословие в университетах Берлина, Мюнхена и Тюбингена. Степень по философии он получил в Тюбингене в 1864 году. В том же году был посвящен в духовный сан, а двумя годами позже начал преподавать философию в университете Вюрцбурга. Сферой его научных интересов был Аристотель. В 1870 году Ватиканский Собор в Риме принял доктрину о непогрешимости папы, с чем

^{*} интерференционная теория забывания утверждает, что процесс забывания происходит вследствие взаимодействия нового материала с уже имеющимся в памяти.

Брентано был решительно не согласен. Он отказался от сана и от профессорской должности, которую получил как священник.

Самая известная работа Брентано «Психология с эмпирической точки зрения» (*Psychologie vom empirischen Standpunkte aus*) была опубликована в 1874 году, год спустя после выхода второго тома «Принципов физиологической психологии» Вундта. В своей книге Брентано полемизирует с Вундтом, что говорит об уже наметившемся расколе внутри новой психологии. В том же 1874 году ему предложили место профессора в Венском университете. Там он проработал 20 лет, в течение которых неизменно укрепил его авторитет и влияние. Лекции Брентано были необычайно популярны; среди его студентов были выдающиеся психологи: Карл Штумпф, Христиан фон Эрен-фельс, Зигмунд Фрейд. В 1894 году Брентано ушел на покой, довольно долго жил во Флоренции, где продолжал много писать. Умер он в Цюрихе.

Разнообразные научные интересы Брентано сделали его одним из влиятельнейших фигур среди первых психологов. Далее мы расскажем о том, как он стал духовной предтечей гештальт-психологии и гуманистической психологии. Подобно Вундту, он ставил своей целью сделать психологию наукой. Но если психология Вундта была чисто экспериментальной, то основным научным методом Брентано было наблюдение, хотя он и не отрицал полезности экспериментов. Он придерживался мнения, что полноценный эмпирический подход все же шире, так как пользуется данными, полученными не только экспериментально, но и в результате наблюдения и личного опыта.

Брентано не принял фундаментальную идею Вундта о том, что психология должна изучать содержание сознания. Главным предметом изучения психологии он полагал психическую активность - то есть не содержание процесса восприятия, не видимый объект, а сам акт видения. Таким образом, психология акта Брентано противостоит взглядам Вундта о том, что психология должна заниматься элементами психических процессов.

Брентано утверждал, что необходимо различать опыт как структуру и опыт как деятельность. К примеру, так называемое сенсорное содержание красного цвета, выступающего как раздражитель, отгиается от акта его восприятия. Брентано говорил, что настоящим предметом психологии является акт переживания. По его мнению, цвет является не психическим, а исключительно физическим качеством. А вот акт видения цвета - это психический процесс. Конечно, любой акт предполагает наличие объекта; некоторая доля сенсорного содержания всегда присутствует, поскольку акт видения невозможен, если нечего видеть.

Новая концепция предмета изучения психологии потребовала создания нового научного метода, так как акты восприятия не поддаются анализу путем интроспекции - метода, который применялся в лейпцигской лаборатории Вундта. Изучение психических актов требует наблюдения на более широкой основе, чем это практиковал Вундт. Психология акта

Брентано по своей методологии была не экспериментальной, а эмпирической. Но это не было возвращением к спекулятивной философии - не будущи экспериментальной, психология Брентано все же опиралась на систематическое наблюдение.

В частности, Брентано доказывал, что психические акты можно исследовать двумя способами: посредством памяти (припоминая, какие психические процессы приусти тем или иным психическим состоянием) и посредством воображения (представляя себе некое психическое состояние и некая наблюдение за сопутствующими этому состоянию психическими процессами).

Психология акта - концепция психологии Брентано, согласно которой предметом эмпирического изучения в психологии должны быть психические акты.

У Брентано было много последователей, но в психологии продолжала господствовать система Вундта. Взгляды Вундта были известны шире, поскольку он больше печатался. Кроме того, легче было заниматься изучением ощущений или содержания сознания с помощью методов психофизики, чем исследовать, как Брентано, процессы более неуловимые.

Карл Штумпф (1848-1936)

Карл Штумпф родился в Баварии в семье медиков. Наукой он увлекся еще в юном возрасте, но еще больше любил музыку. С семи лет он начал учиться игре на скрипке, а со временем овладел еще пятью инструментами. К десяти годам Штумпф стал сочинять собственную музыку. Поступив в университет Вюрцбурга, Штумпф заинтересовался работой Брентано и решил специализироваться по философии и естественным наукам. По совету своего учителя Брентано он перешел в Геттингенский университет, где в 1868 году получил докторскую степень. Прежде чем начать свои изыскания по психологии, Штумпф занимал ряд академических должностей.

В 1894 году Штумпф удостоился самого престижного в немецкой психологии звания - профессора Берлинского университета. Годы, проведенные в Берлине, были необычайно плодотворными. Созданная им лаборатория, которая первое время ютилась в трех небольших комнатах, превратилась в крупный и влиятельный научный институт. И хотя по своему масштабу осуществлявшиеся там исследовательские программы не могли сравняться с лейпцигской лабораторией, Штумпфа можно считать главным соперником Вундта. У него учились двое из тех, кто впоследствии заложил

основы гештальт-психологии. а его психологическая школа выступала противником позиции Вундта.

Первые сочинения Штумпфа по психологии касались восприятия пространства, но самая важная его работа связана с его вечной любовью - музыкой и называется <[Психология восприятия музыки] (Tonpsychologie). Два тома этой книги вышли в 1883 и 1890 годах. Благодаря этой, а также другим посвященным все той же музыке работам Штумпф стал вторым, после Гельмгольца, авторитетом в изучении вопросов акустики. Его произведения были первыми попытками исследования психологических аспектов музыки.

То, почему Штумпф принял менее точный научный метод, чем проповедовал Вундт, объясняется влиянием Брентано. Штумпф утверждал, что данными психологии являются, прежде всего, феномены. Феноменология, в своем роде интроспекция, описывает объективный опыт - то есть непосредственные первичные данные нашего опыта. Штумпф не разделял взглядов Вундта по поводу дробления опыта на элементы. Он считал, что такой метод делает опыт искусственным и абстрактным, и, следовательно, он более не может быть естественным*. В ряде публикаций он и Вундт вели жесткую полемику по вопросам интроспекции восприятия музыки. Штумпф начал теоретический спор, но Вундт перевел его в личную плоскость. По сути, проблема сводилась к тому, чья научная слава была более заслуженной. Изучая музыкальные тона, должны ли мы полагаться на результаты наблюдений, полученных профессиональными психологами в лабораторных условиях, как того требовал Вундт, или в данном случае следует доверять экспертам-музыкантам, как настаивал Штумпф? Принять результаты, полученные в лейпцигской лаборатории Вундта, Штумпф отказывался.

Продолжая изыскания в области музыки и акустики, Штумпф создал архив музыкальных записей. Также он стал основателем Берлинской ассоциации детской психологии. В одной из работ он попытался свести чувства к ощущениям: эта идея созвучна когнитивным теориям в современной психологии (Reizenstein & Schorpf, 1992). Штумпф был в числе тех немецких психологов, кто, работая независимо от Вундта, расширил рамки новой психологии.

* Дамунд Гуссерль, который был учеником Штумпфа, позже предложил философию феноменологии, она предвосхищала гештальт-психологию (см. главу 12).

Освальд Кюльпе (1862-1915) и вюрцбургская школа психологии

Понимая Освальд Кюльпе был последователем Вундта. Но позже он перешел на ту же сторону студентов, выступавших против ограничений, наложенных В. Вундтом. И хотя это движение протеста не было революционным, его можно назвать декларацией свободы. Вся научная деятельность Кюльпе была посвящена исследованию тех вопросов, которые отклоняла психология Вундта.

В 19 лет Кюльпе поступил в Лейпцигский университет. Он собирался изучать историю, но под влиянием идей Вундта обратился к философии и экспериментальной психологии, которая в 1881 году еще только вставала на ноги. Однако Кюльпе не потерял своего интереса к истории и, прочитавшись два семестра у Вундта, решил отправиться в Берлин. Прошло еще несколько лет и метания между психологией и историей, прежде чем Кюльпе вернулся к Вундту в 1886 году. Он оставался в Лейпциге еще восемь лет.

Получив научную степень, Кюльпе начал работу в университете в качестве помощника профессора и ассистента Вундта и продолжал исследования в лаборатории. Свое первую книгу «Очерки по психологии», вышедшую в 1893 году, он посвятил Вундту. Здесь Кюльпе определяет психологию как науку, изучающую данные опыта, которые зависят от переживания индивида.

В 1894 году Кюльпе становится профессором университета города Вюрцбург, а двумя годами позже создает лабораторию, которая вскоре смогла составить конкуренцию лаборатории Вундта. Среди студентов Вюрцбургского университета были и американцы; один из них, Джеймс Роуленд Эндрюс, впоследствии стал ключевой фигурой в развитии направления, названного функционализмом.

Расхождение во взглядах Кюльпе и Вундта

В «Очерках по психологии» Кюльпе не рассматривал сложные психические функции; в то время он разделял взгляды Вундта. Но уже через несколько лет он утвердился в мысли, что мыслительные процессы можно исследовать с помощью эксперимента. Эббингауз для изучения одного из высших психических процессов, памяти, использует экспериментальный метод. Если память можно исследовать в лабораторных условиях, то почему нельзя проводить эксперименты с мышлением? Задавшись этим вопросом, Кюльпе занял позицию, прямо противоположную точке зрения своего

бывшего наставника - так как Вундт утверждал, что экспериментальный метод не применим к сложным психическим процессам.

Другое отличие вюрцбургской психологии от изысканий, проводившихся в лаборатории Вундта, касалось явления интроспекции. Кюльпе предложил метод, который он назвал **систематической экспериментальной интроспекцией***. Он заключался в том, что перед испытуемым ставилась некая сложная задача (допустим, установить логические связи между понятиями), после выполнения которой от него требовалось ретроспективное описание пережитого (проделанного). Иными словами, испытуемые должны были рассказать о том, как проходили у них процесс - например, формирования суждения. В лаборатории Вундта такое ретроспективное, или постфактум, наблюдение не практиковалось. Вундт верил в изучение сознательного опыта, синхронного с ним, а не по памяти о нем, когда опыт уже пережит. Интроспекцию Кюльпе Вундт называл <имитацией интроспекции>.

Интроспективный метод Кюльпе был систематическим, потому что описание всего пережитого опыта разделялось на определенные промежутки времени. Аналогичные задачи выполнялись множество раз, с тем, чтобы можно было скорректировать, проверить и утвердить результаты наблюдений. Во время наблюдений испытуемым задавали дополнительные вопросы, что давало возможность направлять их внимание к интересовавшим наблюдателя аспектам процесса мышления.

Между интроспективными методами Кюльпе и Вундта были и другие различия. Вундт не был сторонником того, чтобы испытуемые в деталях описывали свои переживания. Его исследования в большинстве своем опирались на объективные, количественные критерии - такие, как временные моменты появления реакции или суждения о весе грузов в психофизических экспериментах.

В систематической экспериментальной интроспекции Кюльпе, напротив, упор делался на субъективные, качественные и подробные описания испытуемых о характере их мыслительных процессов. В его лаборатории от испытуемых требовали не просто произнести простое суждение о силе раздражителя. Их просили описать сложные психические процессы, которые происходили во время выполнения ими поставленных задач. Целью Кюльпе было изучение того, что происходит в голове субъекта во время того или иного переживания. Кюльпе хотел расширить вундтовскую концепцию предмета психологии, включить в него сложные психические функции и усовершенствовать методологию интроспекции.

* систематическая экспериментальная интроспекция - метод интроспекции Кюльпе, который предполагал не одновременное разворачивание процесса мышления и наблюдение этого процесса, а ретроспективное наблюдение уже пережитого испытуемым.

Каковы же были результаты деятельности Кюльпе по расширению и совершенствованию предмета и метода психологии? В системе Вундта подчеркивалось, что сознательный опыт можно разложить на составляющие части, ощущения и образы. Результаты же интроспекции мыслительных процессов, полученные психологами вюрцбургской школы Кюльпе, подтверждали иную точку зрения, что мысль возможна без всякого сенсорного или образного содержания. На основе этих выводов сложилась **теория безобразной***, или **ненаглядной**, **мысли**: ощущения и образы выполняют в мышлении лишь вспомогательную, побочную роль. Таким образом, исследования Кюльпе установили наличие несенсорной формы сознания.

Научные исследования в вюрцбургской лаборатории

Научные исследования в вюрцбургской лаборатории развивались. Важный вклад в изучение сравнительных измерений веса внес Карл Марбе. Марбе установил, что, хотя ощущения и представления присутствуют во время выполнения экспериментальной задачи, они, по-видимому, никак не влияют на процесс принятия решения. Испытуемым не удавалось отметить, как у них в голове складывается представление о том, какой вес более легкий, а какой более тяжелый. Это противоречило установившейся точке зрения, что суждение выносятся тогда, когда испытуемые, удерживая в памяти мыслительный образ первого веса, сравнивали его с сенсорным впечатлением от второго.

Исследования Генри Уатта показали, что при проведении вербально-ассоциативных экспериментов (проверка реакции испытуемого на слово-раздражитель) почти невозможно получить фактические данные о том, как в сознании испытуемых складываются представления. Это лишь подтвердило гипотезу Кюльпе, что сознательный опыт не сводится только к ощущениям и образам. Испытуемые в экспериментах Уатта были в состоянии правильно отвечать и не выстраивая в своем уме логическую структуру ответа. Уатт пришел к выводу, что работа сознания совершалась еще до окончания эксперимента, а именно в момент, когда происходило усвоение правил его выполнения.

Испытуемые, очевидно, давали подсознанию некие установки или, другими словами, направляли его, чтобы дать наиболее приемлемый, на их взгляд, ответ. Как только правила выполнения задачи были усвоены и определено основное направление, действительная задача выполнялась без каких-либо усилий со стороны сознания. Эти исследования подтвердили, что скрытая сторона сознания способна каким-то образом контролировать его деятельность. То, что опыт зависит не только от элементов сознания, но и от определяющих тенденций в работе подсознания, доказывало, что

* безобразная мысль - идея Кюльпе о том, что мысль может не содержать никаких сенсорных или образных компонентов.

подознание оказывает существенное влияние на поведение человека. Эта идея стала основополагающей в теории психоанализа Зигмунда Фрейда.

Комментарии

Итак, можно сделать вывод, что психология была внутренне противоречива с момента своего возникновения. Но, несмотря на все различия в своих подходах, психологи-первопроходцы были едины в своей цели, а именно: сделать психологию самостоятельной наукой.

Благодаря усилиям Вундта, Эббингауза, Брентано, Штумпфа и некоторых других ученых-исследователей психология более была <не изучением души... [а] исследованием - посредством наблюдений и экспериментов - определенных реакций человеческого организма, которые не являются предметом изучения никаких других наук. Немалые психологи, несмотря на различия во взглядах, делали общее дело: их талант, трудолюбие и единая направленность научной работы - все это сделало университеты Германии центром развития новой психологии> (Neidhardt, 1935, p. 105).

Германии, однако, не удалось долго удерживать завоеванные позиции. Прошло не так уж и много времени, как в Соединенных Штатах появилась и стала развиваться психология Вундта в интерпретации его ученика Э. Б. Титченера.

Вопросы для обсуждения

1. Опишите как система Вундта, в интерпретации Титченера, стала примером искажения исторических фактов. Что из себя представляет культурно-историческая психология Вундта? Почему она стала причиной разделения внутри новой психологии?
2. Какое влияние работы немецких физиологов и английских эмпириков оказали на психологию Вундта? Раскройте вундтовскую концепцию волонтаризма. Какую роль сыграли элементы сознания?
3. Укажите различия между опосредованными и непосредственными опытом? Опишите, как Вундт использовал метод интроспекции. Какова роль аперцепции в научной системе?
4. Какие темы Вундт и его ученики разрабатывали в Лейпцигской лаборатории? Проследите развитие психологии Вундта в Германии. За что система Вундта подверглась критике?
5. Опишите исследования Эббингауза проблем обучения и памяти. Как повлияли на взгляды Эббингауза исследования Фехнера? Какое влияние Эббингауз оказал на исследования Мюллера?
6. Чем психология акта Брентано отличается от психологии Вундта? Чем взгляды Штумпфа на психические элементы и использование интроспекций отличаются от взглядов Вундта?
7. Что имел в виду Кюльпе под систематической экспериментальной интроспекцией? В чем подход Кюльпе отличается от

подхода Вундта? Как идея безобразной мысли соотносится с вундтовской концепцией сознательного опыта?

Рекомендуемая литература

- Valdwin, V. T. (1921) In memory of Wilhelm Wundt by his American students. *Psychological review*, 28, 153-158. воспоминания о Вильгельме Вундте его американских учеников.
- Langfeld, H. S. (1937) Stumpf's «Introduction to Psychology». *American Journal of Psychology*, 50, 33-56. Начала курса психологии, который читал Штумпф в Берлинском университете в 1906-1907 гг.
- Lindenberg, D. (1978) Oswald Külpe and the Würzburg School. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 14, 132-141. Сопоставление философских и психологических концепций Кюльпе; оценка их значимости.
- Rosman, L. (1968) Nettan Ebbinghaus. *American Psychologist*, 23? 149-157. Оценка вклада Эббингауза в экспериментальное изучение памяти.

Глава 5

Структурализм

Введение

Титченер всегда заявил о себе как о приверженце системы Вундта, с которой он познакомился во время своего пребывания в Германии. Однако, приехав в США, он произвел в ней впечатляющие изменения и разработал свою собственную теорию, получившую название структурализма и представлявшую им как дальнейшее развитие взглядов Вундта. В действительности же, системы имели принципиальные различия, и термин «структурализм» мог применяться только в отношении подхода, использованного Титченером. В США структурализм получил известность в начале нашего века. Он играл заметную роль в развитии американской психологии в течение двух десятилетий - до тех пор, пока не был отвергнут новыми теориями. Хотя Титченер несомненно был влиятельной фигурой в мире науки, тем не менее еще при его жизни некоторые современники начали разрабатывать свои собственные направления исследований.

Вундт признавал существование элементов сознания, но его главной задачей была их организация или синтез в познавательные процессы более высокого уровня при помощи аперцепции, то есть осознанного восприятия. С точки зрения Вундта разум обладает силой для волевой организации элементов психики. Такой подход заметно отличался от пассивных, механистических представлений об ассоциациях, которые разделяли большинство британских эмпириков и ассоцианистов.

Титченер сосредоточил свои усилия на изучении элементов психики и их механической связи посредством ассоциации. Однако, он отказался от использования вундтовского учения об апперцепции и сконцентрировал свое внимание на самих элементах. С его точки зрения основная задача психологии заключалась в открытии этих элементарных составляющих сознания, то есть в разложении сознания на части и определении его структуры.

Структурализм - система психологии Титченера, которая имеет дело с сознательным опытом, зависящим от испытываемого его субъекта.

Эдуард Брайфорт Титченер (1867-1927)

Большая часть активной творческой жизни Титченера связана с его работой в Корнелльском университете Нью-Йорка. Каждая его лекция, на которой он неизменно появлялся облаченным в профессорскую мантию, представляла собой настоящее театральное представление. Сцену для этого представления готовили ассистенты ученого под его непосредственным наблюдением. Младший преподавательский состав, посещавший все его лекции, занимал места в первом ряду. Через отдельную дверь входил профессор Титченер и направлялся прямо на кафедру. Он полагал, что его оксфордская мантия и профессорская шапочка дают ему право считать себя непревзойденным авторитетом. Хотя Титченер учился у Вундта всего два года, он во многом напоминал своего учителя - как авторитарным стилем руководства и приемами чтения лекций, так и бородой.

Странствия жизни

Титченер родился в Англии, в Чичестере. Он принадлежал к древнему, но обедневшему роду и привык с детства рассчитывать только на свои незаурядные умственные способности, благодаря которым смог добиться получения стипендий для продолжения образования. Сначала он учился в Мэввернском колледже, а затем в Оксфордском университете, где изучал философию и классическую литературу, а позднее получил должность ассистента-исследователя на кафедре физиологии.

Находясь в Оксфорде, Титченер увлекся теориями Вундта, однако этот интерес не разделился и не поощрялся никем из его коллег и наставников. Поэтому неудивительно, что он предпринял поездку в Лейпциг - тогдашнюю Мекку многих ученых-психологов - где стал заниматься под руководством Вундта и получил степень доктора в 1892 году.

У себя на родине Титченер собирался стать первопроходцем в области экспериментальной психологии. Однако, вернувшись в Англию, он обнаружил, что его коллеги весьма скептически относятся к новому научному подходу, который так понравился ему. Поэтому, проработав в Оксфорде всего несколько месяцев, он отправился в США, чтобы преподавать психологию и руководить научной лабораторией в Корнелльском университете. В тот год, когда он покинул Англию, ему было 25 лет. Всю оставшуюся часть жизни он провел в Корнелле.

В период с 1893 по 1900 годы Титченер занимался оборудованием своей лаборатории, проведением исследований и написанием статей, число которых перевалило за шестьдесят. По мере того, как его направление в психологии привлекло в Корнелл все больше и больше студентов, он начал отходить от личного участия в экспериментальной работе, перекладывая задачу проведения опытов на своих учеников. Таким образом, именно благодаря исследованиям своих студентов Титченер сумел накопить огромный экспериментальный материал. За 35 лет работы под его руководством были написаны свыше 50 докторских диссертаций по психологии, большая часть которых носила непосредственный отпечаток его идей. Используя свой авторитет, он выбирал для студентов темы исследований, которые представляли для него особый интерес. В итоге это позволило ему создать собственную систему, получившую название «структурализм», по его словам, «единственную систему в психологии, достойную упоминания» (Робак. 1952. Р. 184).

Титченер перевел книги Вундта с немецкого на английский. Закончив работу над переводом третьего издания «Основ физиологической психологии», он обнаружил, что Вундт уже издал четвертое. Титченер перешел четвертое, но к этому времени неумолимый Вундт подготовил пятое.

Перечень книг самого Титченера включает «Очерки психологии» (An Outline of Psychology, 1896 г.), «Начальный курс психологии» (Primer of Psychology, 1898 г.) и четырехтомный труд под названием «Экспериментальная психология: руководство по практическим занятиям» (Experimental Psychology: A Manual of Laboratory Practice), который считался «одной из самых значительных книг в истории психологии» (Веллман. 1988. Р. 210). Отдельные тома последней книги, которые часто назывались просто «Руководствами», вызвали в США всплеск активности в области экспериментальной психологии и оказали влияние на целое поколение ученых, занимавшихся этой проблемой. Все учебники, написанные Титченером, пользовались большой популярностью и были переведены на русский, итальянский, немецкий, испанский и французский языки.

У Титченера было несколько хобби, которые отвлекали его силы и время от занятий психологией. Воскресными вечерами он дирижировал у себя дома небольшим любительским оркестром и в течение многих лет неофициально считался «профессором музыки» Корнелльского университета до тех пор, пока там не открылся музыкальный факультет. Интерес к нумизматике заставил Титченера взяться - со свойственной ему тщательностью - за изучение китайского и арабского языков, чтобы иметь возможность читать надписи на монетах. Титченер переписывался со многими своими коллегами, причем большинство его писем были отпечатаны на машинке и содержали дополнительные замечания, сделанные от руки.

С возрастом он все реже появлялся в обществе и все меньше участвовал в научной жизни университета. Титченер стал живой легендой Корнелла, хотя многие преподаватели не только не были с ним знакомы, но даже никогда его не видели. Большую часть своей научной работы он выполнял в стенах домашнего кабинета, проводя в университете сравнительно мало времени. После 1909 года он читал лекции один раз в неделю по понедельникам только в течение весеннего семестра. Досуг посетителей к Титченеру тщательно контролировался его женой, которая всячески оберегала мужа от случайных вторжений. Даже его ученики могли звонить ему домой только в самых крайних случаях.

Хотя Титченер обладал деспотическими манерами немецкого профессора, все же он мог быть добрым и заботливым в отношении своих студентов и коллег - особенно, если они оказывали ему почтение и уважение в той мере, в какой он считал это необходимым. В университете рассказывались истории о том, как молодые преподаватели и аспиранты, без всякого принуждения, мыли его машину и вставляли оконные стекла в его доме, двинимые лишь чувствами искреннего уважения и восхищения.

Один из его учеников, Карл Далленбах, привел выскazyвание Титченера о том, что «нечего даже надеяться стать настоящим психологом, не научившись прежде курить» (Dalenbach. 1967. P. 91). Неудивительно, что многие его студенты начали курить сигары - по крайней мере, в присутствии знаменитого ученого. Другая аспирантка, Кора Фришлайн рассказывала, как во время обсуждения ее доклада у Титченера, постоянно курившего сигары, внезапно задымилась борода. Это случилось как раз в момент его выступления, которое никто из слушателей не осмеливался прервать. Наконец, собравшись с силами, Кора Фришлайн произнесла: «Прошу прощения, профессор, но у вас загорелась бакенбарда». В результате инцидента пострадали не только борода Титченера, но и его рубашка и даже нижнее белье.

Забыв Титченера о своих студентах не забывалась с окончанием ими университета, как не заканчивалось при этом и его влияние на их жизнь. К примеру, Далленбах после получения степени доктора собирался идти работать в медицинскую школу, но Титченер добился для него места

преподавателя в Орегонском университете. Далленбах полагал, что его учитель одобрит принятое им решение работать в школе, но оказался не прав. «Я вынужден был поехать в Орегон, так как он (Титченер) не желал, чтобы время, затраченное на мое обучение и совместные исследования, оказались для него потраченными напрасно» (Dalenbach. 1967. P. 91).

Отношения Титченера с психологами, не входившими в его группу, иногда принимали натянутый характер. Вскоре после своего избрания в члены Американской ассоциации психологов он заявил о своем выходе из этой организации, так как ассоциация отказалась исключить из своих рядов одного ученого, обвиненного им в плагиате. Рассказывают, что друзья Титченера в течение многих лет продолжали платить за него членские взносы, только чтобы он по-прежнему оставался ее членом.

Начиная с 1904 года группа психологов, назвавшая себя титченеровскими эксперименталистами, стала проводить регулярные встречи, посвященные обсуждению результатов своих исследований. Титченер сам устанавливал порядок проведения этих встреч, определял темы для дискуссий и решал, кого из гостей следует пригласить. Неприятное правило запрещало присутствие женщин во время обсуждения работ. Один из студентов вспоминал, что Титченер хотел «находиться в кабинете, окутанном клубами табачного дыма, и слышать живые доклады, которые можно прерывать вопросами и подвергать открытой критике, не стесняя себя присутствием дам, так как... для курения они считались слишком несомнительными созданиями» (Boeing. 1967. P. 315).

Несколько студентов из колледжа Брин Моор, штат Пенсильвания, высказали пожелание присутствовать на собраниях группы, но получили отказ. Однако им все же удалось проникнуть в помещение, где слушались доклады, и спрятаться там под столом. Невеста Боринга и другие студентки находились в соседней комнате, «прислушиваясь к речам, доносившимся из-за приоткрытой двери, гора желанием услышать, что же представляет собой на самом деле та психология, которой занимаются мужчины. В тот раз им удалось остаться незамеченными» (Boeing. 1967. P. 322).

Несмотря на то, что Титченер продолжал запрещать женщинам присутствовать на встречах группы эксперименталистов, в вопросе равноправия полов он придерживался самых передовых взглядов. На свои курсы в Корнелле он начал принимать аспирантов задолго до того, как это стали делать в Гарвардском и Колумбийском университетах. Из 56 его учеников, защитивших докторские диссертации, более трети составляли женщины (Furtho. 1988). «По числу докторских диссертаций, написанных под его руководством женщинами, с ним не мог сравниться ни один из его современников» (Evans. 1991. P. 90). Титченер покровительствовал женщинам, стремящимся занять преподавательские должности, хотя такие действия казались многим его коллегам чересчур смелыми. Известен случай, когда он смог добиться назначения преподавателем одной из своих учениц, даже несмотря на возражения декана.

Первой аспиранткой, защитившей докторскую диссертацию по психологии, была Маргарет Флой Уошбэрн. Кроме того, она оказалась и первой из всех учеников Титченера, получившей докторскую степень. (Washburn, 1932, p. 340). Уошбэрн не смогла поступить в аспирантуру Колумбийского университета, как собиралась сделать сначала, поскольку туда не принимали женщин. Однако ее принял Титченер, и после защиты диссертации в Корнелльском университете она начала свою успешную карьеру ученого-психолога. Уошбэрн была автором серьезного исследования по проблемам сравнительной психологии «Разум животных» (Animal mind, 1908 г.) и стала первой женщиной-психологом, избранной в Национальную академию наук. Она исполняла должность президента Американской психологической ассоциации и была основателем Вассарского колледжа — «одного из самых значительных центров исследования проблем психологии в нашей стране» (Scarborough, 1990, p. 314).

Мы упоминаем об успехах Уошбэрн, чтобы обратить внимание на ту поддержку, которую Титченер оказывал психологам-женщинам в продолжение всей своей жизни. Для них он охотно распахивал двери своей лаборатории, держа их закрытыми для многих психологов-мужчин.

Около 1910 года Титченер начал писать книгу, в которой собирался наиболее полно отразить свою систему взглядов. К сожалению, он умер в его смерти несколько глав этой книги были опубликованы в научных журналах, а затем и в отдельном издании. Говорят, что в Корнелльском университете до сих пор можно увидеть заспиртованный мозг Титченера.

Система взглядов: содержание сознательного опыта

Согласно Титченеру, предмет психологии заключается в изучении сознательного опыта, так как именно такой опыт зависит от испытуемого субъекта. Этот вид знаний отличен от того, который получают ученые, исследующие традиционные проблемы естественных наук. Например, звуки физики исследуют предметы изучения и физики, и психологии. Однако процессы, а психологи изучают, как они наблюдаются и воспринимаются людьми.

Как утверждал Титченер, все прочие науки, кроме психологии, независимы от испытуемого субъекта. Для пояснения этой мысли он предлагал рассмотреть простой пример. Пусть температура воздуха в комнате составляет 85 градусов по Фаренгейту. Очевидно, что это значение не будет зависеть от того, есть кто-то в комнате или нет.

Однако, когда в комнате присутствуют наблюдатели и общаются о том, что они страдают от жары, то такое восприятие зависит от их переживаний. Согласно Титченеру, подобный тип опыта и является единственным настоящим предметом изучения психологии.

Титченер предупреждал, что при изучении сознательного опыта нельзя допускать, так называемой ошибки стимула — то есть смешения психических процессов восприятия объекта и влияния самого объекта.

Например, наблюдатели, которые видят яблоко и описывают его просто как яблоко, не определяют цвет и форму, которые они также воспринимают, совершают <ошибку стимула>. Объект наблюдения, по мнению Титченера, должен описываться не обиденным языком, а языком терминов осознанного его восприятия.

Когда наблюдатели фокусируют свое внимание на стимулах объекта, а не на психических процессах, они не могут отличить то, что они знали об этом предмете раньше (то есть то, что в нашем примере называется яблоком) от своего непосредственного восприятия его в данный момент. Все наблюдатели на самом деле знают о яблоке то, что оно красное, блестящее и круглое. Когда они описывают что-нибудь еще, кроме цвета, яркости и геометрических характеристик, они истолковывают свое восприятие объекта, не наблюдая его, — то есть имеют дело с опосредованным, а не непосредственным опытом.

Титченер определил сознание как сумму наших переживаний, существующих в данный момент времени, а разум как сумму наших переживаний, накопленных в течение жизни. Сознание и разум во многом схожи — за исключением того, что сознание включает в себя психические процессы, происходящие в текущий момент, а разум содержит в себе общий итог этих процессов.

Структурная психология представляла собой чистую науку, не имевшую прикладного значения. Титченер заявил, что в ее задачи не входит лечение «большой психики», изменение человеческого сознания или реформирование общества. Ее единственно правильной целью является открытие сути или структуры психики. Он верил в то, что ученые не должны беспокоиться о практической ценности своих исследований. По этой причине он возражал против развития детской психологии, зоопсихологии и других направлений, которые не включали в себя самонаблюдение и не подходили для его поисков сути сознания.

Интроексия

Титченеровский способ интроекции, или самонаблюдения, доверился наблюдателям, которые были обучены описывать состояние своего сознания, а не воспринимаемые стимулы. Титченер понимал, что каждый человек учится описывать переживания в терминах стимулов — например, называя красный, блестящий и круглый предмет яблоком — и что в повседневной жизни это полезно и необходимо. Однако в его лаборатории такой подход считался неграмотным.

Для описания своего собственного метода Титченер применил термин систематической экспериментальной интроекции, введенный Кюльпе. Подобно Кюльпе, он использовал подробно, качественные, субъективные сообщения о психической деятельности наблюдаемых субъектов в процессе

интроспекции. Титченер выступал против подхода Вундта, главное внимание уделявшего объективным, количественным показателям, поскольку был убежден, что такой метод не позволяет выявить элементарные ощущения и образы, возникающие в сознании. В этом была суть его системы - не синтез элементов посредством апперцепции, а разложение сложного осознанного опыта на составляющие. Титченер придавал особое значение исследованию отдельных частей, в то время как Вундт делал упор на изучении целого. Подобно большинству английских эмпириков и ассоцианистов, Титченер стремился к открытию атомов человеческой психики.

Титченер, как это видно из его отношения к наблюдателям, которые обеспечивали его необходимыми данными, испытывал влияние механистической философии. В своих научных работах он иногда называет субъектов исследований реагентами. Этим термином, используемым преимущественно в химии, обозначают вещества, которые в силу своих способностей к некоторым реакциям применяются для обнаружения других веществ или для их количественного измерения. Реагент является пассивным реактивом, используемым для выявления определенных реакций (Schultz, 1969).

Применяя это понятие к наблюдателям из лаборатории Титченера, мы можем заметить, что он рассматривал этих людей в качестве своего рода механических записывающих устройств, объективно отмечающих характеристики стимулов, которые они наблюдали. Таким образом, эти люди считались просто бесстрастными механизмами. Титченер писал, что отлаженное наблюдение должно стать настолько привычным и машинальным, чтобы превратиться в практически бессознательный процесс.

Если наблюдатели в лаборатории могли рассматриваться в качестве машин, то и всех людей можно было точно так же считать машинами. Эта точка зрения отражала продолжавшееся влияние механистического восприятия Вселенной, идущего от Галилея и Ньютона. Следует заметить, что эта концепция не исчезла и после окончательного развенчания структурализма. По мере дальнейшего знакомства с историей психологии мы увидим, что использование этого образа человека-механизма характерно для всей экспериментальной психологии первой половины XX века.

Титченер был убежден в том, что интроспективное наблюдение в психологии тоже должно быть экспериментальным. Он тщательно следовал правилам научного опыта, отмечая, что:

эксперимент представляет собой наблюдение, которое может быть повторено, изолировано и изменено. Чем чаще вы можете повторить наблюдение, тем верооятнее, что вы ясно увидите исследуемые явления и сможете их подробно описать. Чем строже вы можете изолировать наблюдение от влияния посторонних факторов, тем точнее установится ваша задача и тем меньше опасность того, что вы собоьетесь с пути под влиянием случайных обстоятельств или встанете на ошибочную точку

зрения. Чем шире ваши возможности варьирования наблюдения, тем более ясным будет представиться единоеобразие опыта и тем больше у вас будет шансов открыть закономерности. Все лабораторное оборудование, все приборы и инструменты изобретаются и создаются, исходя из этой задачи: дать ученому возможность повторить, изолировать и варьировать свои наблюдения. (Titchener, 1909, p. 20.)

Люди, выступавшие в роли реагентов в лаборатории Титченера, исследовали влияние различных стимулов и проводили длительное и подробное самонаблюдение своих переживаний. Проведение интроспекции представляло собой серьезную задачу, и аспиранты, занятые этой проблемой, уделяли ей много сил и времени.

Одна из учениц Титченера, Кора Фридрих, вспоминала о том времени, когда в Корнелльской лаборатории проводились исследования органической чувствительности. Для этих исследований всем наблюдателям с утра вводили через рот желудочные зонды, с которыми они ходили весь день вплоть до самого вечера. Сначала, при введении зонда, многие испытывали приступы рвоты, но постепенно смогли привыкнуть к этой процедуре. В течение дня они несколько раз появлялись в лаборатории. Через трубку зонда им вливали в желудок теплую или холодную воду, и они наблюдали свои ощущения.

Иногда интроспекция затрагивала и некоторые депикатные стороны личной жизни аспирантов. Например, от них требовали подробной записи об ощущениях, испытываемых в процессе мочеиспускания и дефекации.

К сожалению, не сохранились результаты одного интересного интроспективного исследования. Для его проведения женатых аспирантов просили делать записи об их ощущениях во время полового акта и даже прикреплять к своим телам специальные приборы для регистрации физиологических реакций организма.

Впоследствии, в 1960 году, об этих экспериментах рассказывала Кора Фридрих, но в то время о них старались не распространяться. Все же информация о таких исследованиях гуляла по всему университетскому городку, создавая лаборатории психологии репутацию не самого благопристойного места. Поэтому заведующие женскими общежитиями запрещали своим студенткам посещать ее в темное время суток. Когда же прошел слух о том, что к желудочным зондам, которые глотают аспиранты, прикрепляют презервативы, в женских общежитиях пришли к выводу, что это место опасно для любого нормального человека.

Материалы о менее необычных исследованиях, проведенных в лаборатории Титченера, описаны в его учебнике, фрагменты из которого приведены в конце главы.

Элементы сознания
Согласно Титченеру, тремя основными задачами психологии являются:

- 1) разбиение сознательных процессов на простейшие составляющие;

2) определение законов, по которым происходит их объединение;

3) связь элементов сознания с физиологическими состояниями.

Таким образом, цели титченеровской структурной психологии совпадали с целями естественных наук. Ведь в самом деле, после того, как ученые выбирают, какую область природы они собираются изучать, они начинают выявлять ее элементы, показывать, как эти элементы объединяются в сложном явлении и формулируют законы, управляющие этим явлением. Основная часть исследований Титченера была посвящена первой задаче - обнаружению элементов сознания.

Титченер предложил считать тремя основными элементами структуры сознания следующие: ощущения, образы и эмоциональные состояния. Ощущения являются основными элементами восприятия и даны нам в виде звуков, зримых образов, запахов и других переживаний, вызываемых в нас физическими объектами окружающего пространства. Образы представляют собой элементы идей и отражают переживания, которые не связаны с текущим моментом, - например, происходящие в нашей памяти. Эмоциональные состояния являются выражениями душевных переживаний и проявляются в таких чувствах, как любовь, ненависть или печаль.

В своих <Очерках психологии> (1896 г.) Титченер представил список элементарных ощущений, выявленных им в процессе исследований. Он включал в себя более 44 000 наименований, из которых 32 820 относились к зрительным и 11 600 к звуковым. Каждый элемент рассматривался как осознанный и имеющий свои отличия - кроме того, он мог быть объединен с другими для образования более сложных ощущений и идей.

Являясь базовыми элементами, не подлежащими дальнейшему делению, они, подобно химическим элементам, могли быть объединены в отдельные группы. Несмотря на свою простоту, психические элементы имеют характеристики, позволяющие нам отличать их друг от друга. К предложенным Вундтом свойствам качества и интенсивности Титченер добавил свойства длительности и отчетливости. Он считал эти четыре признака основными характеристиками всех ощущений и полагал, что они, в определенной степени, присутствуют в каждом из них.

Качество, которое может быть определено, например, такими словами, как <горячий> или <красный>, представляет собой характеристику, позволяющую отличить один элемент от другого. Интенсивность определяется силой, слабостью, промокостью или яркостью ощущений. Длительность характеризует продолжительность ощущения во времени. Отчетливость определяет роль внимания в сознательном переживании. Другими словами, то, что находится в фокусе нашего внимания, представляется нам более отчетливым, чем то, на что наше внимание в данный момент не направлено.

Ощущения и образы обладают всеми четырьмя этими признаками, а эмоциональные состояния имеют только качество, интенсивность и продолжительность. Титченер считал, что отсутствие у них отчетливости

объясняется тем, что концентрация внимания непосредственно на эмоциях невозможна. Поэтому при попытке направить наше внимание на такие чувства, как, например, печаль или удовольствие, они пропадают. Некоторые сенсорные процессы, в частности зрение и осязание, обладают свойством экстенсивности, поскольку имеют дело с пространственными параметрами объектов.

Все сознательные процессы могут быть сведены к одному из этих свойств. Открытия, сделанные Кюльпе в его лаборатории в Вюрцбурге, не оставили Титченера пересмотреть свою точку зрения. Он признавал, что некоторые нечетко определенные свойства могут проявляться в процессе мышления, но предполагал, что они все же относятся к ощущениям или образам. Титченер утверждал, что объекты исследований Кюльпе стали жертвой «ошибки стимула», поскольку большее внимание уделяли самому объекту, чем своим сознательным процессам.

Аспиранты Титченера выполнили в Корнелле множество исследований, посвященных анализу эмоциональных состояний. Их результаты позволили ему отказаться от трехмерной теории чувств Вундта. Титченер выдвинул предположение о том, что чувства имеют всего одну ось измерения - удовольствие/неудовольствие. Он отрицал предположения Вундта о других параметрах измерения чувств, таких как напряжение/расслабление и возбуждение/депрессия.

Ближе к концу жизни Титченер начал кардинально менять свою систему взглядов. Начиная с 1918 года он исключил из своих лекций тему о психических элементах. Вместо этого он стал высказывать предположения о том, что психология должна изучать не базовые психические элементы, а преимущественно различия в процессах восприятия, оценивая такие характеристики, как качество, интенсивность, длительность, отчетливость и экстенсивность. Семь лет спустя, обращаясь к своим аспирантам, он написал: «Вы должны перестать думать в терминах ощущений или испытываемых эмоций. Этот подход был правильным десять лет тому назад, сегодня же он устарел. Вам следует учиться думать, используя преимущественно понятия размера, чем таких системных составляющих, как, например, ощущения» (Evans, 1972. P. 174).

В начале 20-х годов Титченер начал подвергать сомнению даже сам термин <структурная психология> и предпочитал называть свою систему экзистенциальной психологией. Он также стал пересматривать интроспективный метод и отдавать предпочтение феноменологическому подходу, изучая переживания как таковые, не пытаясь разбить их на составляющие.

Это были впечатляющие перемены в его взглядах, и, если бы Титченер прожил дольше и смог реализовать их на практике, то, возможно, что они кардинальным образом изменили бы лицо (а, возможно, и судьбу) структурной психологии. Они также, возможно, могли бы придать больше гибкости и открытости тем представителям научного мира, которые лишь

любит приписывать себе эти качества, но на самом деле отнюдь не обладают ими. Свидетельства перемен, произошедших с Титченером, были собраны воедино в результате скрупулезного исследования его писем и конспектов лекций (Evans. 1972; Neale. 1974). Хотя эти идеи формально не вошли в психологическую систему Титченера, они указывают направление движения его мысли - движения, превращенного смертью, не позволившей ему достичь новой цели.

Первоисточники по истории структурализма: из «Учебника психологии» Э. Б. Титченера

Следующие материалы, позанимательные из популярного «Учебника психологии», вышедшего в 1909 году, описывают общепринятую концепцию структурализма в отношении предмета и методологии новой науки психологии.

Возможно, кому-то покажется удивительным то, что мы предлагаем вам прочитать отдельные фрагменты работ Титченера, написанные почти 90 лет тому назад. Ведь вы только что познакомились с его системой в этой книге, а ваш преподаватель объяснял вам ее смысл на занятиях. Все же эти отрывки следует прочитать для того, чтобы получить более глубокое понимание подхода Титченера к проблемам психологии. Однако, постарайтесь не забывать, что и авторы книги, и ваш преподаватель излагали свой собственный взгляд и собственное понимание изучаемой проблемы. Возможно, они сокращали, резюмировали и синтезировали исходный материал, чтобы извлечь из него самое существенное. Однако при этом процессе, безусловно сохранившим основные мысли ученого, уникальность его стиля и формы изложения могли быть утрачены.

Чтобы лучше понять взгляды Титченера, в идеале необходимо прочитать все материалы, которые использовались авторами для написания их книги, а преподавателями - для составления конспекта их лекций. Разумеется, в рамках одного семестра это невозможно. По этой причине мы приводим отрывки оригиналов работ авторов, принадлежащих к самым важным научным направлениям. Из этих фрагментов вы увидите, как сами ученые описывали свой собственный подход к психологии, и познакомитесь со стилем изложения и объяснения проблем, изучаемых предыдущими поколениями студентов.

Перед каждым из пяти отрывков из подлинных работ, включенных в эту книгу, мы будем обращать ваше внимание на те важные моменты, которые обеспечат вам основу для правильного понимания приведенных текстов.

В описании структурной психологии Титченера, приведенной ниже, он рассматривает следующие вопросы:

1. Различия между опытом, зависящим от субъекта исследования, и опытом, не зависящим от субъекта исследования, с приведением примеров.

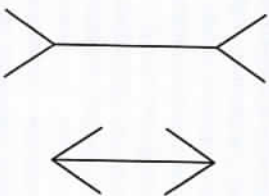
2. Смысл самонаблюдения или интроспекции и ее связь с наблюдением, используемым в других науках.

3. Цель структурализма и сходство между психологией и естественными науками с точки зрения получения ответов на основные вопросы «что?», «как?» и «почему?»

Все человеческие знания получены из опыта; другого источника знаний не существует. Но, как мы уже видели, человеческий опыт может рассматриваться с различных точек зрения. Предположим, что мы берем две, но возможности максимально далеких друг от друга точки зрения и выйдем для себя, какой же опыт будет получен в обоих случаях. В первом случае мы будем рассматривать опыт полностью независимым от конкретной личности - то есть будем предполагать, что он существует независимо от того, кто-то наблюдает ли его кто-нибудь или нет. Во втором случае мы будем рассматривать опыт полностью зависящим от личности - то есть будем предполагать, что он возникает только в том случае, если кто-то его воспринимает. Трудно найти более схожие точки зрения. В чем же будет различие сущности опыта при взгляде с каждой из них?

Возьмем, для начала, три понятия, с которых обычно начинается знакомство с физикой: пространство, время и массу. Физическое пространство, которое является одновременно геометрическим, астрономическим и геологическим пространством, постоянно и неизменно в каждой своей точке. Его единичей является сантиметр, и сантиметр всегда будет сантиметром, где бы вы его ни использовали. Физическое время также неизменно, и его неизменной единицей является секунда. Постоянна и физическая масса, и ее единица, грамм, всегда и везде одинакова. В этих трех примерах мы имеем опыт восприятия пространства, времени и массы, рассматриваемый независимо от личности экспериментатора.

Теперь перейдем на другую точку зрения, принимающую во внимание субъект эксперимента. Две вертикальные линии, изображенные на рис. 5.1, физически равновелики; их длина, выраженная в сантиметрах, одинакова. Но для вас, непосредственно рассматривающего их, они кажутся разными. Час времени, проведенного в зале ожидания захолустной станции, физически

с точностью до секунды равен часу времени, проведенному в театральном зале на представлении веселой пьесы. Вам же он не покажется

одинаковым, так как в одном месте будет тянуться медленно, а в другом пролетит быстро. Возьмите две круглых картонных коробки разного диаметра (например, 2 и 8 сантиметров) и насыпьте в них песок, так, чтобы обе весили, допустим, по 50 граммов. При этом физические массы коробок будут равны, и, помещенные на чашки весов, они уравниваются друг друга. Однако, если вы поднимите их в обеих руках одновременно или станете поднимать одной и той же рукой по очереди, коробка меньшего диаметра покажется более тяжелой. Здесь мы имеем пример опыта восприятия пространства, времени и массы, зависящих от субъекта исследования. Первая точка зрения дает нам факты и законы физики; вторая точка зрения дает нам факты и законы психологии.

Теперь обратимся к другим явлениям, которые также рассматриваются в учебниках физики: теплоте, звуку и свету. Теплота, как определяет это физика, представляет собой энергию молекулярного движения - другими словами, теплота является формой энергии, возникающей благодаря перемещению частиц тела между собой. Тепловые лучи, наряду с лучами света, относятся к так называемой лучистой энергии, то есть энергии, которая распространяется за счет волнового движения светящихся частиц эфира, которыми наполнено пространство. Звук является формой энергии, возникающей вследствие колебания тел. Он распространяется благодаря волновым движениям упругой среды, которая может быть твердой, жидкой или газообразной. Если сказать кратко, то теплота - это перемещение молекул, свет - это волновое движение эфира, а звук - волновое движение воздуха.

Физический мир, в котором эти виды опыта рассматриваются как независимые от субъекта исследования, не является ни теплым, ни холодным, ни темным, ни светлым, ни шумным, ни безшумным. И только когда опыт рассматривается в зависимости от человека, тогда мы получаем тепло и холод, множество цветов - помимо черного и белого, различные тона звука - от резких до глухих. Все это является предметом изучения психологии.

Метод психологии. Научный метод психологии может быть определен одним словом наблюдение, единственный способ исследования состоит в наблюдении явлений, которые образуют предмет науки. Наблюдение подразделяется на два условия: внимательное отношение к явлению и фиксация его проявлений - то есть четкое и ясное переживание и отчет об опыте, сделанный словесно или на языке формул.

Таким образом, методом исследования в психологии является наблюдение. Чтобы отличить его от наблюдения внешнего, применяемого в естественных науках, наблюдение в психологии, направленное на внутренние психические процессы наблюдателя, получило название интроспекции. Но это различие в терминах не должно мешать нам видеть сходство сути обоих методов. Чтобы лучше понять сказанное, обратимся к типичным примерам. Начнем с двух самых сложных.

1. Предположим, что перед вами находится два бумажных диска: один целиком фиолетовый, а другой наполовину красный, наполовину синий. Если быстро вращать второй диск, то красный и синий цвета смешаются, и вы увидите синие-красный цвет, то есть равномерность фиолетового. Вам остается только подобрать соответствующую пропорцию между красным и синим, чтобы фиолетовые цвета обоих дисков в точности совпали. Вы можете сколько угодно раз повторить свои наблюдения; вы можете перейти в другую комнату, чтобы изолировать их от влияния других людей, которые могут мешать вашему восприятию цветов; вы можете изменить свои наблюдения, используя один и тот же фиолетовый диск сначала с одним душевным, имеющим более яркий синий цвет, а затем с другим душевным, имеющим более яркий красный цвет.

2. Теперь предположим, что в вашем присутствии берется аккорд из трех звуков, и вас просят определить, из скольких тонов он состоит. Вы можете повторять это наблюдение; можете изолировать его, работая в другой, более спокойной комнате; можете видоизменить его, переходя на другие октавы.

Очевидно, что в обоих случаях практически нет разницы между двумя видами наблюдений. Вы используете тот же самый метод, который использовали бы для подсчета качаний маятника или снятия показаний со шкалы гальванометра в физической лаборатории. Разница состоит в сути предмета: цвета диска и тона звука являются примерами зависящего, а не независимого опыта, но метод наблюдения остается тем же.

Теперь рассмотрим несколько случаев, в которых проблема интроспекции оказывается более сложной.

1. Представьте, что в вашем присутствии произносится какое-то слово, а затем вас просят наблюдать эффект, который этот стимул произведет на ваше сознание: как это слово повлияло на вас, какие идеи вызвало и так далее. Наблюдение можно повторить: оно может быть изолировано и проведено, например, в темной, тихой комнате, где вас никто не будет беспокоить; его можно видоизменить, произнося другие слова или показывая их на экране. В этом случае, по-видимому, будет разница между интроспекцией и наблюдением внешних событий.

Человек, наблюдающий ход химической реакции или движение микроскопических существ, может время от времени бегло отмечать различные фазы протекающего перед его глазами явления. Но если вы попытаетесь рассказать об изменениях в вашем сознании в то время, когда они там происходят, ваше сознание будет этому препятствовать; ваш перевод психического переживания на язык слов привнесет в ваше истинное переживание влияние новых факторов.

2. Теперь представьте, что вы наблюдаете за своим внутренним чувством или эмоциональным состоянием: разочарованием, раздражением, гневом или досадой. Экспериментальный контроль при этом возможен; подходящие ситуации могут быть созданы, а в психологической

лаборатории эти чувства могут быть вызваны вновь, изолированы и изменены. Но ваше сознание будет мешать вашему наблюдению за ними еще сильнее, чем в предыдущих случаях. Хладнокровное рассмотрение эмоций оказывает на них губительное влияние; ваш гнев исчезает, разочарование улетучивается, как только вы начинаете их исследовать.

Чтобы справиться с этой трудностью применения интроспективного метода, студентам-психологам обычно рекомендуется откладывать свои наблюдения за тем или иным процессом до момента его окончания, а затем вернуться к нему и описать по памяти. Интроспекция, таким образом, становится ретроспекцией; образно говоря, интроспекция превращается в посмертное изучение эмоций. Это правило, без сомнения, очень полезно для начинающих исследователей; но в некоторых случаях его применение целесообразно и для опытных психологов. Все же отметим, что оно не является универсальным. Мы должны помнить, что исследуемое явление может быть повторено. Таким образом, нет причин, почему наблюдатель, к которому обращено произнесенное слово или в котором возникло исследуемое чувство, не должен сразу сообщать о первом этапе своего внутреннего опыта: о немедленном эффекте произнесенного слова или о начальном моменте процесса возникновения эмоций.

Разумеется, такой отчет прерывает наблюдение. Но после того, как будет сделано точное описание первой стадии процесса, можно проводить дальнейшие наблюдения и описывать вторую, третью и все последующие стадии; таким образом можно получить полный отчет об исследуемом процессе. Теоретически существует опасность того, что отдельные стадии изучаемого процесса будут искусственно разделены между собой; сознание этого потока, непрерывный процесс, и, если мы разделим его на части, то существует риск потери связи между этими частями. Однако практика показала, что опасность потери этих связей крайне незначительна; мы всегда можем обратиться за помощью к ретроспекции и сравнить отдельные результаты с целым воспоминанием о переживании, хранищемся в нашей памяти.

Кроме того, у опытных наблюдателей появляется интроспективная привычка, прочно укоренившаяся в их подходе к исследованиям; поэтому во время наблюдения они могут делать не только мысленные замечания о процессе, не вмешиваясь в работу сознания, но и выполнять записи о его развитии - подобно тому, как ведут их гистологи, не отрывая глаз от окуляра микроскопа.

В принципе, в этих случаях интроспекция становится похожей на внешнее наблюдение. Объекты наблюдения отличны друг от друга; они являются объектами зависимого, а не независимого опыта; похоже, что они неуловимы и мимолетны. Иногда они не поддаются наблюдению; они должны быть сохранены в памяти, подобно тончайшей ткани в затвердевающей жидкости, прежде чем могут быть исследованы. Точка зрения наблюдателя также иная; это точка зрения человеческой жизни и

человеческого интереса, а не отчужденности и обособленности. Но в общем смысле метод психологии похож на метод физики.

Однако нельзя забывать, что в то время как методы психологии и физики в основном схожи, предмет исследования этих наук абсолютно различен. В конечном итоге, как мы видели, предметом всех наук является мир человеческого опыта; но мы также видели, что различные аспекты этого опыта трактуются физиками совершенно иначе, чем психологами. Похожесть используемых методов может вызвать в нас искушение перенестись с одного аспекта на другой, как в случае, когда учебник физики содержит главу о зрении и чувстве цвета или когда в учебнике психологии есть параграфы, содержащие неверные суждения о природе; но эта путаница в отношении предмета неизбежно должна привести к путанице в мышлении. Так как все науки имеют дело с миром человеческого опыта, естественно, что научный метод, к какому бы аспекту опыта он ни прилагался, остается, в принципе, тем же самым.

С другой стороны, когда мы решаем исследовать некоторые особые аспекты опыта, необходимо строго придерживаться этого направления и не менять точку зрения в процессе исследования. Следовательно, это большое преимущество, что мы имеем два вида наблюдения, внешнее и внутреннее, которые берут свое начало от разных точек зрения психологии и физики. Использование понятия интроспекции служит постоянным напоминанием того, что мы работаем в области психологии и наблюдаем зависимые аспекты мира переживаний.

Как мы уже отметили раньше, наблюдение подразумевает наличие двух моментов: внимания к явлению и регистрацию явления. Внимание необходимо поддерживать на максимально возможном уровне концентрации; регистрация должна быть фотографически точной. Такое наблюдение представляет собой тяжелую и утомительную работу, а интроспекция, в целом, оказывается трудней и утомительней наблюдения внешних событий. Чтобы гарантировать получение надежных результатов, мы должны быть беспристрастными и непредубежденными, принимать факты такими, какие они есть на самом деле, и не пытаться подогнать их к теории, которой мы отдаем предпочтение: мы должны работать только тогда, когда этому благополучеству наше настроение, когда мы не переутомлены и здоровы, свободны от забот и тревог и не испытываем влияния окружающей обстановки.

Если эти правила не соблюдаются, то все эксперименты окажутся бесполезными. В психологической лаборатории экспериментатору создаются наилучшие условия: помещение, в котором он работает, должно обеспечивать возможность повтора наблюдения и изменения определенных его факторов, при этом ничто не должно мешать отчетливому отражению наблюдаемого процесса в сознании наблюдателя. Однако все это будет напрасным, если сам наблюдатель не придет на работу в хорошем

настроении, полным внимания и готовности к адекватному словесному переводу своих переживаний.

Проблема психологии. Любая наука всегда ищет ответы на три вопроса о предмете своего исследования. Этими вопросами являются «что?», «как?» и «почему?». Но что, если, отбросив ненужные усложнения, свести определение к простейшим словам, представляющим собой этот предмет? Каким образом он проявляется в том виде, в каком мы его знаем, и как распространяется и объединяется его составные элементы? И, наконец, почему он проявляется сейчас именно в таком сочетании и в таком порядке? Ответы на все эти вопросы должны быть получены с помощью науки.

Ответ на вопрос «что?» является задачей анализа. Естественные науки, к примеру, с помощью анализа пытаются свести мир независимого опыта к его простейшим составляющим и приходят, таким образом, к различным химическим элементам. Ответ на вопрос «почему?» является задачей синтеза. Естественные науки прослеживают поведение различных комбинаций элементов и открывают законы природы. Когда получены ответы на эти два вопроса, мы имеем описание физического явления.

Но наука задает следующий вопрос о том, почему данное явление происходит именно таким, а не другим образом; и она отвечает на вопрос «почему?», обнаруживая причину, по которой наблюдаемое явление имеет такие последствия. Прошлой ночью появилась роса, потому что поверхность земли была теплее, чем нижний слой воздуха, роса образуется на стекле, а не на железе, потому что теплопроводность стекла ниже теплопроводности железа. Когда устанавливается причина физического явления, говорят, что явление получило свое объяснение.

Итак, в том, что касается описания, задачи психологии и физики во многом похожи. Психолог прежде всего пытается различить психические переживания на простейшие составляющие. Затем он использует сознание конкретного индивидуума и исследует его снова и снова, шаг за шагом, процесс за процессом - до тех пор, пока не исчерпает возможности анализа. Он выделяет психические процессы, не поддающиесядробленности и представляющие собой простейшие неделимые составляющие, которые даже частично не могут быть сведены к другим процессам. Затем эта работа продолжается с сознанием других индивидуумов до тех пор, пока он не сможет с уверенностью установить природу и количество простейших психических процессов.

Затем он приступает к задаче синтеза. Он собирает эти элементы вместе в соответствии с условиями эксперимента: сначала он берет два, принадлежащих одному виду, затем несколько из этого вида, потом простейшие процессы разных видов; вскоре он начинает различать регулярность и единообразие происходящего, что, как мы видели, характеризует все человеческие переживания. Таким образом он учится

формулировать законы о связях элементарных психических процессов*. Однако, если мы попытаемся разработать просто описательную психологию, то обнаружим, что она не позволит нам получить правильное представление о психике. Описательная психология будет в такой же степени соотноситься с научной психологией, в какой мере устаревший учебник природоведения соотносится с современным учебником биологии, или как знания, полученные школьником на уроках физики, соотносятся со знаниями настоящего ученого. Разумеется, она расскажет нам много о нашей психике; она содержит огромное количество результатов наблюдений, которые можно классифицировать, по большей части измерить и вывести из них общие законы. Но в ней не будет единства и последовательности; ей будет не хватать основополагающей идеи, роль которой в биологии играет закон эволюции, а в физике - закон сохранения энергии. Для того чтобы сделать психологию по-настоящему научной дисциплиной, мы должны заниматься не только описанием психики, но и ее объяснением. Мы должны дать ответ на вопрос «почему?»

Но здесь нас подстерегает затруднение. Понятно, что мы не можем рассматривать один психический процесс как причину другого - кроме тех случаев, когда при изменении нашего окружения может возникнуть полностью новое сознание. Когда я впервые приехал в Афины или Рим, мои переживания вызывались не осознанием прошлых событий, а современными стимулами.

С другой стороны, мы также не можем рассматривать нервные процессы как причину процессов психических. Принципы психологического параллелизма устанавливает, что два вида событий - процессы в нервной системе и психические процессы - протекают без взаимного влияния друг на друга: в сущности они являются различными сторонами одного и того же опыта. Одно из них не может быть причиной другого.

Однако, изучая тело человека, нервную систему и ее органы, мы можем объяснить и психические явления. Деятельность нервной системы не является причиной поведения психики, но помогает лучшему ее пониманию. Она объясняет нашу психику, как карта объясняет появление мимолетных картин холмов, рек и городов, которые мы видим, проезжая по этим местам. Таким образом, обращение к нервной системе вводит в психологию именно то единство и последовательность, которых не может добиться описательная психология.

Физика дает объяснения явлениям путем установления его причин; психология дает объяснения со ссылкой на те нервные процессы, которые взаимосвязаны с наблюдаемыми психическими явлениями. Мы можем

* Фразы «о связях элементарных психических процессов» обнаруживают влияние на Титенсера эмпириков и ассоцианистов и их механистического взгляда на проблему объяснения. С точки зрения Вундта, элементы организуются или синтезируются посредством активного влияния разума, а не соединяются пассивно и механически.

объединить оба эти метода вместе, если определим наше объяснение как установление обстоятельств или условий, при которых происходит описываемое явление. Раса образуется в условиях разности температур воздуха и земли; мысли возникают в условиях определенных процессов в нервной системе. По сути дела, объект изучения и манера объяснения в обоих случаях одни и те же.

В заключение отметим, что как метод психологии в своей основе является и методом естественных наук, так и задача психологии во многом совпадает с задачей физики. Психолог отвечает на вопрос «что?», разбивая психическое переживание на составляющие элементы. Он отвечает на вопрос «как?», формулируя законы о связях этих элементов. Он отвечает на вопрос «почему?», объясняя психические процессы в терминах соответствующих параллельных процессов в нервной системе.

Программа его действий не нуждается в таком строгом порядке выполнения: он может получить подсказку о законе прежде, чем завершит анализ, а открытие нового чувствительного органа может подсказать наличие какого-либо элементарного процесса прежде, чем он сможет обнаружить его с помощью интроспекции. Все три вопроса тесно связаны между собой, и ответ на один вопрос помогает найти ответы на два других. Степень нашего прогресса в научной психологии зависит от нашей способности получить удовлетворительные ответы на каждый из них.

Критика структурализма

Нередко известность в истории получили те люди, которые активно выступали против устаревших взглядов. Однако в случае с Титченером ситуация оказалась абсолютно противоположной, так как он, напротив, твердо придерживался старых воззрений, в то время как все вокруг их критиковали. Во втором десятилетии XX века в интеллектуальном климате Америки и Европы произошли значительные изменения, но официально опубликованное изложение системы Титченера осталось прежним. В результате многие психологи стали смотреть на его структурную психологию как на несерьезную попытку остаться верным устаревшим принципам и методам.

Титченер верил, что он создает фундамент для психологии, но его достижения оказались только одной из ступеней в истории ее развития. Эпоха структурализма завершилась вместе с его смертью. То, что она длилась так долго, служит весомым доказательством значимости его личности.

Критика интроспекции

Самая суровая критика структурализма была направлена против метода интроспекции. Эти обвинения имеют гораздо большее отношение к интроспекции, применявшейся в лабораториях Титченера и Кюльпе, которые имели дело с субъективными сообщениями об элементах сознания,

чем к методу внутренней перцепции Вундта, использовавшему более объективные, определенные количественно, реакции на внешние стимулы.

Применение интроспекции, в ее широком понимании, имело долгую историю, и ее критика стала привычным явлением. За сто лет до появления работ Титченера немецкий философ Иммануил Кант писал, что любая попытка интроспекции неизбежно приводит к изменению изучаемого сознательного опыта, поскольку вводит в его состав наблюдающий элемент.

Философ-позитивист Оттоп Конт также критиковал интроспективный метод, утверждая, что, если рассудок способен наблюдать свою собственную деятельность, то он должен состоять из двух частей - наблюдающей и наблюдаемой, что, по мнению Конта, было невозможно (Wilson, 1991). За несколько десятилетий до того, как Титченер разработал свою структурную психологию, Кант писал:

Разум может наблюдать все явления, за исключением происходящих в нем самом... Наблюдающий и наблюдаемый органы в этом случае представляют собой одно и то же, а подобное действие не может быть безупречным и естественным. Для того, чтобы наблюдать, вам ум должен прервать свою деятельность: однако, это и есть та деятельность, которую вы хотите наблюдать. Если вы не можете осуществлять ее, то не можете и наблюдать: если же вы ее осуществляете, то вам нечем производить наблюдение. Результаты применения такого метода совпадают с его абсурдностью (Cottle, 1830/1896, Vol. 1, P. 9).

В 1867 году английский врач Генри Модели в своей пространной работе по психопатологии продолжил критику интроспекции:

Среди приверженцев интроспекции существует мало согласия. Там же, где согласие присутствует, оно может быть отнесено за счет того, что интроспекционисты проходят тщательную подготовку и таким образом имеют предубеждения, которые сказываются на их наблюдениях. В силу существования патологии психики вряд ли можно доверять подобным самоотчетам. Интроспективное знание не может иметь той всеобщности, которой мы ждем от науки. Оно должно быть отнесено только к группе соответствующим образом подготовленных взрослых объектов исследования. Большинство типов поведения человека (привычек и поступков) осуществляется без сознательной взаимосвязи друг с другом. (Цит. по: Titchner, 1967, P. 11.)

Таким образом, сомнения в возможностях интроспекции существовали задолго до того, как Титченер модернизировал и усовершенствовал этот метод с целью сделать его в большей степени отвечающим требованиям науки. Но по мере того, как его подход к интроспекции становился более точным, критика метода продолжалась.

Один из ее пунктов касался определения интроспекции. По-видимому, оно создавало проблемы и самому Титченеру, и он пытался найти выход из положения за счет связи определения с особыми условиями эксперимента. «Порядок, которому следует наблюдатель, - писал Титченер, - будет

изменяться в деталях вместе с природой наблюдаемого сознания, в соответствии с целью эксперимента и указаниями экспериментатора. Интроспекция при этом становится общим понятием и охватывает неограниченно широкие группы особых методических процедур» (Titchener, 1912b, p. 485).

Второе направление критики методологии Титченера было связано с вопросом о том, что же, собственно говоря, учились делать люди, занимавшиеся структурной интроспекцией. Обуваясь этому аспиранты Титченера получали инструкцию не использовать некоторые группы слов (так называемые смысловые слова), которые получили определенное закрепление в их словаре. Например, фраза: «Я вижу стол» - для структуралиста была лишена научного смысла, поскольку слово «стол» являлось смысловым, основанным на ранее установленном общепринятом знании определенных комбинаций ощущений, которые мы выучили, чтобы распознавать и относить к специальной категории предметов.

Таким образом, наблюдение, выраженное фразой «Я вижу стол», ничего не могло сказать структуралисту о сознательном опыте наблюдателя. Структуралист был заинтересован не в наборе ощущений, заключенных в смысловом слове, а в особых элементарных формах опыта. Наблюдатели, которые произносили слово «стол», совершали, по его мнению, «ошибку стимула».

Однако, если бы эти обыкновенные слова были исключены из лексикона, то как бы наблюдатели стали описывать свои переживания? Для этого требовалось разработать особый интроспективный язык. Поскольку Титченер (а также и Вундт) подчеркивал особую важность строгого контроля внешних условий эксперимента для обеспечения четкого определения сознательного опыта, то два наблюдателя должны были бы иметь одинаковые переживания, а полученные ими результаты должны были бы подтверждать друг друга. Так как эти сходные переживания наблюдались при строгом контроле за внешними условиями, то теоретически было бы возможно разработать для наблюдателей специальный рабочий словарь, свободный от значимых слов. В конце концов, именно из-за того, что переживания людей во многом сходны, они разрабатывали и используют общие для них слова, передающие одно и то же значение.

Идея разработки интроспективного языка никогда не была реализована. Среди наблюдателей часто возникали разногласия даже при самом строгом контроле условий эксперимента. В разных лабораториях сторонники интроспекции получали разные результаты. Несогласие возникало даже среди наблюдателей в одной и той же лаборатории. Тем не менее Титченер утверждал, что согласованность данных будет в конце концов достигнута. Так что, если бы в свое время им было получено достаточно количество сходных результатов, то школа структурализма смогла бы просуществовать дольше.

Критики интроспекции также утверждали, что она на самом деле является формой ретроспекции, так как между самим опытом и сообщением о нем всегда проходит определенное время. Как было показано Обингтоном, скорость нашего забывания имеет наивысшее значение сразу после опыта - так что, по-видимому, часть его должна утрачиваться прежде, чем завершится интроспекция и будет получен самоотчет. На это структуралисты отвечали, что, во-первых, их наблюдения проводились с минимальным временным запаздыванием, и, во-вторых, по их предположениям, существует первичный психический образ, который поддерживает переживание до тех пор, пока наблюдатель не сделает о нем сообщение.

Мы отметили, что использование интроспекции для исследования переживания может вызывать в нем изменения. Рассмотрим, в чем состоит трудность интроспекции сознательного состояния гнева. При сознательной концентрации внимания на этом состоянии и попытках его расчленения на отдельные составляющие сам гнев может ослабнуть или вовсе исчезнуть. Однако, Титченер верил, что опытные и хорошо подготовленные наблюдатели, имеющие постоянную практику, выполняют свою задачу автоматически, без сознательного изменения переживания.

Другие объекты критики системы Титченера

Метод интроспекции был не единственным объектом критики взглядов Титченера. Структурализм обвиняли в искусственности и стерильности подхода к разбисению сознательных процессов на отдельные элементы. Это противники утверждали, что весь опыт целиком не может быть восстановлен в исходном виде из его составляющих. Они заявляли о том, что переживание не возникает в нас в виде каких-то отдельных ощущений, образов или эмоциональных состояний, а является совокупностью этих факторов. Поэтому какая-то часть сознательного опыта неизбежно теряется при любой искусственной попытке его расчленения. В дальнейшем мы увидим, что школа гештальт-психологии использовала этот аргумент в качестве отправной точки своего бунта против структурализма.

Структуралистское определение психологии также подвергалось критике. В последние годы жизни Титченера эта наука стала развиваться в нескольких направлениях, которые структуралисты исключали из своего рассмотрения, так как они не подходили им по своим методам и задачам. К ним относились, например, детская психология и психология животных. Понимание Титченером сферы применения психологии было слишком ограничено, чтобы включить в себя новые открытия. Развитие психологии шло быстрыми темпами, и ее передовые рубежи продвинулись далеко за пределы структурализма.

Вклад структурализма в развитие психологии

Несмотря на острую критику структурализма Титченера, нельзя отрицать того, что он и его сторонники внесли важный вклад в развитие психологии. Предмет их исследований - сознательный опыт - получил четкое определение. Их методы исследований, основанные на наблюдении, эксперименте и измерении, соответствовали лучшим научным традициям. Поскольку сознание лучше всего постигалось человеком при сознательном опыте, лучшим методом его исследования было самонаблюдение.

Хотя в наши дни предмет исследования структурализма и его цели утратили свою актуальность, все же интроспекция, понимаемая как словесное описание переживания, по-прежнему используется во многих областях психологии. В современных исследованиях психофизики, например, людям, принимающим участие в эксперименте, задают вопрос, какой звук громче или тише. Самоотчет требуется от людей, находящихся в необычных внешних условиях - таких как состояние невесомости при космических полетах. Отчеты о самочувствии больных, реакция на предлагаемые тесты также являются по своей сути вариантами интроспекции.

Интроспективные отчеты, включенные в себя интеллектуальные познавательные процессы - такие, как, например, сложные логические рассуждения, - требуются в различных областях человеческой деятельности. Психологи предприятий изучают интроспективные отчеты сотрудников об их ощущениях при пользовании новыми компьютерными терминалами с целью исследования путей совершенствования оборудования. Этот и многие другие словесные отчеты, основанные на личном опыте, являются распространенной формой сбора достоверной информации. В дальнейшем мы увидим, что когнитивная психология, с ее обновленным интересом к сознательным процессам, подтвердила право интроспекции считаться действенно научным методом. В наши дни интроспекция широко применяется в современной психологии.

Положительное влияние теории Титченера состояло и в том, что она сыграла роль мишени для критики. Структурализм представлял собой сложившееся направление, против которого стали выступать новые школы психологов, обязанные своим существованием именно переосмыслению его основ. Мы уже отмечали, что прогресс в науке возникает из преодоления старого и отжившего. Используя структурализм в качестве объекта критики, психология смогла продвигаться за границы, определенные ей системой Титченера.

Вопросы для обсуждения

1. Расскажите о взглядах Титченера на роль женщины в психологии.

2. Что, по мнению Титченера, было предметом психологии? Что такое «ошибка стимула»? в чем Титченер видел различие между сознанием и разумом?

3. Опишите метод интроспекции Титченера и отметьте, в чем его отличие от метода Вундта. Каким образом использовавшиеся Титченером понятие рефлекс отражает его взгляды на испытуемого человека?

4. Назовите три элементарных состояния сознания и четыре свойства психических элементов, как их определил Титченер. Каким образом он изменил свои взгляды в конце своей научной карьеры?

5. На какие вопросы о предмете своего изучения должна стремиться дать ответы наука? Как, по мнению Титченера, на эти вопросы отвечала психология?

6. Обсудите критику интроспекции. Каков вклад структурализма в развитие психологии?

Рекомендуемая литература

- Angell, F. (1928) *Titchener at Leipzig. Journal of General Psychology*, 1, 195-198. приятель Титченера по студенческим годам описывает время, проведенное в Лейпциге.
- Boiling, E.G. (1953) *A history of introspection. Psychological Bulletin*, 50, 169-189. обсуждение применения метода интроспекции в титчеровской и более поздних психологических школах.
- Evans, R.B. (1972) E.B. Titchener and his lost system. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 8, 168-180. Описание развития структурной психологии Титченера и спекулирование на смене его взглядов в конце жизни.
- Hindeland, M.J. (1971) *Edward Bradford Titchener: A pioneer in perception. Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 7, 23-28. Описание экспериментального подхода Титченера к ощущениям и восприятию.

Глава 6

Функционализм: предшествующее влияние

Протест функционализма

Функционализм, как подкалывает его название, занимается проблемами функционирования психики или ее использования организмом для адаптации к окружающей среде. Движение функциональной психологии сконцентрировало свои усилия на практическом вопросе о роли и значении психических процессов. Функционалисты изучали психику с точки зрения исследования не ее состава (структуры и основных элементов), а, скорее

функций и процессов, которые приводят к практическим последствиям в реальном мире.

Исследования психики, проведенные Вундтом и Титченером, не выявили никаких практических результатов психической деятельности человека, да это и не было их целью. Такое утилитарное отношение к подобным вопросам было несовместимо с их чисто научным подходом к психологии. Функционализм - первая чисто американская система психологии - явился осознанным протестом против экспериментальной психологии Вундта и структурализма Титченера. Дело в том, что оба этих направления считались чересчур ограниченными и не способными дать ответы на вопросы о том, какие функции выполняет разум и как он это делает.

Хотя возникновение **функционализма*** было протестом против существующих направлений психологии, его приверженцы не стремились к формальному образованию собственной научной школы. Основная причина этого носила личностный, а не идейный характер: никто из сторонников нового течения не имел честолюбивого желания организовать новое научное движение, подобное вундтовскому или титченеровскому.

Со временем функционализм действительно приобрел многие черты научной школы, но ее создание никогда не было истинной целью его лидеров. Они были согласны довольствоваться простой модификацией сложившейся системы и не прилагали усилий к ее замене.

В итоге функционализм никогда не стал таким строгим и обособленным движением, каким был структурализм Титченера. Поэтому не существовало и такой единой функциональной психологии, какой была структурная психология. Хотя имелось несколько направлений функционализма, имевших свои собственные различия, тем не менее, все они занимались проблемами функций сознания. Но поскольку они изучали поведение организма в условиях его взаимодействия с окружающей средой, то стали интересоваться и вопросами потенциального применения психологии к решению повседневных задач. Таким образом, прикладная психология быстро развивалась именно в Соединенных Штатах, где сегодня она считается главным творческим наследием движения функционалистов.

Предшественники функционализма

В этой главе мы рассмотрим истоки движения функциональной психологии, берущие начало от работ Чарльза Дарвина, Френсиса Гальтона и от еще более ранних исследователей поведения животных. Важно отметить период времени, в течение которого предшественники функционализма разрабатывали свои идеи. Он начался до возникновения новой психологии и продолжался в первые годы ее развития.

* функционализм - научное направление в психологии, занимающееся проблемами, связанными с ролью психики в адаптации организма к условиям окружающей среды.

Первая работа Дарвина, посвященная проблемам эволюции «О происхождении видов» (*On the Origin of Species*, 1959 г.), была опубликована всего за год до появления «Элементов психофизики» Фехнера (1860 г.) и за университетом. Гальтон начал свои работы по вопросам индивидуальных различий в 1869 году, прежде, чем Вундт написал «Принципы физиологической психологии» (1873-1874). Опыт по изучению психологии животных стали проводиться в 80-х годах прошлого века, до того как Титченер отправился в Германию к Вундту.

Таким образом, основная работа по изучению функций сознания, индивидуальных различий и поведения животных выполнялась в то же самое время, когда Вундт и Титченер обдуманно исключали эти вопросы из сферы своих исследований. Новому поколению американских психологов пришлось вновь привнести в психологию психические функции, индивидуальные различия и лаборатории подопытных крыс, чтобы вывести ее на передовые научные позиции.

Переворот в естествознании: Чарльз Дарвин (1809-1882)

Работа Чарльза Дарвина «О происхождении видов путем естественного отбора», увидевшая свет в 1859 году, стала, бесспорно, одной из самых выдающихся книг в истории человечества. Изложенная в ней теория эволюции оказала огромное влияние не только на американскую школу психологии, обязанную своим развитием и становлением трудам Дарвина, но также на умы и идеи многих других известных ученых. (Как мы увидим впоследствии, ее воздействие испытали и Зигмунд Фрейд.)

Предположение о том, что все виды животных и растений непрерывно изменяются и развиваются, ставшее одним из краеугольных камней эволюционной теории, возникло задолго до Дарвина. След появления этого предположения теряется приблизительно в V веке до рождения Христа, но только в конце XVIII столетия оно обрело статус научной гипотезы и стало предметом исследования современных ученых. Дед Чарльза, физиолог Эразмус Дарвин, весивший, между прочим, 340 фунтов, и Френсис Гальтон,

сочинявший эротические стихи и приживший 14 детей от двух жен и нескольких гвернанток, отмечали в своих работах, что все тепловые существа ведут свою историю от первичных особей, получивших жизнь непосредственно от Бога.

В 1809 году французский натуралист Жан-Батист Ламарк сформулировал теорию развития живой природы, в которой основной акцент был сделан на изменения внешнего вида животных, вызванного их стремлением приспособиться к новым внешним условиям. Эти изменения, по мнению Ламарка, передавались по наследству. Согласно его теории, появление длинной шеи у жирафов было следствием пересаживания из поколения в поколение измененными, обусловленными необходимостью тянуться к самым высоким веткам деревьев в поисках достаточного количества пищи.

В середине 1800-х годов английский геолог Чарльз Лайель ввел понятие эволюции в геологию, доказывая, что Земля прошла различные этапы развития, прежде чем достигла нынешнего состояния.

Но почему после многих веков безоговорочного признания библиейской модели возникновения и развития природы появились попытки дать свое объяснение этим процессам? Одна из причин состояла в том, что исследователи представляли в распоряжение ученых все новые и новые сведения о ранее неизвестных животных и растениях, населяющих Землю. Поэтому стал неизбежным вопрос: как Ной смог разместить на своем ковчеге так много пар особей каждого вида - ведь человечество уже знало их столько, что с трудом верило в эту историю.

Кроме того, было обнаружено множество костей и окаменелых останков, которые могли принадлежать только давно исчезнувшим представителям фауны. Эти наблюдения наводили на мысль, что все живые существа не могли сохраниться в первозданном виде и со временем подвергались изменениям.

Перемены касались не только предмета исследований ученых и естествоиспытателей, но и различных сторон повседневной жизни. Сам <дух времени> стремительно менялся под влиянием промышленной революции. Общественные ценности, система взаимоотношений в обществе, культурные и моральные нормы, неизменные для многих поколений, стремительно разрушались вследствие миграции населения из сельских районов и малых провинциальных городов в быстроразвивающиеся индустриальные центры.

Замесное становилась и роль науки.росло количество людей, склонных основывать свои представления о человеке и обществе не на библийских истинах, а на достижениях научной мысли.

Необходимость перемен стала великим временем. Происшедшие изменения коснулись и фермеров, чей пульс жизни определялся теперь не медленной сменой времен года, а ритмом работы сельскохозяйственных машин и ученых, которые проводили время, ломая голову над загадками

костей ископаемых животных. Общественный и научный климат благоприятствовал признанию идеи эволюционного развития природы. Однако довольно долго она бродила в умах лишь в виде предположений и догадок, испытывая недостаток в конкретных фактах. Только после появления на свет дарвиновской работы «О происхождении видов» идея эволюции получила достаточное количество доказательств и обрела черты научной теории, требующей к себе серьезного отношения. Само время диктовало необходимость создания такой теории, и ее провозвестником стал Чарльз Дарвин.

Странная жизнь

Когда Чарльз Дарвин был маленьким мальчиком, ничто не указывало на то, что он станет тем настойчивым и проницательным ученым, чье имя будет известно всему миру. Он рос шумным и озорным ребенком, любил неожиданные выходы и мог запросто соврать по любому поводу, чтобы привлечь к себе внимание детей и взрослых. Сохранилось воспоминание свидетелей его детских лет о том, как запертый в комнате за плохое поведение маленький Чарльз попытался разбить по лобовому поводу, чтобы наружу (Desmond & Moor. 1991). Он подавал так мало надежд, что его отец, состоятельный врач, всерьез беспокоился, как бы сын не опозорил его имя. Хотя Чарльз никогда не любил ходить в школу и не демонстрировал успехов в учебе, он проявил ранний интерес к вопросам истории естествознания, коллекционированию монет, морских раковин и минералов. Последний отцом в Эдинбургский университет изучать медицину, он быстро утратил к ней всякий интерес и бросил занятия. И тогда отец решил, что Чарльз должен стать священником.

Молодой Дарвин провел три года в Кембриджском университете. Впоследствии он отзывался о проведенном там времени как о потраченном впустую - по крайней мере, с академической точки зрения. В плане же свободного времяпрепровождения этот период был самым счастливым в его жизни. Он собирал коллекцию насекомых и ходил на охоту, участвовал в попойках, горланил песни и играл в карты с теми студентами, которых сам же считал беспутными и недалекими.

Один из его наставников, известный ботаник Джон Стевенс Хенслоу, выхлопотал для Дарвина назначение на должность натуралиста-исследователя на корвет «Бигль», снаряжаемый британским правительством и кругосветное плавание с научными целями. Во время этого знаменитого путешествия, продолжавшегося с 1831 по 1836 год, были проведены исследования в водах, омывающих Южную Америку, на Таити, в Новой Зеландии, острове Вознесения и Азорском архипелаге. Участие в экспедиции предоставило Дарвину уникальную возможность познакомиться с многообразием животного и растительного мира и собрать огромное количество фактического материала. Важно было и то, что оно изменило его характер. Из склонного к легкомысленным развлечениям дилетанта он превратился в серьезного ученого, поставившего перед собой сложнейшую

научную задачу, ставшую делом всей его жизни: разрабатывать теорию эволюции живой природы.

В 1836 году Дарвин женился и спустя три года переехал с женой в Даун, небольшую деревню в шестнадцати милях от Лондона. Там, вдали от шума городской жизни, он мог всецело посвятить себя работе. Дарвин никогда не отличался крепким здоровьем и нередко страдал от различных физических недугов, поочередно жалуясь на приступы рвоты, скопление газов, фурункулы, появление кожной сыпи, головокружение, дрожь в руках и подавленное состояние. Эти симптомы свидетельствовали, по-видимому, о наличии у него расстройств невротического характера и проявлялись всякий раз, когда какое-нибудь внешнее событие нарушало привычный ритм его жизни. Таким образом болезнь стала своего рода экраном, защищавшим ученого от повседневной суеты, обеспечивая ему необходимое одиночество и возможность целиком сконцентрироваться на работе над новой теорией. Один из его биографов определил его недуг как «болезнь, порождающую творческий процесс» (Ricketing, 1974).

Дарвин вел уединенный образ жизни, избегал поездок в гости и сам старался никого к себе не приглашать. Он даже установил зеркала за окном своего кабинета, чтобы следить за тем, кто проезжал его навесить. День за днем, неделя за неделей, он страдал от боли в желудке и все эти годы сельского затворничества отказывался спать всюду, кроме своего надежного дома. Его постоянно терзали беспокойства. (Desmond & Moore, 1991.)

Следует сказать, что для беспокоества имелись серьезные основания. Идеи эволюции природы встретили суровое осуждение реакционно настроенных деятелей церкви и некоторых ученых. Духовенство видело в ней угрозу нравственного разложения и подрыва общественных устоев. В своих проповедях священники неустанно подчеркивали, что если бы не было различия в происхождении людей и животных, то не было бы и различия в их поведении, и в итоге звериная жестокость уничтожила бы ростки цивилизации. Сам Дарвин иногда называл себя «дьявольским проповедником» и признавался друзьям, что работа над теорией эволюции подобна исповеди приговоренного к смерти (Desmond & Moore, 1991). Он знал, что после опубликования своих идей будет проклят как еретик.

Прошли долгих 22 года, прежде чем Дарвин решился познакомиться мир со своими открытиями. Ему хотелось, чтобы к моменту опубликования его теория опиралась на неопровержимые научные доказательства. Поэтому он работал не спеша, действуя предельно внимательно и осторожно.

В 1842 году Дарвин составил первый 35-страничный набросок своей теории. Два года спустя набросок превратился в двухсотстраничную эссе, которое все равно не устраивало автора. Он продолжал хранить свои открытия в строгом секрете, доверяя их лишь геологу Лайелю и ботанику Джозефу Хукеру. Последующие 15 лет прошли в мучительных размышлениях, тщательном изучении собранного материала, проверке и

перепроверке доказательств с целью сделать свою теорию неуязвимой во всех отношениях.

Неизвестно, сколько бы еще времени Дарвин продолжал откладывать публикацию своей работы, если бы в июне 1838 года не получил письмо от молодого натуралиста Альфреда Рассела Уоллеса, которое произвело на него эффект разорвавшейся бомбы. Уоллес, находившись в Вест-Индии, во время отпуска по лечению болезни сумел в общих чертах разработать свою теорию эволюции, во многом сходную с дарвиновской, хотя и не имевшую в своей основе столь богатого анализируемого материала. Самым ужасным было то, что, по словам самого Уоллеса, эта работа заняла у него всего три дня. Он интересовался мнением ученого о своем открытии и просил о содействии в его опубликовании. Представьте состояние Дарвина, отдавшего почти 20 лет жизни ежедневным кропотливым исследованиям!

Подобно многим ученым, Дарвин отличался крайним честолюбием. Еще до экспедиции на «Бигле» им была сделана дневниковая запись о стремлении «занять достойное место в мире науки». Впоследствии он добавил к ней такие слова: «Я хотел бы придавать как можно меньше значения таким пустякам, как слава. Мне не нравится, когда в основе творчества лежит стремление к первенству, но я был бы уязвлен, если бы кто-нибудь смог опубликовать мои идеи раньше меня» (Metton, 1957, p. 647-648).

По словам Лайела, Дарвин знал, что если поможет Уоллесу опубликовать его работу, то годы упорного труда над теорией эволюции пойдут насмарку, а он сам потеряет право на авторство (Veijāpin, 1993). Дарвин буквально разрывался перед трудным выбором. Кончина сына, умершего от скарлатины в эти же дни, поставила его на грань отчаяния. С такой размышляли о письме Уоллеса, в итоге он с завидным беспристрастием пришел к следующему заключению: «Похуже, это будет чересчур жестоко, если я утрачу приоритет открытия, которым фактически обладал уже столько лет. К тому же я не считаю, что отказ от публикации отразится на научной стороне вопроса... Публикация же будет слишком несправедлива по отношению ко мне» (Metton, 1957, p. 648).

Лайел и Хукер предложили, чтобы письмо Уоллеса и отрывки из будущей книги Дарвина были зачитаны на собрании Линнеевского общества (научного общества, названного по имени шведского натуралиста Линнея) 1 июля 1858 года. Это событие вошло в историю науки, а все 1250 экземпляров первого издания «О происхождении видов» были раскуплены в первый же день продажи. Книга породила невиданный всплеск эмоций общественного мнения и бесчисленные споры. Дарвин, хотя и под огнем критики, выиграл свою битву за место в истории.

«О происхождении видов» и другие работы

В наше время дарвиновская теория эволюции известна каждому школьнику, поэтому мы лишь вкратце рассмотрим ее основные положения.

Отметив факт изменчивости видов живых существ, Дарвин сделал вывод о наследственной передаче различий от поколения к поколению. Поскольку в природе, рассуждал далее Дарвин, процесс естественного отбора приводит к выживанию тех организмов, которые наилучшим образом подходят к среде обитания, в непрерывной борьбе за существование побеждают те, кто успешно приспосабливается к изменениям внешней среды; не способные к адаптации погибают.

Дарвин сформулировал свою идею о борьбе за выживание после чтения книги экономиста Томаса Мальтуса «Опыт о законе народонаселения» (*Essay on the Principle of Population*), написанной в 1789 году. (В свое время эта же книга вдохновила и Альфреда Уоллеса.) Мальтус утверждал, что производство продовольствия в мире растет в арифметической прогрессии, в то время как население Земли — в геометрической. Это неизбежно приведет к ситуации, когда большинство людей столкнется с угрозой голодной смерти. Выжить в таких условиях смогут только самые сильные и жестокие.

Дарвин распространил этот принцип на все живые организмы и разработал свою концепцию естественного отбора. Согласно его представлениям, особи, победившие в борьбе за существование и достигшие зрелости, стремятся передать своему потомству навыки и преимущества, позволившие им преодолеть барьер естественной селекции. Далее, поскольку изменчивость является одним из проявлений закона наследственности, она неизбежно скажется и на новом поколении, причем отдельные его представители будут обладать большим преимуществом в борьбе за существование по сравнению с родителями. В итоге эти качества, передаваясь из поколения в поколение, могут вызвать заметные внутривидовые изменения. Иногда внутривидовые различия становятся столь глубокими, что, как подтвердили исследования, приводят к образованию новых видов.

Дарвин не рассматривал естественный отбор как единственный механизм развития эволюции. Он разделял убеждение Ламарка в том, что изменения, приобретенные организмом в период его жизни, могут передаваться по наследству.

Хотя некоторые религиозные деятели на удивление благосклонно отнеслись к идее эволюционной теории, основная масса восприняла ее в штыки, поскольку была убеждена в ее несоместности с канонической библейской картиной сотворения мира. Один высокопоставленный служитель церкви назвал ее «попыткой свергнуть Бога», добавляя при этом, что «если считать теорию Дарвина истинной, то следует признать ложной Книгу Бытия, а известные всем нам, христианам, Божественные откровения — обманом» (White, 1896/1965, p. 93).

В течение года после опубликования работы «О происхождении видов» не утихали дебаты в Оксфордском университете и на заседаниях Британской ассоциации развития науки. Среди выступавших были биолог

Томас Генри Гексли, защищавший Дарвина, и епископ Сэмюэль Уилберфорс (получивший за свои витиеватые речи кличку Мыльный Сэм), отстаивавший точку зрения Библии. «Рассматривая теорию Дарвина, Уилберфорс поздравил себя... что он-то не произошел от обезьяны. На что последовала немедленная реплика Хаксли, что он скорее предпочтет быть потомком обезьяны, чем человека, использующего свои знания и красноречие на то, чтобы опорочить ученого, посвятившего свою жизнь поискам истины» (White, 1896/1965, p. 92).

Другим докладчиком был Роберт Фиттрой, бывший капитаном на «Бигле» во время путешествия Дарвина. Будучи религиозным ортодоксом, он винил себя за помощь, оказанную исследованию ученого. Во время своего выступления Фиттрой потрясал над головой огромной Библией, заклиная слушателей верить слову Божьему, но его выступление потонуло в возмущенных криках собравшихся. Пять лет спустя несчастный капитан покончил жизнь самоубийством (Desmond & Moore, 1991).

Недавние открытия историков позволили по-новому взглянуть на то, канувшее в Лету, научное противостояние (Richards, 1987). По-видимому, характер отчета о дебатах в Оксфорде был обусловлен антиклерикальной позицией Гексли и его попыткой (возможно и непреднамеренной) укрепить свой образ передового ученого. Фактически слушания носили характер не открытой полемики, а серии подготовленных докладов, и именно друг Дарвина Джозеф Хукер, а не Гексли дал отпор епископу Уилберфорсу. Сам же Дарвин сохранил с епископом хорошие отношения, отзываясь о его аргументах как о «чрезвычайно искусных, хотя и лишенных научного смысла» (Sould, 1986, p. 31).

Борьба вокруг теории эволюции продолжилась и в нашем веке. В 1925 году в городе Дейтоне, штат Теннесси, состоялся так называемый «обезьяний процесс» над школьным учителем Джоном Скоупсом, познанившим своих учеников с учением Дарвина. В этом же штате почти полвека спустя, в 1972 году, один священник обвинял теорию Дарвина в том, что она «порождает моральное разложение, похоть, безнравственность, корыстолюбие и такие преступные действия, как употребление наркотиков, разбой и погрязшие своей жестокостью акты геноцида» (New York Times, October 1, 1972). В 1968 году Верховный Суд США отменил закон, запрещавший преподавание теории эволюции в школах, однако проведенное в 1985 году исследование показало, что почти половина взрослого населения Америки решительно ее отвергает (Washington Post, June 3, 1986).

В 1987 году Верховный Суд выступил против законопроекта штата Луизиана, содержавшего требование о том, чтобы, в случае преподавания в школе теории Дарвина, в равном объеме преподавалось бы и традиционное библейское учение о происхождении жизни. В 1990 году Коллегия по вопросам образования штата Техас одобрила выпуск учебника, содержащего изложение теории эволюции, однако все же треть ее членов была против такого решения.

Сам Дарвин находился в стороне от полемик вокруг своего открытия и писал тем временем другие книги, имевшие важное значение для развития психологии. Его вторая большая работа «Происхождение человека» (*The Descent of Man*), вышедшая в 1871 году, содержала описание свидетельств развития человека, начиная с низших ступеней, - в ней делался акцент на сходстве психических процессов у людей и животных. Книга быстро завоевала успех. Известный журнальный обозреватель отмечал: «В гостиницах она соперничает по популярности с новейшими романами, а в кабинетах будоражит умы ученых, моралистов и теологов. И там, и там она порождает шквал эмоций, состоящих из смеси изумления, глубокого возмущения и восхищения» (Richards. 1987. P. 219). Однако скоро изумление, восхищение и признание победили возмущение и неприятие.

В дальнейшем Дарвин занимался активным изучением выражения эмоционального состояния людей и животных, показывая, как смена жестов и поз, типичных для большинства эмоциональных состояний живых существ, могут быть интерпретированы в терминах эволюционной теории. В своей книге «Выражение эмоций у людей и животных» (*The Expression of the Emotions in Man and Animals*) он утверждал, что эмоциональные жесты являются остаточным следствием движений, служивших когда-то практическим целям.

Начиная с 1840 года Дарвин вел дневниковые записи о своем малолетнем сыне, следуя за его развитием. В 1877 году он опубликовал их в журнале «*Mind*» под названием «Биографический очерк о развитии ребенка» (*A Biographical recording the child*). Эта работа считается одним из источников возникновения современной детской психологии.

Эволюция механизмов

Давайте снова вернемся к рассмотрению механических моделей. Мы отметили, что механизмы создавались для дублирования движений человека (автоматы) и его отдельных мыслительных процессов (вычислительная машина Бэббиджа). Возможно ли, чтобы механизмы стали эволюционировать в сторону развития высших форм - как это произошло, по мнению некоторых ученых, с людьми и животными? Постановка такого вопроса становилась неизбежной, так как после опубликования теории Дарвина мысли о механических аналогах человеческой жизни получили широкое распространение в научных и общественных кругах.

Человеком, открыто поставившим этот вопрос и распространившим эволюционную теорию на созданные людьми механизмы, был Самюэль Батлер, оригинальный английский писатель и музыкант. Он эмигрировал в Новую Зеландию, чтобы заняться там разведением овец, как раз в год опубликования книги Дарвина «О происхождении видов» (Mazlish. 1993). Впоследствии Дарвин и Батлер много лет вели активную переписку.

В нескольких своих очерках, один из которых был озаглавлен «Дарвин среди машин», Батлер писал, что эволюция машин на самом деле давно уже происходит. Для этого нам надо только сравнить простейшие устройства,

применявшиеся с незапамятных времен - рычаги, блоки, клинья, - со сложным оборудованием фабрик и заводов эпохи промышленной революции или с устройствами современных океанских пароходов.

Он утверждал, что эволюция механизмов происходит таким же, как и у живых существ, путем естественного отбора и борьбы за существование. Изобретатели постоянно создают новые устройства, придавая им дополнительные преимущества по сравнению с существующими. Таким образом новые машины уничтожают или выводят из употребления более старые и примитивные, которые не могут выдержать конкуренции и приспособиться к новым условиям. В результате устаревшие механизмы исчезают, подобно динозаврам.

Быстрое развитие техники ясно показало Батлеру, что эволюция машин идет гораздо более быстрыми темпами, чем эволюция животного мира. Основываясь на этом наблюдении, он стал размышлять, к чему же может привести такое положение дел. Так, например, Батлер предсказал автоматизацию механизмов и их возможности моделирования человеческого интеллекта. Поэтому, предупреждал он, есть вероятность того, что в один прекрасный день развитие машин достигнет такого уровня, что они смогут господствовать над людьми. Но станет ли при этом человечество полностью зависимым от машин, неспособным выжить без их помощи?

Один историк науки писал, «что подобно страху перед монстром-Франкенштейном, Батлер вызвал страх перед машинами, которые по мере своего развития будут угрожать если не нашему выживанию, то по крайней мере нашему господству над остальным животным миром» (Mazlish. 1993. P. 151). Требовался лишь маленький шаг, чтобы предсказать, что механизмы в процессе своей эволюции достигнут уровня сознательного поведения. «Не существует защиты, - писал Батлер, - против создания механического сознания... кто может поручиться, что паровая машина бессознательна? Где начинается сознание и где оно заканчивается? Кто может провести эту разграничительную линию?» (цит. по Mazlish. 1993). Эти же вопросы в наши дни задаются относительно компьютеров - самых умных из существующих машин. К рассмотрению этой проблемы мы еще вернемся в главе 15.

Батлер излагал свои взгляды во многих статьях, но, поскольку они публиковались в малоизвестных журналах, то не смогли оказать заметного влияния на развитие научной мысли.

В 1872 году идея об эволюции механизмов получила широкую известность после того, как Батлер изложил ее в своем романе «Етлин» (анagramма слова «индле»). Сюжет этого произведения построен на истории вымышленного государства, в котором были уничтожены все машины, потому что они стали представлять угрозу для людей.

Популярность батлеровской идеи свидетельствует о существовавшем в XIX веке повышенном интересе к развитию механизмов и механистическому представлению человеческой природы. Неудивительно, что в то время эта

тема стала одной из самых важных для недавно возникшей науки психологии.

Влияние Дарвина на развитие психологии

Работы Дарвина, выполненные им во второй половине XIX века, в значительной мере повлияли на формирование современной психологии.

Теория эволюции открыла для науки увлекательные возможности, связанные с неразрывностью психических процессов у человека и животных. Если человеческий разум достиг сегодняшнего уровня развития путем эволюции от более примитивных форм, то не следует ли из этого подобие психического функционирования животных и людей? Таким образом, вопрос о различиях между человеком и животными, поднятый два века тому назад Декартом, вновь становился открытым. Ученые ясно увидели, что изучение поведения представителей фауны стало крайне необходимо для понимания поведения человека. Поэтому они обратились к исследованиям функционирования психики животных, сделав ее новой темой опытов в психологических лабораториях. Разработка этого научного направления имела исключительно важное значение.

Теория эволюции вызвала изменения также и в предмете исследований психологии. Раньше структуралисты основное внимание уделяли анализу содержания сознания. Работы Дарвина подтолкнули некоторых из них - особенно из числа тех, кто работал в Америке, - начать изучение функций, которые могло выполнять сознание. Для многих исследователей это показало более важным, чем заниматься анализом его отдельных элементов. По мере того, как психология все больше интересовалась тем, как функционирует организм в процессе адаптации к внешним условиям, задача поиска психических элементов стала терять свою привлекательность.

Дарвиновская теория также позволила расширить набор методов исследований, которым могла пользоваться новая наука. В лейпцигской лаборатории Вундта главным образом использовались средства из арсенала физиологии, что в особенности относилось к психологическим методам Фехнера. Методы Дарвина, позволявшие получать результаты, применимые как к людям, так и к животным, не имели сходства с приемами исследований, основанными на физиологии. Данные Дарвина были получены из многих источников, включая геологию, археологию, демографию, наблюдения диких и домашних животных, а также их селекцию. Сведения, почерпнутые из этих областей знаний, обеспечивали поддержку его теории.

Помимо этого, в ней содержались убедительные доказательства того, что ученые могут изучать психику человека способами, отличными от экспериментальной интроспекции. Следуя примеру Дарвина, психологи, испытывавшие воздействие его взглядов на процессы эволюции и на особую роль, которую играет в них сознание, стали шире применять самые

разнообразные методы исследований. В результате это привело к накоплению огромного количества экспериментальных материалов.

Влияние теории эволюции на психологию проявилось и в растущем интересе к индивидуальным различиям. В результате наблюдений, выполненных над многими представителями животного мира во время путешествия на «Бигле», Дарвину стала очевидна мысль о существовании изменений, происходящих внутри каждого вида.

Эволюция была бы невозможна, если бы новые поколения были идентичны предшествующим. Таким образом, принцип изменчивости стал одним из важнейших постулатов эволюционной теории.

В то время, как сторонники структурализма продолжали свои поиски общих законов, позволяющих охватить все виды психической деятельности, психологи, испытывавшие влияние идей Дарвина, начали исследовать индивидуальные различия и способы их оценки. Структуралисты имели мало возможностей для изучения психики животных и индивидуальных различий. Этими проблемами стали заниматься психологи-функционалисты. Как результат, форма и содержание новой психологии начали изменяться.

Индивидуальные различия: Френсис Гальтон (1822-1911)

Своими работами по проблемам психической наследственности и индивидуальных различий человеческих способностей Гальтон привнес в психологию дух эволюционной теории. До него вопрос об индивидуальных различиях в качестве достойного предмета психологических исследований не рассматривался. Нам известно только о разрозненных попытках, предпринятых в этом направлении главным образом Вебером, Фехнером и Гельмгольцем, оставивших сведения об экспериментах по изучению индивидуальных различий, результаты которых к тому же так и не были систематизированы. Что же касается Вундта и Титченера, то они вообще не рассматривали эти вопросы в качестве относящихся к психологии.

Страницы жизни

Френсис Гальтон обладал исключительноными умственными способностями (по косвенным оценкам его коэффициент IQ был равен примерно двумстам) и неисчерпаемым запасом творческих идей. Среди

предметов его исследований были, в частности, даже такие: дактилоскопия (результаты этих работ были впоследствии использованы криминалистами), мода, влияние географических факторов на внешние данные населения, тяжелая атлетика и эффективность молитв. Он также избрал печатающее устройство для телегайта, приспособление для открывания замков и перископ, позволивший ему при нахождении в плотной толпе наблюдать парад поверх голов других зрителей.

Гальтон родился в 1822 году в Англии, недалеко от Бирмингема, и был самым младшим в семье из девяти детей. Его отец был процветающим банкиром, принадлежавшим к богатому и известному роду, давшему многих известных государственных деятелей, священнослужителей и военачальников. В возрасте 16 лет по настоянию отца Френсис начал изучать медицину в Бирмингемской городской больнице. Он работал ассистентом врача, раздавал больным лекарства, изучал медицинскую литературу, лечил переломы, ампутировал поврежденные пальцы, удалял зубы, делал прививки детям и развлекал себя чтением классической литературы. Однако, в общем-то работа в больнице не была для него таким уж приятным занятием, и он продолжал оставаться там только под давлением отца.

Один случай, произошедший с Гальтоном в период ученичества, хорошо иллюстрирует пылкость его ума. Желая выяснить влияние различных лекарств, он начал принимать малые дозы каждого из них и отмечать, какой эффект произвело на него лекарство. Гальтон начал свой опыт с препаратов, название которых начиналось с буквы А, и закончил свои исследования на букве С - после того, как попробовал крепкого масла, которое использовалось в то время в качестве слабительного.

После годичной работы в бирмингемской больнице Гальтон продолжил свое медицинское образование в Лондонском королевском колледже. Через год его планы изменились, и он перешел в Тринити-колледж Кембриджского университета, где начал изучать математику. В это время его кумиром стал Исаак Ньютон, бюст которого неизменно стоял у Гальтона на каминной полке. Хотя его учеба была прервана серьезной депрессией, ему все же удалось получить университетский диплом. Позднее он возобновил изучение медицины, которую к тому времени буквально возненавидел, однако только смерть отца позволила ему отказаться от занятий ненавистным делом.

Внимание Гальтона привлекали научные экспедиции. Он совершил путешествие по Африке и написал по его итогам отчет, удостоенный медали Королевского географического общества. В 50-е годы прошлого века он вынужден был прекратить свое участие в экспедициях. Сам Гальтон объяснял этот шаг своей женитьбой и ухудшением состояния здоровья. Все же тема исследований неизвестных земель продолжала вызывать у него исключительный интерес, и он даже написал книгу под названием «Искусство путешествий». Гальтон принимал участие в организации ряда

научных экспедиций, а также читал лекции о жизни в первых условиях для солдат, готовящихся к службе в заморских колониях.

В своем неистовом стремлении познания природы он обратился к метеорологии и сконструировал прибор для автоматической записи данных о состоянии атмосферы. Гальтон подытожил свои открытия в этой области, написав книгу, которая считается первой научной попыткой дать широкомасштабное представление о мировых погодных процессах.

Когда его кузен Чарльз Дарвин опубликовал свой знаменитый труд «О происхождении видов», он немедленно обратился к изучению новой теории. В первую очередь его заинтересовали биологические аспекты эволюции, и он предпринял исследования результатов переливания крови кроликам с целью выяснить, действительно ли могут быть унаследованы приобретенные признаки. Хотя генетические проблемы эволюционных процессов в течение долгого времени не привлекали внимания Гальтона, социальный подтекст присутствовал в его последующих работах, что и определило его влияние на современную психологию.

Психическая наследственность

Первая книга Гальтона по психологии «Наследственный гений» (*Hereditary Genius*) была опубликована в 1869 году. (Когда с ней познакомился Дарвин, он написал своему кузену, что никогда раньше не читал ничего более интересного и оригинального.) В этой работе Гальтон пытался показать, что рождение в семьях гениальных детей происходит значительно чаще, чем это можно было бы объяснить исключительно влиянием окружающих условий. Основная мысль этой книги состояла в том, что у выдающихся отцов рождаются выдающиеся сыновья. (Дочери в то время имели мало возможностей занять высокое положение помимо брака с выдающимся человеком.)

Большинство биографических данных, на которые ссылался в своей книге Гальтон, относились к родословным известных ученых и врачей. Его исследования показывали, что каждый знаменитый человек наследует не только гениальность, но и особую форму ее проявления. Так, например, испанский ученый рождается в семье, которая достигла известности именно в науке.

Конечной целью Гальтона было способствовать рождению «качественных» личностей и препятствовать рождению «некачественных». Чтобы помочь достигнению этой цели, он создал новую науку евенику, имевшую дело с факторами, которые могли улучшить наследуемые качества людей. Он утверждал, что человеческий род, подобно домашним животным, может быть улучшен путем искусственной селекции. Если бы талантливые люди выбиравались из общей массы и сочетались браком только друг с другом в течение многих поколений, то в результате возникла бы новая высокодаренная человеческая раса. Гальтон предлагал разработать специальные интеллектуальные тесты для отбора высокодаренных мужчин и женщин для дальнейшей селекционной работы. Он также рекомендовал

создавать материальные стимулы для поощрения вступления в брак и обезаждения детьми тех, кто успешно пройдет тестирование. (Ни сам Гальтон, ни его братья не имели детей. По-видимому, это была проблема генетического характера.)

В своих попытках проверить свою евристическую теорию Гальтон обратился к статистике. В книге «Наследственный гений» он применяет статистические методы для решения проблем наследственности, рассортировывая людей по уровню дарования. Его данные показали, что выдающиеся люди с большей вероятностью имеют выдающихся сыновей по сравнению с людьми со средними способностями. Так в своей работе Гальтон выяснил, что из 4000 детей одаренных родителей 977 мужчин впоследствии стали знаменитыми. Когда же группа родителей выбиралась на случайной основе, то одаренных детей насчитывалось, как и ожидалось, меньше, только 332.

По мнению Гальтона, вероятность рождения гениев в некоторых семьях была недостаточно высока, чтобы всерьез рассматривать ее зависимость от лучших условий жизни, возможностей получения образования или каких-то иных социальных преимуществ. Поэтому его вывод состоял в том, что гениальность или ее отсутствие зависят от наследственности, а не от предоставляемых возможностей.

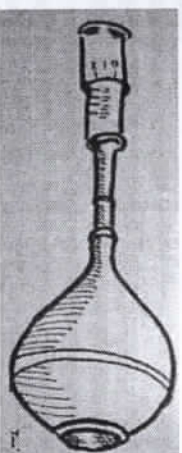
Гальтон написал книги «Английские ученые» (English Men of Science, 1874 г.), «Естественная наследственность» (Natural Inheritance, 1889 г.) и более 30 других работ по проблемам наследственности. В 1901 году он начал издавать журнал «Биометрика», в 1904 году основал лабораторию естествознания при Лондонском университетском колледже и организовал общество содействия распространению идей расового совершенствования.

Статистические методы

В продолжение всей своей научной карьеры Гальтон никогда не бывал полностью удовлетворен исследованием проблемы, если не мог получить количественных данных и провести их статистическую обработку. Для этого ему иногда приходилось использовать им же разработанные методы. Бельгийский математик Адольф Кетле был первым, кто применил статистические методы и закон нормального распределения случайных величин к анализу биологических и социальных процессов. Ранее этот закон обычно использовался при определении ошибок измерений при наблюдениях и экспериментах в естественных науках. Кетле был первым, кто показал, что величина роста, измеренного у 10 тысяч человек, приблизительно подчиняется нормальному распределению. Он использовал выражение I больше тоуп (средний человек), чтобы отразить тот факт, что большинство результатов физических измерений группируются вокруг их среднего значения или центра распределения, а количество остальных данных уменьшается по мере их отклонения от этой величины.

Результаты, полученные Кетле, произвели на Гальтона сильное впечатление, и он высказал предположение о том, что этот подход может

применяться и для анализа данных психологии. К примеру, он установил, что разбор оценок, полученных на университетских экзаменах, подчиняется закону нормального распределения. Из-за простоты нормального закона и удобства его применения к описанию разнообразных характеристик Гальтон предположил, что достаточно большое число оценок человеческих характеристик могут быть описаны двумя основными величинами: средней оценкой распределения (математическое ожидание) и диапазоном разброса оценок средней оценки (стандартное отклонение).

Гальтоновский виситок использовался для определения наивысшего зржового тона, на который реагировали люди и животные.

Работы Гальтона в области статистики привели к открытию одной из самых важных величин - корреляции, первое упоминание о которой появилось в 1888 году. Современный метод определения обоснованности и надежности тестов так же, как и методы факторного анализа, напрямую связаны с гальтоновским открытием корреляции, которое стало результатом наблюдений Гальтона за тем, как количественные характеристики наследственных признаков репрессируют к своему среднему значению. К примеру, он отмечал, что сыновья очень высоких людей, в среднем, бывают ниже своих отцов, в то время как сыновья очень низкорослых мужчин оказываются, в среднем, выше своих отцов. Гальтон разработал графические методы для отражения основных свойств коэффициента корреляции и нашел формулу для его расчета (ради объективности следует отметить, что в наше время она уже не используется).

При поддержке Гальтона его студент Карл Пирсон вывел использующуюся и по сей день формулу определения коэффициента корреляции - получившего название коэффициента корреляции Пирсона. Для символического обозначения коэффициента корреляции используется буква r - первая буква английского слова regression - регрессия, как факт признания важности гальтоновского открытия тенденции регрессирования наследственных признаков к среднему значению. Корреляция стала основным инструментом исследований в социальных, естественных и инженерных науках. Впоследствии на основании новаторских работ Гальтона были разработаны многие другие методики статистических оценок.

Тесты умственных способностей

Гальтон первым разработал **тесты умственных способностей**^{*}. Хотя появлению этого термина мы обязаны Джеймсу Маккину Кеттелу, его американскому ученику и бывшему студенту Вундта. Основное предположение Гальтона состояло в том, что интеллект может быть измерен в терминах сенсорных способностей человека - причем чем выше уровень интеллекта индивида, тем выше должен быть уровень его сенсорного функционирования. Он вывел это предположение из эмпирических взглядов Джона Локка о том, что знание дается нам через ощущения. Если это предположение верно, утверждал Гальтон, то из него следует, что «у наиболее одаренных индивидумов появляются более тонкие ощущения. Тот факт, что умственно отсталые люди нередко имеют неразвитые чувства, по-видимому, подтверждает эту мысль» (Loevinger, 1987, p. 98).

Для выполнения своих исследований Гальтону было необходимо изобрести устройства, с помощью которых можно было бы производить быстрые и точные сенсорные измерения у большого количества людей. Например, для определения наивысшей различимой частоты звука он придумал специальный свисток, который использовал при экспериментах и с людьми, и с животными. (Гальтон любил проглатывать по лондонскому зоопарку с полной тростью, к которой был прикреплен его свисток с приделанной к нему резиновой грушей. Сжимая грушу, он наблюдал реакцию животных на произведенный звук.) Гальтоновский свисток был обязательным элементом оборудования любой психологической лаборатории до 30-х годов, когда он был заменен более совершенными электронными приборами.

Среди других его приборов следует отметить фотометр для измерения точности, с которой человек может различать два разных цветовых тона, калиброванный маятник для определения времени реакции на звук и свет, и приспособление, состоящее из набора грузов, размещение которых позволяло сравнивать кинетическую или мускульную чувствительность. Он придумал специальную рейку с переменной шкалой расстояний для проверки оценки длины и набор бутылочек, содержащих различные вещества для проверки обоняния. Большинство гальтоновских тестов послужили отправной точкой для разработки оборудования, которое десятилетиями использовалось в психологических лабораториях.

Вооруженный новыми методами, Гальтон приступил к массовому сбору опытных данных. В 1884 году он основал антропометрическую лабораторию, которая сначала действовала на Лондонской международной медицинской выставке, а затем была переведена в лондонский Южно-Кенсингтонский музей. Эта лаборатория функционировала шесть лет, в течение которых Гальтон собрал результаты обследования более чем девяти тысяч людей. В этой лаборатории имелись различные приборы для антропометрических и психометрических измерений. За небольшую

плату каждый посетитель мог пройти все обследования, результаты которых ассистенты лаборатории заносили в карточку.

У посетителей лаборатории в числе прочих параметров определялся рост, вес, объем легких, предельная сила различных мышц, частота дыхания, острота слуха, зрения и цветового восприятия. Целью этой программы многоотрасловых исследований было - не больше не меньше - определение диапазона человеческих возможностей населения Великобритании с целью выяснения интеллектуального потенциала нации.

Сто лет спустя группа психологов из Соединенных Штатов проанализировала данные обследований, полученные Гальтоном (Johnson, 1985). Им удалось выяснить существенную корреляцию между результатами современных тестов и исследований, проведенных в прошлом веке. Это позволило сделать вывод о статистической надежности данных Гальтона. Кроме того, эти сведения поддержали полезную информацию о тенденциях развития обследованных детей, подростков и взрослых. Показатели веса, размаха рук, объема легких и силы сжатия кисти оказались близкими к тем, которые приводились в более современной литературе. Исключение составили темпы развития, которые в те времена были более замедленными. Таким образом, психологи сделали заключение о том, что данные Гальтона несомненно продолжают представлять научную ценность.

Ассоциация идей

Гальтон работал над двумя проблемами в области изучения ассоциаций: исследованием многообразия ассоциаций идей и определением времени, требуемого для возникновения ассоциаций (времени реакции).

Один из его методов изучения многообразия ассоциаций заключался в том, что испытуемый должен был пройти 450 ярдов по лондонской улице Поли Моул, находящейся между Трафальгарской площадью и Дворцом Сент-Джеймс, обращая свое внимание на различные предметы до тех пор, пока они ассоциативно не подкажут ему одну или две идеи. В первый раз, когда Гальтон сам пытался испытывать на себе этот метод, он был поражен количеством ассоциаций, которые вызвали в нем те 300 объектов, которые он успел увидеть. При этом он обнаружил, что многие из ассоциаций были воспоминаниями о прошлых переживаниях, включая и давно уже забытые. Повторяя этот эксперимент несколькими днями позже, он выяснил, что многие из ассоциаций, возникших во время первой прогулки, появились вновь. Этот результат сразу охладил его интерес к этой проблеме, и он занялся экспериментами по измерению времени реакции, которые оказались гораздо более успешными.

Для проведения этих опытов Гальтон подготовил список из 75 слов, каждое из которых было написано на отдельном листе бумаги. Неделю спустя он стал рассматривать их по одному и с помощью хронометра фиксировать время возникновения двух ассоциаций, вызванных каждым словом. Многие ассоциации состояли из одного слова, но некоторые представляли собой образы или мысленные картины, требующие

* тесты умственных способностей - тесты моторных навыков и сенсорных способностей.

многоплодного описания. Следующая задача состояла в определении природы этих ассоциаций. Гальтон установил, что приблизительно 40 процентов от их общего числа уходят корнями ко временам детства и отрочества. Этот факт стал одной из первых научных иллюстраций влияния детских переживаний на личность взрослого человека.

Метод, разработанный Гальтоном для изучения ассоциаций, имел даже большее значение для науки, чем полученные им результаты. Словесно-ассоциативный тест Гальтона и стал первым по-настоящему научным инструментом для изучения ассоциаций. Как мы знаем, Вундт использовал этот метод в своей лейпцигской лаборатории, ограничивая реакцию испытуемого одним словом. Психолог Карл Юнг также усовершенствовал методику Гальтона для проведения своих исследований проблем с помощью словесных ассоциаций.

Психические образы

Гальтоновские исследования психических образов отмечены первым широким применением психологических опросников. Испытуемым предлагали вспомнить какой-нибудь случай, например, произошедший за завтраком, и постараться вызвать в памяти его образ. Далее надо было отметить, был ли образ смутным или отчетливым, ясным или темным, цветным или черно-белым и так далее. К удивлению Гальтона, среди первой группы испытуемых, состоявшей из знакомых ему ученых, никто не смог сообщить о возникновении отчетливого образа! При этом некоторые из них даже не понимали, что под этим понимает Гальтон.

Обращаясь к более широкому исследованию различных слоев населения, Гальтон получил сообщения о ясных и отчетливых образах, полных красок и мельчайших подробностей. Он обнаружил, что образы, возникающие у женщин и детей, бывают особенно конкретны и детальны. Кроме этого, Гальтон установил, что статистические данные, связанные с человеческим воображением, подобно многим другим характеристикам, также подчиняются нормальному закону.

Как и большинство гальтоновских работ, исследования этой проблемы имели прямое отношение к попытке продемонстрировать наследственное сходство. В частности, он установил, что близкие образы с большей вероятностью появляются у единокровных братьев и сестер, чем у людей, не связанных родственными узами.

Другие исследования

Многогранность гальтоновского таланта проявилась в самых разнообразных исследованиях. Однажды он попытался поставить себя в положение душевнобольного, воображающего, что за ним следят все живые существа, которые встречаются ему на улице. «К концу утренней прогулки ему казалось, что за ним шпионит каждая лошадь, потому что даже если она и не смотрела на него, то он думал, что этим она просто маскирует свои действия» (Watson, 1978, p. 328-329).

Гальтон жил в то время, когда полемика между сторонниками теории эволюции и приверженцами ортодоксальной теологии достигла наивысшей остроты. С присущей ему объективностью он изучил эту проблему и сделал вывод о том, что, хотя большинство людей действительно придерживается строгих религиозных взглядов, этого вовсе недостаточно, чтобы считать их убеждения обоснованными. Он исследовал возможности молитвы повлиять на достижение каких-либо результатов и решил, что они бесполезны как для врачей, лечащих своих больных, так и для метеорологов в их попытках вызвать изменения погоды или даже для священников. Гальтон верил, что не существует заметной разницы между людьми, которые придерживаются и не придерживаются религиозных взглядов, - в отношении того, какие у них познания проблем и как складываются отношения с окружающими. Он надеялся дать человечеству новую систему убеждений, построенную на основе строгих научных фактов. Гальтон полагал, что эволюционное развитие более совершенной человеческой расы, которая появится благодаря естественке, является более достойной целью, чем место в раю.

Окружающим казалось, что Гальтон постоянно что-нибудь считает. В университете и в театре он подсчитывал число зевков и покашливаний среди публики, трактуя полученный результат как меру скучности лекции или спектакля. Во время сеансов у портретиста он подсчитал количество мазков, сделанных художником, и определил, что их потребовалось примерно 20 тысяч. Однажды Гальтон решил вести подсчеты с помощью запахов, а не чисел. Стараясь приучить себя забыть значения чисел, он приписал цифровые значения ароматам и вычитания. В итоге этих интеллектуальных упражнений на свет появилась оригинальная работа под названием «Арифметика запахов» (Arithmetic by Smell), опубликованная в первом номере американского журнала «Психологическое обозрение» (Psychological Review).

Комментарии

Гальтон занимался психологией только 15 лет, но результаты его исследований придали развитию этой науки новое направление. В действительности он был психологом ничуть не в большей мере, чем антропологом или естествоиспытателем. Просто его одаренная натура тесно в рамках одной научной дисциплины. Перечень проблем, интересовавших Гальтона и ставших впоследствии предметами исследований других ученых, включает в себя вопросы адаптации, сравнительного влияния наследственности и изменений окружающей среды, развития детей, индивидуальных различий, использования статистических методов, применение опросников и психологических тестов. Диапазон его научных исследований и объем полученных им результатов позволяет утверждать, что влияние Гальтона на развитие психологии в Соединенных Штатах было даже более глубоким, чем у основателя этой науки Вильгельма Вундта.

Зоопсихология и развитие функционализма

Эволюционная теория стала основным стимулом для развития зоопсихологии. До опубликования работ Дарвина у ученых не было причин заниматься психикой животных, потому что они рассматривались в качестве своего рода автоматов, лишенных души и разума. Этой точки зрения придерживались и Декарт, настойчиво повторявший, что животные не имеют никакого сходства с людьми.

Появление книги «О происхождении видов» в корне изменило эту с виду благополучную ситуацию. Доказательства, представленные Дарвином, позволили сделать предположение о том, что между психикой человека и животных нет глубоких различий. Ученые могли рассматривать вопросы психики всех живых существ с единых позиций, потому что, согласно выводам дарвинистов, люди могли рассматриваться произошедшими от животных в результате длительного процесса эволюционных изменений. Сам Дарвин утверждал, что «не существует фундаментальных различий между психическими способностями человека и высших млекопитающих» (1871, р. 66)).

Он был убежден в том, что многие существа испытывают удовольствие и боль, радость и печаль, видят сны и даже обладают воображением. Даже червь, писал Дарвин, демонстрирует удовольствие от еды, проявляет половое влечение и стремление к общению, что несомненно свидетельствует о наличии у чих определенной формы сознания.

Если бы можно было продемонстрировать наличие умственных способностей у животных, а также неразрывную связь между их психикой и психикой человека, полученные факты свидетельствовали бы о несостоятельности утверждения Декарта. Эта задача и послужила отправной точкой поисков интеллекта у животных.

Дарвин защищал свою теорию в книге «Выражение эмоций у человека и животных» (1872 г.), в которой утверждал, что выражение эмоций у человека унаследовано им от некоторых типов поведения животных. В поддержку этой идеи он привел множество примеров - в частности, рассматривал презрительную усмешку, сопровождаемую искривлением губ, в качестве рудиментарной, относящейся к способу, которым животные обнажали свои клыки, стараясь напугать противника.

После выхода в свет книги «О происхождении видов» тема возможного наличия интеллекта у животных стала необыкновенно популярной не только в научных кругах, но и среди широкой публики. В 60-70-е годы прошлого века многие люди писали письма в журналы различных направлений, сообщая о случаях поведения животных, которые вдруг стали демонстрировать не наблюдавшиеся у них ранее признаки умственных способностей. Появились тысячи историй о необычайных проявлениях ума у домашних кошек и собак, лошадей у свиней, улиток и птиц.

Даже великий экспериментатор Вильгельм Вундт, до того как стал первым в мире ученым-психологом, не избежал этого увлечения. В 1863

году он написал работу об умственных способностях различных живых существ - от жуков до бобров, в которой утверждал, что животные, демонстрирующие даже минимальные сенсорные способности, должны обладать умением делать оценки и сознательные выводы. По его мнению, так называемые низшие существа по своим способностям не так уж сильно отличаются от человека, а наблюдаемые различия обусловлены, в частности, тем, что они получили меньше возможностей для развития своих задатков. Спустя тридцать лет отношение Вундта к этой проблеме изменилось, но в свое время и его голос звучал в общем хоре сторонников наделяния животных умственными способностями наравне с человеком.

Изучение интеллекта животных

Ученым, выполнявшим систематизацию данных об исследованиях интеллекта животных, был английский психолог Джордж Романес (1848-1894), которого родители в детстве считали «ужасным тунишей» (Richards, 1987, р. 334). В молодости теория эволюции произвела на него глубокое впечатление. Позднее, когда он подружился с ее автором, Дарвином дал Романесу свою тетрадь с записями наблюдений о поведении животных. Таким образом, он доверил Романесу выполнение части своей работы, касавшейся применения теории эволюции к проблеме психики, - антропоцентричной той, которую он выполнил сам в отношении строения тела живых существ.

Романес оказался достойным преемником своего друга. Так как он был достаточно богат, ему не надо было заботиться о поиске работы, дающей средства к существованию. Его единственным обязательным занятием было чтение лекций в Эдинбургском университете, которое отнимало у него два часа в год. Обычно он проводил зиму в Лондоне и Оксфорде, а летом уезжал на берег моря, где построил себе лабораторию, оборудованную не хуже любой университетской.

В 1883 году Романес опубликовал работу «Интеллект животных» (Animal Intelligence), которая считается первой книгой по сравнительной психологии. В ней он собрал данные о поведении простейших одноклеточных организмов, муравьев, пауков, пресмыкающихся, рыб, птиц, слонов, обезьян и различных домашних животных. Его целью было продемонстрировать высокий уровень умственных способностей представителей фауны и сходство их мыслительных функций с мыслительными функциями человека, чтобы таким образом показать неразрывность интеллектуального развития всех живых существ. Как утверждал Романес, он хотел продемонстрировать, что «по сути нет разницы между разумными действиями краба и разумными действиями человека» (цит. по: Richards, 1987, р. 347).

Подход Романеса получил название **метода анекдотов***, поскольку основан на использовании случайных наблюдений, сообщений и рассказов о

* метод анекдотов - основанный на сборе рассказов о животных.

поведении животных. Многие из этих сведений поступали от слишком доверчивых и неподготовленных наблюдателей и поэтому были чрезвычайно уязвимы для критики, обвинявшей источник сведений в предвзятости и недостаточности данных, неточности описаний и предвзятости трактовке фактов.

Каким же образом Романес делал свои научные выводы из этих ненаучных наблюдений? Его работы были основаны на применении курьезного и доказавшего в итоге свою непригодность метода интроспекции посредством аналогий. При использовании этого метода исследователи полагали, что в его головном мозге происходят те же мыслительные процессы, что и у наблюдаемого животного. Наличие интеллекта и особых мыслительных функций выводилось посредством наблюдения за поведением животного и последующим проведением аналогии между умственными процессами у человека и теми процессами, которые, как предполагалось, происходят у животного.

Сам Романес дал такое описание процесса интроспекции посредством аналогии: «Отталкиваясь от того, что я субъективно знаю о процессах моего собственного интеллекта и действиях, которые они могут вызвать в моем организме, я, на основании наблюдаемых действий другого организма, - следуя аналогии, - устанавливаю тот факт, что в основе и той и другой деятельности лежат вполне определенные мыслительные процессы» (цит. по: Маскензие. 1977. Р. 56-57).

На основании использования этого метода Романес предположил, что животные способны к тем же видам логических обоснований, формированию и восприятию идей, сложным рассуждениям и решению столь же трудных задач, что и человек. Некоторые из его последователей приписывали животным интеллектуальные способности, значительно превосходящие среднечеловеческий уровень.

В своей работе, посвященной кошкам, которых Романес считал самыми умными животными после обезьян и слонов, он описывал свои наблюдения за одной из них, принадлежавшей его кучеру. С помощью нескольких ловких движений эта кошка могла открыть дверь, ведущую в конюшню. В соответствии с методом интроспективной аналогии Романес приходил к следующему выводу: «Кошки в таких случаях имеют точное представление о механических свойствах двери; им известно, что для открывания незапертой двери ее надо толкнуть вперед... Во-первых, кошка должна заметить, что дверь открывается путем нажатия на ручку и отодвигания щеколды. Во-вторых, посредством "логики чувств" она должна сделать вывод о том, что действия, выполняемые человеческой рукой, можно сделать и лапой. Когда кошка, предвзвешенно открыв щеколду, толкает дверь, стоя на задних лапах, этот процесс можно рассматривать как результат адаптивных рассуждений» (Романес. 1883. Р. 421-422).

Опыт Романеса не хватало современной научной строгости, а устанавливаемая им связь между исходными фактами и их субъективной

интерпретацией проследживается недостаточно четко. Хотя в наше время недостатки его методов исследований и полученных результатов стали очевидны, в научном мире его имя произносится с уважением в знак признания заслуг в развитии сравнительной психологии и разработки экспериментальных методов в этой области. Мы уже видели, что во многих областях науки обретение уверенности в наблюдаемых данных представляет разработку усовершенствованной экспериментальной методологии. Романес как раз и был тем ученым, кто первым открыл этап проведения наблюдений в сравнительной психологии.

Конья Ллойд Морган (1852-1936), которого Романес называл своим учеником, создал научную несостоятельность «метода анекдотов» и интроспекции посредством аналогий. Он был профессором психологии и педагогикой Бристольского университета в Англии, серьезно занимался геологией и зоологией, а также был одним из первых людей, кто отважился ездить на велосипеде по городу. Для того, чтобы ограничить тенденцию приписывать животным чересчур высокие интеллектуальные способности, Морган выдвинул **закон экономии*** (называемый также каноном Ллойда Моргана).

Закон экономии утверждает, что не следует представлять поведение животных с помощью процессов более высокого психического уровня, если его можно объяснить с помощью психических процессов более низкого уровня. Морган выдвинул эту идею в 1894 году, и возможно, что она велит свое происхождение от закона экономии Вундта, появившегося двумя годами ранее. В нем Вундт утверждал, что «применение сложных принципов может быть использовано только тогда, когда объяснение с помощью более простых принципов оказывается недостаточным» (Richards. 1980. Р. 57).

Целью Моргана было не устранить антропоморфизм, а, скорее, сократить сферу его применения и придать методологии сравнительной психологии более прочную научную основу. Он соглашался с Романесом в том, что антропоморфизм необходим и не может быть полностью исключен из психологии, но в то же время старался свести его влияние к минимуму (Costall. 1993).

Морган, по существу, использовал тот же подход, что и Романес, наблюдая поведение животных и стараясь объяснить его посредством интроспективного исследования собственных психических процессов. Однако, применяя свой закон экономии, он воздерживался от того, чтобы приписывать животным психические процессы высшего уровня в тех случаях, когда их действия можно было объяснить с помощью более простых мотивов поведения. Морган считал, что поведение большинства животных основано на научении или ассоциациях, основанных на

* закон экономии (канон Ллойда Моргана) - положение о том, что не следует объяснять поведение животных написанием у них психических процессов более высокого уровня, если для этого достаточно психических процессов более низкого уровня.

чувственном опыте. Научение же он рассматривал в качестве процесса более низкого уровня по сравнению с рациональным мышлением или способностью формирования и восприятия идей. В результате применения канона Моргана использование интроспекции посредством аналогии стало более ограниченным и в итоге оказалось вытесненным более объективными научными методами.

Морган был первым ученым, выполнившим масштабные исследования по психологии животных. Хотя поначалу его экспериментам не хватало научной строгости, все же они включали в себя тщательные наблюдения за поведением животных, проводимые в основном в естественных условиях с некоторыми искусственными усложнениями обстановки. Такие опыты давали меньше возможностей для контроля, чем лабораторные исследования, но обладали значительными преимуществами по сравнению с методом анекдотов Романеса.

Первые работы по сравнительной психологии были выполнены в Великобритании, но скоро лидерство в этой области перешло к Соединенным Штатам. Романес умер в сравнительно молодом возрасте от рака мозга, не дожив до 50 лет, и после его смерти Морган решил отказаться от научной карьеры, заняв место в администрации университета.

Сравнительная психология стала результатом активной полемики, пороженной предположением Дарвина о единстве живого мира. Основной дарвиновской теории являлось понятие функции и утверждение о том, что в процессе эволюционирования организмов их физическая структура определяется требованиями условий выживания. Эта предпосылка привела биологов к рассмотрению каждой анатомической структуры в качестве функционального элемента в общей живой адаптирующей системе. Когда психологи начали исследовать психические процессы под этим углом зрения, они создали новое парное направление - функциональную психологию.

В главах 7 и 8 будет рассказано о развитии функционализма в Соединенных Штатах, а в главе 9 мы продолжим знакомство с проблемами зоопсихологии.

Вопросы для обсуждения

1. Каких аспектов сознания касались исследования функционалистов? Расскажите, в чем заключается их протест против психологии Вундта и структурализма Титченера?
2. Какое влияние оказала теория народонаселения Мальтуса на дарвиновскую концепцию естественного отбора?
3. Расскажите об идее эволюции механизмов. В чем, согласно этой идее, заключается угроза человечеству?
4. Как идея Дарвина и исследования Гальтона повлияли на предмет и методы изучения психологии?

5. Как учение Локка повлияло на работу Гальтона в области тестирования интеллекта? Какими статистическими методами пользовался Гальтон при оценке особенностей людей?
6. Как дарвиновская эволюционная теория повлияла на развитие зоопсихологии? Какова была первоначальная реакция Вундта на произошедшие изменения?
7. Как Романес и Морган изучали смекалку животных?

Рекомендуемая литература

- Angell, J.R. (1909) The influence of Darwin on psychology. *Psychological Review*, 16, 152-169. рассмотрение эволюционных идей Дарвина и оценка их влияния на функциональную психологию.
- Boing, E.G. (1950) The influence of evolutionary theory upon American psychological thought. In S. Persons (Ed.), *Evolutionary theory in America* (p.268-298). New Haven, Conn.: Yale University Press. Рассматривается влияние работы Дарвина на Болдуина, Дюри, Холла, Джеймса и Уотсона - самые крупные фигуры в американской психологии.
- Costall, A. (1993) How Lloyd Morgan's Canon backfired. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 29, 113-122. сравнительный анализ взглядов Морган и Романеса на психологию животных.
- Diamond, S. (1977) Francis Galton and American Psychology. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 291, 47-55. влияние работы Гальтона на Кеттелла и Яспру.
- Domjan, M. (1987) Animal learning comes of age. *American Psychologist*, 42, 556-564. Обзор проблем обучения животных в историческом контексте (Дарвин, Романес, Морган, Торндайк) в связи с современной теорией научения.

Глава 7

Функционализм: возникновение и развитие

Только в Америке

Примерно к 1900 году психологические исследования в Соединенных Штатах вышли на собственную дорожку, отмежевываясь как от психологии Вундта, так и от структурализма Титченера, которые не затрагивали тему цели, или <-смысла> сознания, то есть его функций. Основой функционального направления в психологии стали труды Дарвина и Гальтона, интересовавшихся в большей степени не содержанием или устройством, а принципами работы сознания. Чтобы проследить становление функциональной психологии как научной школы, перенесемся из Англии в Соединенные Штаты рубежа XIX-XX столетий.

Чем обусловлен расцвет функциональной психологии именно в США, а не в Англии, где она зародилась? Ответ следует искать в американском характере и уникальных социальных, экономических и политических особенностях развития США. Американский дух того времени готов был принять как эволюционную теорию, так и ее ветвь - функционализм.

Герберт Спенсер (1820-1903) и синтетическая философия

62-летнего английского философа-самоучку, частенько затыкавшего уши ватой, - в надежде отгородиться от внешнего мира и сосредоточиться на своих мыслях, - в 1882 году в Соединенных Штатах встречали как национального героя. Его принимал в Нью-Йорке сам Эндрю Карнеги, миллионер, патриарх американской сталелитейной промышленности, превозносивший философа как мессию. В глазах многих ведущих американских бизнесменов, ученых, политиков и религиозных деятелей этот человек действительно был спасителем. Он не успевал отвечать на приглашения ообедать; со всех сторон ему расточали похвалы и выказывали уважение.

Его имя - Герберт Спенсер, ученый, которого Дарвин называл «наш философ» и чье влияние на мировоззрение американцев оказалось поистине фундаментальным. Спенсер, обладавший необычайно плодотворным умом, является автором огромного количества книг, многие из которых он диктовал секретарю в перерывах между теннисными партиями или сидя на диване во время речных прогулок. Его труды - в виде статей с продолжениями - печатались в популярных журналах; были проданы сотни тысяч экземпляров его книг, а изучение его философской системы считалось обязательным для всех студентов университетов, независимо от специализации. «В начале 60-х годов прошлого столетия идеи Спенсера с быстротой молнии овладели умами университетской Америки и господствовали над ними в течение последующих тридцати лет» (Reel. 1971. P. 2). На этих идеях, охвативших все слои общества, выросло целое поколение американцев. Будь в то время уже изобретено телевидение.

Спенсер наверняка не сходил бы с экранов, а его взгляды, благодаря многочисленным ток-шоу, были бы еще популярнее.

Он мог успеть намного больше, если бы не то неряное состояние, которое преследовало его с 53 лет и усугублялось постоянным отсутствием других людей. Затыкая уши, Спенсер пытался найти покой, уйти от раздражавших разговоров. Только так ему удавалось сосредоточиться на собственных мыслях и хотя бы немного поработать. Любое внешнее вторжение приводило к бессоннице, сильному сердцебиению, расстройству пищеварения. Как и у Дарвина, эти проблемы со здоровьем начались в тот момент, когда ученый приступил к разработке своей системы, которой он посвятил всю жизнь.

Социальный дарвинизм

Философией, принесшей Спенсеру столь шумное признание, был дарвинизм - эволюционная концепция выживания сильнейших. Но в развитии этой теории Спенсер пошел дальше самого Дарвина.

В Соединенных Штатах идеи и эволюционная теория Дарвина были встречены с энтузиазмом и огромным интересом. Их широко обсуждали не только в университетских и академических кругах, но и на страницах популярных журналов и даже некоторых религиозных изданий.

Спенсер утверждал, что эволюционным является развитие всех аспектов Вселенной, включая человека и социальные институты. Вселенная развивается согласно закону выживания сильнейших (по собственному выражению Спенсера). Именно из этого положения выросла концепция эволюции применительно к человеку и обществу, названная социальным дарвинизмом. Новую теорию с воодушевлением встретили в Америке.

При условии невмешательства в действие закона выживания, согласно утопическим представлениям Спенсера, удастся только лучшие индивиды и системы. До тех пор, пока ничто не вмешается в естественный порядок вещей, человеческое совершенствование неизбежно. Идеи Спенсера способствовали процветанию духа индивидуализма и свободного предпринимательства; философ критиковал правительство за попытки регулировать жизнь граждан и выступал даже против правительственных субсидий на образование и строительство жилья.

По Спенсеру, люди и организации должны развиваться, полагаясь лишь на собственные силы, - так же, как живут и приспособляются другие виды. Любая помощь государства противоречит естественному эволюционному процессу. Индивидуумы, коммерческие и иные институты, не способные приспособиться к среде, не отвечают принципу выживания сильнейших, и в целях улучшения всего общества следует дать им погибнуть или «уйти со сцены». Если правительства продолжают поддерживать плохую функционирующие системы (людей, группы, организации), то эти системы, в результате, ослабляют общество, тем самым, нарушая закон выживания самых сильных и приспособленных. Спенсер подчеркивал, что при условии выживания лучших общество, в конечном счете, достигнет совершенства.

Эти идеи вполне соответствовали царившему в Америке духу индивидуализма, поэтому словосочетания «выживание сильнейших» и «борьба за существование» быстро стали частью национального сознания и рефреном американского общества конца XIX столетия; Соединенные Штаты были живым воплощением идей Спенсера.

Первые американские поселенцы были трудолюбивыми людьми, которые исповедовали принципы свободного предпринимательства, самостоятельности и независимости от государственного регулирования. Они как никто понимали, что такое выживание сильнейших. Эта земля сторицей воздавала тем, у кого достало смелости, изобретательности и умения на ней работать, жизнь ежедневно демонстрировала им действие принципов естественного отбора, особенно на Западе, где выживание и успех зависели от способности приспособиться к требованиям враждебной среды: не сумевшие приспособиться просто погибали.

Американский историк Фредерик Джексон Тернер так описал этих победителей в схватке с жизнью: «Грубая сила сочетается в них с принципиальностью и пылкостью; благодаря своей изобретательности они мгновенно находят средства достижения цели: us лету схватывая свою выгоду... они осуществляют великие проекты: им присущи неутомимость и инициатива: это подлинное торжество индивидуализма» (Turner. 1947. P. 235).

В Соединенных Штатах люди ориентировались на практичность, выгоду, функциональность, и молодая американская психологическая наука, как в зеркале, отразила эти стремления. Вот почему именно в США так восторженно приняли эволюционную теорию. Американская психология стала функциональной, потому что принципы эволюции и функционализм были близки американцам. И поскольку взгляды Спенсера оказались созвучны американскому характеру, его философская система повлияла на все сферы познания.

Спенсер сформулировал философскую систему, которую он назвал синтетической философией. («Синтетическая» в смысле синтеза или объединения, а не чего-то искусственного или несущественного.) Базой этой всеобъемлющей системы стали эволюционные принципы в применении ко всем областям человеческого знания и опыта. Его идеи нашли свое выражение в 10-томном собрании сочинений, которое издавалось в течение почти 40 лет: с 1860 по 1897 год. Многие ведущие ученые того времени провозгласили эти сочинения трудами гения. Конни Ллойд Морган написал в письме к Спенсеру: «Из всех, кого я почитаю своими учителями в науке, я более всего обязан Вам». Альфред Рассел Уоллес назвал своего перенца в честь философа Спенсером. Дарвин, прочитав одну из книг Спенсера, сказал, что тот «на порядок превосходит» его самого (цит. по: Richards. 1987. P. 245).

Двуухтомный труд «Принципы психологии» (The Principles of Psychology), опубликованный впервые в 1855 году, позднее лег в основу

курса психологии, который Вильям Джеймс читал в Гарварде. В этой работе Спенсер высказал точку зрения, что человеческий разум прошел длинный путь развития и приспособления, прежде чем стать таким, каков он есть. Он подчеркивал, что нервным и мыслительным процессам присуща приспособляемость, а все усложняющийся человеческий опыт и, следовательно, поведение являются частью нормального эволюционного процесса. Чтобы выжить, организм должен приспосабливаться.

Вильям Джеймс (1842-1910): предтеча функциональной психологии

Парадоксальны и фигура Вильяма Джеймса, и его роль в американской психологии. Его работы предвосхитили функционализм, а сам он стал пионером нового направления психологии в США. Согласно одному из недавних исследований по истории психологии, Джеймс, уступая по значимости для мировой психологической науки только Вундту, возглавляет список американских психологов (Kot, Davis & Davis. 1991).

Однако, кое-кто из коллег Джеймса считал, что он отрицательно повлиял на развитие психологической науки. Он не скрывал своего интереса к телепатии, ясновидению, спиритизму; известны даже его попытки общаться с душами умерших и другие мистические опыты. Многие американские ученые, приверженцы экспериментальной психологии, включая Титченера и Кеттла, критиковали Джеймса за его восторженную поддержку подобных психических явлений, которые они исключали из научного рассмотрения.

Джеймс не основал собственной формальной психологической системы и не воспитал учеников. После него не осталось научной школы. Джеймс скорее был теоретиком, хотя та область психологии, которой он занимался, можно назвать в равной степени и теоретической, и экспериментальной. Психологию, которую он однажды назвал «свободной леди», не была его страстью. В отличие от Вундта или Титченера Джеймс посвятил психологии не так много своего времени, он занимался другими проблемами.

Этот обаятельный и сложный человек, внесший в психологию столь весомый вклад, вернулся к этой науке на склоне лет (во вступительной

лекции в Принстонском университете Джемс просил не называть его психологом). Он говорил, что психология - это <утверждение очевидного>. Но именно в психологии, к которой Джемс относился свысока, он занимается, бесспорно, достойное место.

Джемс не был первооткрывателем функциональной психологии, но он писал и мыслил в атмосфере функционализма, наполнившего собой американскую психологию тех лет. Его научное вдохновение передавалось последующим поколениям психологов, тем самым повлияв на развитие функциональной психологии.

Страницы жизни

Вильям Джемс родился в нью-йоркском отеле «Astor House». Родители его были людьми известными и богатыми. Отец весь свой энтузиазм направил на то, чтобы дети получили хорошее образование. А поскольку он был убежден, что американские школы его не дадут, но полагал также, что дети должны учиться среди своих соотраждан, то в юные годы Джемс сменил несколько школ в Англии, Франции, Германии, Италии, Швейцарии и Соединенных Штатах. Он смог близко познакомиться с интеллектуальными и культурными сокровищами Англии и Европы и навсегда сохранил любовь к путешествиям.

Хотя Джемс-старший никогда всерьез не думал о том, что его детям придется работать, он всеми силами поощрял интерес Уильяма к науке. У мальчика был специальный набор для химических опытов - «бунзеновская горелка и пузырьки с загадочными жидкостями, которые он мог смешивать и нагревать. Иногда ему даже удавалось устраивать небольшие взрывы. От этих жидкостей пальцы его и одежда, к огорчению отца, всегда были в пятнах» (Allen. 1967. P. 47).

Когда Джемсу исполнилось восемнадцать, он решил стать художником. Шесть месяцев он учился в мастерской Уильяма Ханта в Ньюпорте, убедившись, наконец, что для карьеры живописца ему явно недостает таланта. Тогда он поступил в научную школу Лоуренса при Гарвардском университете. В те годы стало ослабевать не только его здоровье, но и уверенность в себе, что превратило Джемса в человека очень беспокойного и нервного. Джемс забросил химию, возможно, из-за слишком строгих требований, предъявляемых к работе в лаборатории, и перешел в медицинскую школу. Но и в медицине он разочаровался, заметив, что «врачевание - это, по большей части, сплошной обман... за исключением разве что хирургии, где иногда можно добиться действительно положительного результата, присутствие врача оказывает па пациента и его семью действие, в основном, успокаивающее. По сути ли это тех денег, которые получают врачи?» (цит. по: Allen. 1967. P. 98).

Бросив медицину, Джемс, в качестве ассистента зоолога Луи Атаси, присоединился к экспедиции, чьей целью было собрать коллекцию животных, обитающих в бассейне Амазонки в Бразилии. С этой поездкой Джемсу представился шанс сделать карьеру з биологии, но его утомляла

необходимость скрупулезно собирать и описывать различных тварей, как, впрочем, и все остальные прелести экспедиционной жизни. «Я создан скорее для размышлений, чем для активной деятельности», - писал Джемс (цит. по: Lewis. 1991. P. 174). Возможно, неудачный опыт в химии и биологии предопределил позднее отвращение Джемса к экспериментированию в психологии.

После экспедиции 1863 года медицина больше не привлекала Джемса так, как раньше, но он, хотя и с неохотой, решил продолжить учебу - просто потому, что ни к чему другому душа не лежала. Он часто болел, жаловался на депрессию, несварение желудка, бессонницу, нарушения зрения, боли в спине. «Но было ясно, что причина всех его болезней - Америка. А единственное лекарство - Европа» (Miller & Vucknov. 1973. P. 84).

Джемс отправился на воды в Германию. Он много читал, писал пространные письма друзьям, но депрессия не отступала. Джемс побывал на нескольких лекциях по психологии в Берлинском университете и позже вспоминал, что то было время, когда «психология делала свои первые шаги как наука» (цит. по: Allen. 1967. P. 140). В тот год он говорил, что если выдвореет и дотянет до весны, то, видимо, будет учиться психологии у великого Гельмгольца и «еще какого-то Вундта». Джемс благополучно пережил зиму, познакомиться с Вундтом ему пока не удалось. Но тот факт, что он слышал его имя еще за десять лет до основания лейпцигской лаборатории, говорит о том, что Джемс был в курсе всех тенденций научного и интеллектуального развития.

В 1869 году в Гарварде Джемс получил степень доктора медицины, но беспокойство и депрессия не покидали его. Обуреваемый невыразимыми и ужасными страхами, он подумывал о самоубийстве. Страх был столь велик, что он перестал выходить из дому по вечерам. Философия жизни, которую то мрачное время вынашивал Джемс, вдохновило не интеллектуальное любопытство, а отчаяние. Он читал много книг по философии, в том числе эссе о свободе воли Шарля Ренюве. Взгляды этого французского философа очень сильно повлияли на Джемса. Он решил, что его собственным первым актом свободной воли станет вера в ее существование. Он убедил себя, что вера в силу воли поможет ему излечиться от депрессии. И Джемсу это в какой-то степени удалось, потому что в 1872 году он принял предложение преподавать физиологию в Гарварде, заметив по этому поводу, что «ответственная работа облагораживает человека» (James. 1902. P. 167). Через год Джемс взял отпуск, чтобы побывать в Италии, но по возвращении вернулся к преподаванию.

Свой первый курс лекций по психологии, названный «Об отношениях между физиологией и психологией» (The Relations Between Physiology and Psychology), Джемс преподавал в 1875/76 учебном году. Таким образом, Гарвард стал первым в Соединенных Штатах университетом, где обучали современной экспериментальной психологии. Сам Джемс формально никогда психологии не учился: первой лекцией по психологии, которую он

посетил, была его собственная. Университет выделил Джемсу 500 долларов для покупки необходимого ему лабораторного оборудования.

1878 год ознаменовался двумя важными для Джемса событиями: он женился на Элис Хоув Гиббене и подписал договор с издателем Генри Холтом на публикацию книги, которая впоследствии стала одним из классических трудов по психологии. Писать книгу он начал в свой медовый месяц, а завершил только через 12 лет.

Работа затянулась не в последнюю очередь потому, что Джемс был страстным путешественником. Если он не ездил в Европу, значит, бродил по горам штата Нью-Йорк или Нью-Гэмпшира.

Его письма оставали впечатление, что он стремился к одиночеству, что порой близкие отношения с другими людьми тяготили его и только рождения каждого своего ребенка он срывался из дому, а потом, чувствуя себя виноватым, писал [жене] покаянные письма. Он часто уезжал - ах, если бы только в Ньюпорт - в Рождество, Новый Год, дни рождения... Джемс бежал от семьи, чтобы насладиться природой и одиночеством, и в такие моменты испытывал какое-то мистическое облегчение. (Mues. 1986. P. 36-37.)

Такая чувствительную натуру, как Джемс, особенно выбивало из колеи рождение детей. Он не мог работать, его раздражало внимание жены к новорожденному. Когда родился его второй сын, он на целый год уехал в Европу, где беспрестанно кочевал из города в город.

Из Венеции Джемс написал жене, что встретил и полюбил итальянку. «Ты привыкнешь к моим увлечениям», - писал он ей (Lewis. 1991. P. 344). Джемс искренне верил, что его тяга к другим женщинам - это своеобразная дань жене; правда, мы так и не узнаем, что же думала по этому поводу сама миссис Джемс. Спустя несколько месяцев он сказал ей, что единственная причина случившегося романа - тоска по дому, и попросил позволения снять квартиру неподалеку от дома жены, чтобы иметь возможность ежедневно навещать семью.

Джемс продолжал преподавать в Гарварде (когда бывал дома) и в 1885 году стал профессором философии, а через несколько лет и психологии. К тому времени он был знаком со многими европейскими психологами, в том числе и с Вундтом, который, по его словам, «производит отравное впечатление; у него приятный голос и хорошая широкая улыбка». По прошествии нескольких лет Джемс однако замечал, что Вундт - «никакой не гений, а просто профессор, чья обязанность - все знать и по какому вопросу иметь собственное мнение» (цит. по: Allen. 1967. P. 251.304).

В 1890 году двухтомный труд Джемса «Основы психологии» (The Principles of Psychology) был, наконец, опубликован и имел ошеломительный успех. До сей поры он считался одним из фундаментальных вкладов в психологию. Спустя почти 80 лет после выхода этого сочинения один психолог написал: «Без сомнения, Основы Джемса - это одна из самых

примотных, дерзких, и в то же время самая вытнанная из когда-либо появившихся на английском или любом другом языке книг по психологии» (MacLeod. 1969. P. iii). Она стала лучшим учебником по психологии, на котором воспитано не одно поколение студентов-психологов (Weiten & Wright. 1992). И сегодня чтение этой книги доставляет огромное наслаждение даже непрофессионалам.

Но не все приняли сочинение Джемса благосклонно. Оно не понравилось Вундту и Титченеру, чьи взгляды Джемс критиковал. «Это - литература, - писал Вундт. - Это блестяще, но это не психология» (Votk. 1983. P. 12). Джемс и сам не был в восторге от собственного произведения. В письме к своему издателю он называл рукопись «отравительной, рыхлой, сырой, раздутой массой, которая доказывает только две вещи: что такой науки, как психология, не существует, и что [Вильям Джемс] - бездарь» (цит. по: Allen. 1967. P. 314-315).

После выхода Основ Джемс решил, что ему больше нечего сказать в психологии, и потерял интерес к курированию психологической лаборатории. На место директора Гарвардской лаборатории и преподавателя психологии он предложил профессора Хьюго Münsterberga из университета немецкого города Фрейбург. Сам Джемс намеревался полностью посвятить себя философским изысканиям. Münsterberg не смог стать равноценной заменой Джемсу - поддерживать ведущие позиции Гарварда в экспериментальных исследованиях. Его больше интересовали разнообразные прикладные проблемы, и лаборатории он уделял мало внимания. Как мы увидим позже, Münsterberg стал одним из основателей прикладной психологии, а также выдающимся популяризатором науки.

Хотя идея создания психологической лаборатории в Гарвардском университете принадлежала Джемсу, он не был горячим поклонником экспериментальных методов. Его никогда не убеждали результаты лабораторных опытов, да и вообще к этой работе он испытывал неприязнь. Джемс считал, что в американских университетах слишком много лабораторий, а в Основах утверждал, что результаты лабораторных экспериментов ничтожны по сравнению с теми усилиями, которые на них положены. Не удивительно поэтому, что вклад Джемса в развитие экспериментальной психологии не был значительным.

Последние 20 лет жизни Джемс отдал совершенствованию своей философской системы; в 1890 году он был признан ведущим американским философом. Вышла его работа «Беседа с учителями» (Talks to Teachers), посвященная вопросам применения методов психологии в процессе обучения. Она положила начало педагогической психологии и стала первым учебником по этому предмету (Berger. 1993). В 1902 году появилась книга «Многообразие религиозного опыта» (The Varieties of Religious Experience), а вслед за ней - еще три сочинения по философии.

В возрасте 53 лет Джемс влюбился в выпускницу колледжа Поллин Голдмарк, 21 года, «красивую и серьезную девушку» (цит. по: Rosenzweig.

1992. Р. 182). «Я совершенно обезумел, - писал он другу, - будь я молод и свободен, эта любовь могла бы перерасти в глубокое чувство» (там же. Р. 188).

Тремя годами позже, во время поездки в горы Аппалач с друзьями, среди которых была и мисс Голдмарк, с Джемсом случился сердечный приступ, который впоследствии оказался роковым. Взысканный присутствием девушки, утомленный долгим пешим походом и недосыпанием, на следующий день после приступа Джемс все же настаивал, что понесет свою часть туристского снаряжения - «демонстрируя силу и отвагу» (Rosenzweig, 1992. Р. 183). Но сердце не выдержало напряжения. В 1910 году, через два дня после возвращения из последнего путешествия в Европу, Джемс умер.

Принципы психологии

Почему имя Джемса называют в ряду крупнейших американских психологов? Тому есть три причины. Во-первых, его слог отличался ясностью, столь редкостью для научного языка. В его стиле есть непосредственность и очарование. Во-вторых, Джемс стоял на позициях, противоположных вулфовской, согласно которой цель психологии - разложение сознания на элементы и их изучение. Наконец, Джемс предложил иной взгляд на сознание, близкий новому функциональному подходу к психологии. Иными словами, время было готово выслушать Джемсу.

В «Основах психологии» Джемса заложен главный принцип американского функционализма: цель психологии - не выявление элементов опыта, а изучение функции приспособления сознания. Джемс писал, что сознание ведет нас к тем целям, которые необходимы для выживания. Сознание - это жизненно важная функция высокоорганизованных существ, живущих в сложной среде: без него была бы невозможна эволюция человека. Основой психологии Джемс считал биологию. Подобные взгляды высказывались и раньше, но именно работы Джемса направили психологию от формулировок Вундта в иное русло. Джемс рассматривал психические процессы как полезную, функциональную деятельность живых организмов в их попытках выжить и приспособиться к окружающему миру.

Джемс также подчеркивал нерациональные аспекты человеческой природы. Люди - создания не только мыслящие, но еще и импульсивные, подверженные страстям. Даже говоря об исключительно мыслительных процессах, Джемс подчеркивал роль нерационального. Он отмечал, что интеллект работает под влиянием тела. Мнения складываются под воздействием эмоциональных факторов, на формирование суждений и понятий оказывают влияние потребности и желания людей. Таким образом, Джемс не рассматривал человека как существо всецело рациональное.

Рассмотрим некоторые проблемы, затронутые Джемсом в его «Основах психологии».

Предмет изучения психологии: новый взгляд на сознание

Основы открываются утверждением, что «психология - это наука о психических (ментальных) явлениях и их условиях» (James, 1890. Vol. 1. Р. 1). С точки зрения предмета изучения, ключевые слова здесь - явления и условия. Слово «явления» указывает на то, что предмет изучения психологии лежит в сфере непосредственного опыта; используя слово «условия» Джемс говорит о важности тела, п частности, мозга, для психических процессов.

По Джемсу, главную часть психологии составляют физические основы сознания. Он признавал важную роль изучения сознания в неразрывной связи с человеческим бытием, то есть с своей естественной средой. Обращение к биологии и физиологии мозга при изучении сознания - отличительная черта психологии Джемса.

Джемс выступал против искусственного характера и узости вулфовской позиции. Он писал, что сознательные переживания есть просто то, что они есть, а не группы или наборы элементов. Открытие дискретных элементов с помощью интроспективного анализа еще не доказывает, что эти элементы существуют независимо от наблюдателя. Интерпретация психологическим результатов эксперимента зависит, прежде всего, от его взглядов и позиции, которой он придерживается.

Депутатом учиться распознавать отдельные элементы вкуса и запаха, которые человек неподготовленный уловить не в состоянии. Обычные люди во время еды воспринимают смесь вкусов, слюва, который они не могут проанализировать. Точно так же, считал Джемс, тот факт, что некоторые люди могут анализировать собственные переживания в условиях психологической лаборатории, не означает, что отдельные элементы, которые они описывают, присутствуют в сознании любого, кто переживает такой же опыт. Подобные допущения Джемс называл ложным выводом психологов.

Глубоко задетый подходом Вундта, Джемс заявил, что в сознательном опыте не существует элементарных ощущений, они являются исключительно результатом сложного спирального процесса умозаключения или абстрагирования. Джемс выразился резко и красноречиво: «Ни у кого не может быть элементарных ощущений самих по себе. С самого рождения наше сознание битком набито множеством разнообразных объектов и связей, а то, что мы называем простыми ощущениями, есть результат разборчивости внимания, которая часто достигает высочайшего уровня» (James, 1890. Vol. 1. Р. 224).

Вместо искусственного анализа и разложения сознательного опыта на минимальные элементы Джемс предложил новую программу психологии. Он провозгласил единство всей психической жизни, целостность непрерывно изменяющегося опыта. Сознание существует в форме непрерывного течения,

- которое он назвал **поток сознания*** - и любая попытка разделить его на отдельные элементы или фазы только извращает его суть.

Поскольку поток сознания находится в непрерывном движении и постоянно видоизменяется, мы не можем пережить одну и ту же мысль или ощущение более одного раза. Об объекте или раздражителе можно думать сколько угодно раз, но эти мысли не будут одинаковыми. Их разница обусловлена промежуточным опытом. Таким образом, сознание носит не обратимый, а направленный, кумулятивный характер.

Процесс мышления также непрерывен. Строго говоря, в потоке сознания могут быть пробы, например, во время сна, но, просыпаясь, мы тут же без труда восстанавливаем движение потока сознания. Кроме того, психика избирательна. Мы можем уделить внимание какой-то маленькой части эмпирического мира - значит, мозг выборочно реагирует на множество действующих на него раздражителей, фильтрует и объединяет их, отбирая одни и отвергая другие. Критерием выбора, согласно Джемсу, является релевантность - то есть тесная взаимосвязь. Мозг отбирает релевантные раздражители таким образом, чтобы сознание могло работать логически, в результате формируется разумное умозаключение.

Главное, что подчеркивал Джемс, - это цель сознания. Он полагал, что сознание обладает биологической полезностью, в противном случае оно не выжило бы. Цель, или функция сознания - дать человеку способность - в виде умения выбирать - приспособиться к окружающей среде. Джемс различал сознательный выбор и «привычку», он считал, что привычки бессознательны и произвольны. Сознание начинает действовать, когда мы сталкиваемся с новой проблемой и необходимостью выбрать путь ее решения. Это - несомненное влияние на Джемса эволюционной теории.

Методы психологии

Поскольку психология изучает индивидуальное и непосредственное сознание, лучшим инструментом для этого является самонаблюдение. Джемс писал: «В первую очередь и всегда мы должны попытаться на интроспективное наблюдение... взгляд внутрь себя и описание того, что нам открылось. Никто не станет спорить, что откроется нам состояние сознания» (James, 1890. Vol. 1. P. 185).

Джемс осознавал все трудности, связанные с методом интроспекции, и считал его далеким от совершенства. Тем не менее, он полагал, что результаты интроспективного наблюдения можно проверить, сравнивая данные, полученные от разных наблюдателей.

Хотя Джемс не столь широко практиковал экспериментальный метод, он признавал его пользу для психологического исследования - в особенности для психофизики, анализа восприятия пространства, изучения памяти.

* поток сознания - идея Джемса, согласно которой сознание представляет собой постоянный, слитный поток, и попытки разложить его на элементы только искажают его суть.

В дополнение к экспериментальному и интроспективному методам Джемс предложил использовать в психологии сравнительный метод.

Исследуя психические функции детей, людей со слабо развитым интеллектom и с психическими расстройствами, Джемс пришел к выводу, что психология должна изучать психические отклонения.

Поднятый в книге Джемса разговор о методах подчеркивает разницу между структурной и функциональной психологией: американский функционализм не замыкается на вундтовской интроспекции. Он пользуется и другими методами, что значительно расширяет горизонты психологии.

Джемс подчеркивал ценность **прагматизма*** для психологии. Это главный принцип заключается в том, что обоснованность идеи или понятия должна быть рассмотрена в терминах их практических последствий. В популярной форме прагматический взгляд можно выразить словами «истинно то, что дает результаты». Основные идеи прагматизма были высказаны в 70-х годах XIX столетия математиком и философом Чарльзом Сандерсом Пирсом, с которым Джемс был дружен. Работа Пирса не имела широкого признания до появления книги Джемса «Прагматизм» (Pragmatism, 1907 г.), которая придала этой доктрине форму философского течения. Кстати, именно Пирс в своей статье 1869 года первым из ученых Союженных Штатов описал новую психологию Фехнера и Вундта (Siswaller, 1992).

Теория эмоций

Теория эмоций Джемса, изложенная им в статье 1884 года и позже в «Основах психологии», противоречила существовавшим в то время взглядам на природу эмоциональных состояний. Психологи предполагали, что субъективное психическое переживание эмоционального состояния предшествует физическому выражению или действию. Традиционный пример - человек видит дикое животное, испытывает страх, спасается бегством - иллюстрирует идею о том, что эмоция (страх) предвещает физическую реакцию (бегство).

Джемс перевернул это утверждение: физическая реакция предшествует появлению эмоций, в особенности, таких «ярких», как страх, гнев, печаль и любовь. К примеру, видя зверя, мы бежим, и лишь затем испытываем страх. «Мы чувствуем, как происходит физическое изменение, - вот что такое эмоция» (James, 1890. Vol. 2. P. 449). В поддержку этого утверждения Джемс приводил пример интроспективного наблюдения: если физическим изменением - учащением сердцебиения и дыхания, напряжения мышц - не прорисовался, то нет и эмоции! Точка зрения Джемса вызвала серьезные споры в научных кругах и вдохновила множество исследований.

То же видение эмоциональных состояний высказал в 1885 году датский психолог Карл Ланге (пример одновременного открытия в истории

* прагматизм - философское учение, рассматривающее значение понятий, суждений и прочего с точки зрения практических последствий основного на них действия.

психологии), поэтому теория получила название теории эмоций **Джекса-Ланге**^{*}.

Привычки

Одна из глав «Основ психологии» посвящена привычкам, что объясняется интересом Джекса к проблемам физиологического влияния на психическую жизнь. Любое живое существо представляет собой «узел привычек» (James, 1890. Vol. 1. P. 104), а привычка - часть нервной системы. Повторяющиеся или привычные действия служат для увеличения гибкости «нервной ткани». Привычка позволяет с легкостью выполнять повторяющиеся действия и требует меньше внимания со стороны сознания.

Теория эмоций Джекса-Ланге - концепция, предложенная одновременно Вильямом Джексом и Карлом Ланге, согласно которой возбуждение физической реакции предшествует возникновению эмоций.

Джекс полагал также, что привычки имеют огромное социальное значение. Часто цитируют такие его строки:

Привычка... единственное, что удерживает нас в рамках установленных правил... она обрекает нас бороться до конца жизни, опираясь на полученное воспитание или первоначальный опыт, и положить все силы именно на то, что противоречит нашей натуре, потому что к другому мы не приспособлены, а переучиваться слишком поздно...

К двадцати пяти годам вам уже удастся различать профессиональную манерность молодого коммивояжера, доктора или адвоката. В его обиле, мыслях, предассудках просматривается какой-то внутренний раскол... от чего этот человек уже не может избавиться, в отличие от складов на руках его поджаса. А лучше и не делать попыток избавиться. Так устроен мир, что характер большинства из нас, годов к тридцати, затвердевает как штурманская, и более никогда не смягчится. (James, 1890. Vol. 1. P. 121.)

Комментарии

Джекс - одна из самых выдающихся фигур американской психологии. Появление его фундаментальной работы «Основы психологии» стало важным событием в истории психологии. И столетие спустя не потерял интерес к этой книге (Donnelly, 1992; Johnson & Henley, 1990). Она повлияла на взгляды тысяч студентов и повернула новую психологию от структурализма к функционализму, положила начало формированию функциональной психологической школы.

Стоит упомянуть также, что Джекс способствовал тому, чтобы Мари Уитон Калкинс (1863-1930) смогла получить высшее образование, и помог ей преодолеть барьеры предубеждения и дискриминации по отношению к женщинам-ученым. Позже Калкинс внесла значительный вклад в развитие

психологии, ей принадлежит идея использовать для изучения процессов памяти метод парных ассоциаций (MacLigai & ONaga, 1992).

Калкинс стала первой женщиной-президентом Американской психологической ассоциации. В 1906 году ее имя было названо в числе 50 самых влиятельных психологов США - высокая оценка заслуг женщины, которой в свое время отказывали в степени доктора философии (Filipino, 1990). Формально ей никогда не было позволено поступить в Гарвардский университет, но Джекс пригласил ее быть его слушательницей и настаивал на присвоении ей докторской степени. В ответ на отказ университетской администрации Джекс написал Калкинс: "Довольно делами террористов из нас и всех других женщин и науке. Я верю и надеюсь, что ваше рвение сокрушит любые преграды. Я же со своей стороны сделаю все, что в моих силах" (цит. по: Beijlman, 1993. P. 72). Несмотря на заслуженность Джекса, Гарвардский университет не удостоил чести присвоить степень доктора философии женщине, даже при том, что ее экзаменационные работы (неофициально организованные Джексом и другими профессорами) были оценены как «блестящие».

Через семь лет, в 1902 году, когда Калкинс была профессором колледжа Уэллеса и уже прославилась своими исследованиями в области памяти, ей предложили получить степень в Гарварде - но не полноценное университетское звание, а учрежденную специально для женщин степень колледжа Редклифф. Калкинс, отклонив это предложение, мотивируя свой отказ тем, что уже давно выполняла все требования для выпускников Гарварда, и выразила протест против той политики дискриминации, которую администрация проводила по отношению к ней как к женщине. Но в Гарварде упорно отвергали требования Калкинс присвоить ей то звание, которое она заслужила. Своим почетным доктором ее пригласил стать Колумбийский университет (Desmark & Fetpandez, 1992).

Возникновение функционализма

Ученые, которых объединили функционализм, не имели намерения создавать новую психологическую школу. Они выступали против ограниченный вундтовской и титченеровской систем, но не собирались заменять их еще одним «измом». Один из выпускников Чикагского университета, ставшего центром функциональной психологии, вспоминал, что их факультет был ориентирован на функционализм, «но как-то спонтанно и определенно без мысли основать школу функциональной психологии» (McKinnis, 1978. P. 145). Парадоксально, по формальному оформлению этого движения протеста способствовал, не кто иной, как основатель структурализма Э. Титченер.

Возможно, Титченер невольно подтолкнул возникновение функционализма, когда противопоставил слову «структурный» слово «функциональный» в своей статье «Послужные структурной психологии» (The Postulates of a Structural Psychology), опубликованную в 1898 году в

* теория эмоций Джекса-Ланге - концепция, предложенная одновременно Вильямом Джексом и Карлом Ланге, согласно которой возбуждение физической реакции предшествует возникновению эмоций.

«Философскою обозрению». В этой статье Титченер указал на отличия между структурной и функциональной психологией, подчеркнув при этом, что структурализм является единственно верным направлением.

Так Титченер, основатель функционализма «от обратного», невольно попал в центр споров. «Оппозиция Титченеру была безымянной до тех пор, пока он сам не дал ей имя; он собственноручно высек эту искру и как никто способствовал тому, чтобы ввести в язык психологии термин «функционализм»» (Hartson. 1963, P. 393).

Чикагская школа

Конечно, организация функционализма в психологическую школу произошла благодаря не одному только Титченеру, но те, кого исторически считают основоположниками функциональной психологии, стали ими, в лучшем случае, случайно.

Но есть психологи, которых с полным основанием можно считать основателями нового направления в психологии - функционализма. Это Джон Дьюи и Джеймс Роулэнд Энджелл. В 1894 году они появились в только что основанном Чикагском университете, а вскоре фотографии этих ученых уже красовались на обложке журнала «Тайм».

Джон Дьюи (1859-1952)

Джон Дьюи был обычным ребенком, и во время обучения в университете города Вермонт ничем особым себя не проявил. После окончания университета он несколько лет преподавал, самостоятельно изучал философию, издал несколько научных статей. Затем окончил аспирантуру в Балтиморском университете Джона Хопкинса, получил докторскую степень в 1884 году, затем преподавал в университетах Мичигана и Миннесоты. В 1886 году он опубликовал первый в США учебник по современной психологии (название точно не установлено, но, скорее всего, «Психология») Книга пользовалась большой популярностью, пока в 1890 году не появился еще более шумевший учебник Джемса «Основы психологии».

На протяжении всех десяти лет работы в Чикагском университете, Дьюи все свои силы отдавал психологии. Он основал учебную лабораторию, провел в университете реорганизацию, расчистив тем самым дорогу прогрессивной мысли. В 1904 году он переехал в Нью-Йорк, чтобы работать в Колумбийском университете над прикладными вопросами психологии в сфере образования и философии - еще одного направления деятельности многих психологов-функционалистов.

Дьюи был великим ученым, но ничемным преподавателем. Один из его студентов вспоминает, что Дьюи обычно носил зеленый берет: «Он заходил [в класс], садился у доски и клал перед собой свой зеленый берет, а затем монотонным голосом читал лекцию... Если вы хотите услышать кого-то, то это именно такой случай. Но слова, которые бормотал этот «умора», в действительности были на вес золота» (May. 1978, P. 655).

Рефлекторная дуга

Статью «Теория рефлекторной дуги в психологии», написанную Дьюи в 1896 году и опубликованную в журнале «Психологическое обозрение», можно считать началом функциональной психологии. В этой работе - наиболее значимой и, к сожалению, последней - Дьюи выступил с уничтожающей критикой психологического молекуляризма, элементаризма и редукционизма теории рефлекторной дуги, в которых раздражитель и реакция на раздражение рассматриваются обособленно. Дьюи выразил сомнение, что поведение и сознательный опыт могут быть сведены к частям или элементам, как утверждали Вундт и Титченер. Таким образом, Дьюи нанес удар по самим основам их подхода к психологии.

Приверженцы теории рефлекторной дуги утверждали, что поведенческий акт заканчивается вместе с реакцией па раздражитель, подобно тому, как ребенок отдергивает руку от огня. Дьюи отмечал, что судя по изменением восприятия огня ребенком форма рефлексии похожа скорее на круг, а не на дугу. Вначале огонь привлекает ребенка, затем, когда он познакомится с его опасной стороной, огонь начинает его пугать. Реакция изменяет восприятие ребенком раздражителя (огня), следовательно, восприятие и процесс (раздражитель и реакция) должны рассматриваться как единое, а не как некий набор индивидуальных ощущений и реакций. Таким образом, Дьюи доказал, что нет оснований сводить рефлекторное поведение к отдельным сенсорным элементам, и, соответственно, нельзя исследовать сознание, лишь изучив его составные элементы.

Такой вид анализа является искусственным и, вместе с редукцией, приводит к тому, что поведение теряет всякий смысл, в голове психологов-практиков остаются лишь абстракции. Дьюи писал, что поведение следует рассматривать не как абстрактную научную конструкцию, а как форму приспособления организма к окружающей среде. Таким образом, предметом психологии должно быть изучение человеческого организма в процессе его жизнедеятельности.

На Дьюи серьезное влияние оказала теория эволюции. В борьбе за выживание сознание и поведение обеспечивают функционирование организма: сознание вызывает соответствующее поведение, которое дает возможность организму бороться за свое существование. Функциональная психология, следовательно, занимается изучением организма в процессе его жизнедеятельности.

Интересно, что Дьюи не называл свою психологию функционализмом. Несмотря на критику главных положений структурализма, Дьюи никогда всерьез не считал, что структуру и функцию можно разделить. Именно Энджеллу и его последователям принадлежит утверждение, что функционализм и структурализм являются совершенно разными формами психологии (Tolman, 1993).

Роль Дьюи заключается в том, что он серьезно повлиял на умы психологов и других ученых, а также расширил философские границы научной мысли. Когда в 1904 году Дьюи ушел из Чикагского университета, лидером функционализма стал Энджелл.

Джеймс Роулэнд Энджелл (1869-1949)

Джеймс Роулэнд Энджелл превратил движение функционализма в настоящую психологическую школу. Благодаря ему отделение психологии Чикагского университета стало самым влиятельным из подобных факультетов того времени, главным центром подготовки психологов-функционалистов. Энджелл родился в Вермонте, в семье с академическими традициями. Его дед был президентом университета Брауна в городе Провиденсе (штат Род-Айленд), а отец - президентом сначала Вермонтского университета, а позже - Мичиганского. Энджелл учился в Мичигане у Дьюи. «Основы психологии» Джемса, по признанию Энджелла, оказали на его взгляды огромное влияние. В течение года он работал под руководством Джемса в Гараварде; степень магистра получил в 1892 году.

Энджелл мечтал учиться у Вундта, но тот уже закончил набор учеников, поэтому Энджелл продолжил учебу в университете Галле. Но докторской степени по окончании учебы ему не присвоили: диссертация была одобрена лишь частично в силу несовершенства немецкого языка, на котором была написана. Чтобы ее переписать, Энджеллу пришлось бы остаться в Галле - совсем без средств. Поэтому он принял предложение о

работе из университета Миннесоты, где ему было положено небольшое жалование - все же лучше, чем ничего, для молодого ученого, который уже четыре года был помошником и с нетерпением ждал свадьбы. Доктором философии он так и не стал, но помогал многим другим соискателям, да и сам за свою карьеру был удостоен множества авторитетных званий. Проведя год в Миннесоте, Энджелл уехал в Чикаго, где проработал в университете двадцать пять лет. Следуя семейной традиции, он стал президентом Иельского университета, в котором многое сделал для развития Института отношений человека. В 1906 году он был избран 15-м президентом Американской психологической ассоциации. Отойдя от фундаментальной науки, работал в правлении Национальной радиовещательной компании США (NBC).

Сфера функциональной психологии

В 1904 году Энджелл выпустил учебник под названием «Психология» (Psychology), где представил вниманию читателей описание функционального подхода. Книга имела такой успех, что к 1908 году была переиздана четырежды, что свидетельствует об огромном интересе к позиции функционализма. В своей работе Энджелл утверждал, что функция сознания - совершенствовать адаптивные способности организма. Целью психологии провозглашалось изучение того, как психика помогает организму в его приспособлении к окружающей среде.

Но еще более весомым вкладом Энджелла в функциональную психологию стала его президентская речь, с которой он обратился к Американской психологической ассоциации в 1906 году (она была опубликована в «Психологическом обозрении» в 1907 году). В этом сочинении, озаглавленном «Сфера функциональной психологии» (The Province of functional Psychology), была сформулирована позиция функционализма. Мы видим, что новые направления в науке получают импульс к развитию и становятся жизнеспособными благодаря - или вопреки - уже установленным системам. Энджелл с самого начала очертил рамки предстоящих научных баталий, но завершил свое вступительное слово весьма сдержанно: «Я официально заявляю об отказе от любых новых планов, я полностью поглощен тем, что называю беспристрастным изложением нынешней ситуации».

Функциональная психология, - говорил Энджелл, - вовсе не нова, она всегда была неотъемлемой частью психологии. Напротив, это структуралисты отделились от давно существовавшей и поистине всеобъемлющей функциональной ветви психологии. Энджелл обозначил три главных темы движения функционализма:

1. Функциональная психология - это учение о психических операциях; учение, противостоящее психологии психических элементов (структурализму). Элементаризм Титченера был все еще силен, и Энджелл посвятил себя развитию функционализма как прямой его

противоположности. Задачу функционализма он видел в изучении законов психических процессов и условий, в которых они протекают.

2. Функциональная психология - это учение о фундаментальной полезности сознания. С этой утилитарной точки зрения, сознание - инструмент, с помощью которого организм приспосабливается к требованиям окружающей обстановки. Структуры и функции организма, позволяющие ему приспособиться к среде, существуют потому, что они необходимы для выживания. Энджелл полагал, что, поскольку сознание выжило, значит, оно должно играть существенную роль в жизни организма. Функционализм как раз и призван уяснить, в чем состоит роль сознания и таких психических процессов, как суждение и проявление воли.

3. Функциональная психология - это учение о психофизических связях (разум/тело) в общем контексте взаимоотношений организма с окружающей средой. Функционализм рассматривает все функции разума/тела и утверждает, что фактической разницы между ними нет. По сути, они принадлежат к феноменам одного порядка и легко переходят друг в друга.

Комментарии

Энджелл примкнул к Американской психологической ассоциации тогда, когда функционализм уже возмужал. Он способствовал превращению этого движения в широкое и деятельное научное направление с собственной лабораторией, исследовательской базой, энтузиастами-преподавателями и преданных функциональному подходу студентами. Посвятив свои силы тому, чтобы придать функционализму статус научного направления, Энджелл дал ему и необходимому для развития точку опоры. Но сам он продолжал настаивать, что функционализм на деле не является психологической школой и не должен отождествляться исключительно с Чикагским университетом. Вопреки этим заявлениям Энджелла, формальное течение функционализма процветало, и часто его называли именно чикагской школой. Это название прочно закрепилось за той психологией, которую исповедовали и преподавали на психологическом факультете Чикагского университета.

Гарвей А. Кэрр (1873-1954)

В университетах штатов Индиана и Колорадо специализацией Гарвея Кэрра была математика, но затем он заинтересовался психологией. В Колорадо не было лаборатории, поэтому Кэрр перевелся в Чикаго, где свой первый курс лекций по экспериментальной психологии читал молодой профессор Энджелл. В свой второй год пребывания в Чикагском университете Кэрр работал ассистентом в лаборатории - под руководством Джона Б. Уотсона, будущего основателя бихевиористского направления в психологии, который и познакомил Кэрра с зоопсихологией.

Получив в 1905 году степень доктора, Кэрр отправился преподавать - сначала в средней школе в Техасе, а затем в педагогическом институте в Минчигане. В 1908 году он вернулся в Чикаго, где сменил на посту Уотсона.

который перешел в университет Джона Хопкинса. Возглавив психологический факультет Чикагского университета, Кэрр стал преемником Энджелла, продолжая развивать его теоретические построения. За время пребывания Кэрра в должности декана (1919-1938) на психологическом факультете докторскую степень получили 150 молодых ученых.

Функционализм: заочно-чительная форма

Деятельность Кэрра относится к тому времени, когда психологии больше не надо было бороться против структурализма: она имела достаточно прочные позиции. Под руководством Кэрра функционализм в Чикаго достиг своего пика в качестве формальной системы. Он придерживался того взгляда, что функционализм был настоящей американской психологией. Другие направления в психологии, получившие развитие в то время: бихевиоризм, гештальт-психология и психоанализ, - Кэрр считал незаслуженно действующими на весьма ограниченной территории. Он полагал, что их влияние незаслуженно преувеличено и эти течения не могут ничего добавить ко всеобъемлющей функциональной психологии.

Поскольку в книге Кэрра «Психология» (Psychology, 1925 г.) изложена окончательная версия функционализма, небезынтересно рассмотреть два поднятых в ней важных вопроса. Во-первых, предметом изучения психологии Кэрр назвал психическую деятельность - такие процессы, как восприятие, память, воображение, мышление, чувство, воля. Во-вторых, он утверждал, что функция психической деятельности заключается в приобретении, фиксировании, сохранении, организации и оценке этих переживаний и использовании их для руководства поведением. Особую форму проявления психической активности Кэрр определил как приспособительное поведение.

В кэрровских идеях функциональной психологии - все тот же акцент на изучении психических процессов, а не элементов или содержимого сознания. Психическую деятельность он описывает как инструмент, который помогает организму приспособиться к окружению. Знаменательно, что к 1925 году эти спорные ранее вопросы были приняты как факт. К тому времени функционализм стал господствующим течением в психологии. «Поскольку большинство психологов так или иначе причисляют себя к функционалистам, принадлежность к этому направлению постепенно начала терять свое значение. Если человек был психологом, то его не спрашивали, какого направления в психологии он придерживался, - его функционалистская позиция просто подразумевалась» (Wagner & Owens, 1992, p. 10).

Кэрр с интересом воспринимал данные как интроспективного, так и экспериментального методов и вслед за Вундтом полагал, что творения культуры, такие как литература и искусство, могут обеспечить материал для

исследования породивших их психических процессов. Хотя функционализм, в отличие от структурализма, не придерживался какой-то одной методологии, на практике предпочтение отдавалось принципу объективности. В большинстве исследований, проводившихся в Чикагском университете, использовались различные от интроспективного метода, а там, где он применялся, дополнялись полными приемами, основанные на объективности. Важно также отметить, что субъектами исследований здесь выступали и люди, и животные.

Чикагская школа функционализма перенесла акцент с изучения исключительно субъективной мысли, или сознания, на исследование объективного, проявляемого внешне поведения. Функционализм способствовал тому, что американская психология медленно, но верно шла к фокусированию своего внимания только на поведении, оставляя в стороне вопросы мышления. Функционалисты перекинули мост от структурализма к следующему революционному движению - бихевиоризму Уотсона.

Первостепенности по истории функционализма: из книги Гарвея А. Кэрра «Психология»

Следующий отрывок представляет собой выдержку из главы 1 книги Кэрра «Психология», опубликованной в 1925 году*. Здесь рассматриваются следующие вопросы:

1. Предмет функциональной психологии (с примерами различных типов адаптивных действий, относящихся к психической деятельности).

2. Психическая природа психической деятельности, и ее иллюстрирующая взаимосвязь между психической активностью и ее физиологической основой.

3. Методы исследования функциональной психологии с указанием на многообразие используемых методов сбора данных.

4. Взаимосвязь между функциональной психологией и другими науками, с упоминанием, что психология обменивается данными исследований с другими научными дисциплинами и использует их для решения прикладных задач.

Предмет психологии. Психология, в первую очередь, изучает психическую деятельность. Это общее понятие для таких процессов, как восприятие, память, воображение, мышление, чувства, воли. Сущность характеристик всех этих процессов едва ли можно выразить одним термином, потому что в разное время разум ведет себя по-разному. Поэтому мы можем сказать, что психическая деятельность представляет собой обнаружение, фиксирование, сохранение, организацию и оценку переживаний, а также их последующее использование для руководства поведением.

Тип поведения, который отражает психическую активность, можно назвать приспособительным поведением... Адаптивный акт - это реакция организма на физическое или социальное окружение, мотивированная соответствующими обстоятельствами. Подобные психические операции могут быть проиллюстрированы примерами из профессиональной подготовки врача. Его мозг занят то добытием знаний из лекций, книг или клинических случаев, то практической работой, а в иные моменты он поглощен тем, что пытается выудить из памяти какую-то важную информацию. Через некоторое время снова преобладает мыслительная активность, и вот уже мозг анализирует, сравнивает, классифицирует и связывает имеющиеся у него данные с другими знаниями по медицине. Наконец, наступает время приспособительного поведения - знания и умения используются для диагностирования, лечения или оперативного вмешательства...

Важность всех этих аспектов психической активности становится очевидной на примере рефлексии. Способность запоминать, важна для всех видов обучения, психического развития и общественного прогресса. Для приобретения навыков необходима практика, во время которой акты адаптации постепенно совершенствуются и упрочиваются. Каждый успешный шаг - следствие ранее предпринятых попыток. Все результаты практических действий запоминаются, и именно они, в накопленном виде, облегчают выполнение последующих попыток. Без запоминания не было бы и памяти. Если бы человек позабыл весь свой предыдущий опыт, он стал бы беспомощным, как ребенок.

Для эффективности использования наш опыт должен быть как следует организован и систематизирован. В обыденной речи мы часто говорим, что душевнобольной человек потерял рассудок. На самом деле разум у таких людей есть. Они по-своему аккумулируют, организуют и оценивают опыт и, отталкиваясь от этого опыта, реагируют на мир. Однако, так как мозг этих людей имеет нарушения, их опыт организуется и оценивается неправильно.

Теоретически, любая группа переживаний может быть организована несколькими способами. Стиль мышления человека и характер его поведения в значительной степени зависят от того, как был организован его прошлый опыт. Определенные типы организации ведут к иррациональным способам мышления и антиобщественным формам поведения. Но опыт должен быть не просто организован, это следует сделать таким образом, чтобы его можно было эффективно - то есть разумно и рационально - использовать в ответ на воздействие окружающей среды.

В человеческом сознании происходит непрерывная оценка разных аспектов пережитого. Разум не только определяет нечто как «хорошее», «плохое» или относится к предмету индифферентно, но он также классифицирует хорошее - взвешивая его относительно ценности. Эту функцию разума иллюстрируют эстетические оценки в области литературы,

* Harvey A. Carr, *psychology* (New York: Longmans, Green, 1925), p. 1 - 14.

музыки и изобразительного искусства. То же и с моральными оценками. Мы квалифицируем социальные действия как правильные или неправильные и формируем понятия о таких добродетелях, как милосердие, целомудрие, честность, рассудительность, аккуратность. Система ценностей человека составляет, наверное, самую важную часть его личности.

Некоторые студенты преувеличивают важность учебы и становятся этими книжными червями и зубрилами. Молодые люди порой придают слишком большое значение финансовой независимости и бросают учебу ради работы. Встречаются люди, которые недооценивают такие вещи, как аккуратность в одежде, грамотная речь, общительность, доброты и многие другие человеческие качества, необходимые для успешного взаимодействия в обществе. Бывает, что люди чересчур серьезно относятся к собственным политическим убеждениям, религии или научным взглядам и переоценивают значимость этих сторон жизни... Разум оценивает пережитое, и поведение человека в большой степени определяется его идеалами и системой ценностей.

Таким образом, весь накопленный человеком опыт организован в сложную индивидуальную систему реагирования на среду, что в немалой степени и определяет характер его последующей деятельности. Реактивная predispositionность человека, - или, иными словами, то, что он делает, что может и чего не может сделать, - зависит от врожденных склонностей, прошлого опыта и его способа организации и оценки. Понятие «личность» обычно используется для того, чтобы охарактеризовать человека с точки зрения его реактивной predispositionности.

Мы также говорим о личности человека, когда имеем в виду все те его существенные черты, которые помогают или мешают ему эффективно взаимодействовать с другими людьми, тогда как понятием «мышление» мы пользуемся тогда, когда хотим описать человека с точки зрения его интеллектуальных способностей...

Итак, психология занимается изучением личности, мышления и «я» человека, но это - абстрактные объекты, которые можно изучать только в их проявлениях - лишь в том, как они выражаются в реакциях человека. Ученый может наблюдать различные конкретные процессы, включенные в акт приспособления, - именно они являются предметом изучения психологии.

Психологическая природа психической деятельности.

Разнообразные мыслительные операции, входящие в приспособительную реакцию, о которых говорилось выше, называются психофизическими процессами. Говоря об их физических характеристиках, мы подразумеваем, что человек имеет о них определенные знания. К примеру, человек не только воспринимает объект и реагирует на него, но, по меньшей мере, он осознает, что может иметь некоторое представление о характере и значении происходящих в его голове процессов. Люди, не привыкшие рассуждать, принимают решения и действуют, не утруждая себя их анализом. Человек же, совершающий некую мыслительную операцию, как бы вступает в

эмпирический контакт с этой операцией. Поэтому мы будем иногда рассматривать эти мыслительные акты как эмпирические процессы.

Эти акты не только переживаются, они являются реакциями физического организма. Это операции, в которых напрямую задействованы такие физические органы, как мышцы и нервы. Участие органов чувств в восприятии и проявлении воли несомненно. Нервная система также связана с любым психическим процессом. Хотя этот факт и не очевиден, все же его истинность вполне доказана.

Для нормальной психической деятельности необходима целостность этих структур. Удаление или поражение какой-либо части мозга обычно ведет к разного рода психическим нарушениям. Все обстоятельства, влияющие на связь этих структур, также воздействуют и на характер психофизических процессов. Мы не станем пытаться объяснить природу психофизических взаимосвязей. Мы просто отмечаем тот факт, что психические акты имеют именно такую природу, и настаиваем, что к их изучению следует подходить только с этих позиций...

Методы. Изучать психические процессы можно различными способами. Их можно наблюдать непосредственно, можно изучать опосредованно - через их результаты и последствия, и, наконец, можно исследовать с точки зрения их отношения к структуре организма.

Психические процессы можно наблюдать с помощью объективных и субъективных методов. К объективному относятся наблюдение мыслительных операций другого человека в том виде, в каком они отражаются в его поведении. Субъективное наблюдение - это постижение собственных психических процессов. Его часто называют интроспекцией, и раньше он рассматривался как единственный метод исследования, отличного от изучения объекта со стороны. На самом деле, эти два способа по сути похожи, и их можно разделять только с точки зрения познаваемого объекта [воспринимаемого или очевидного]. У каждого из способов наблюдения есть свои преимущества и недостатки.

1. Интроспекция обеспечивает достаточно хорошее знание психических процессов. Некоторые психические операции невозможно изучать с помощью объективного наблюдения. Например, по поведению человека мы можем судить о том, чем он занят, но не можем с определенностью сказать, о чем же он думает.

Сам человек не только знает, что в данный момент он занят мыслями, но прекрасно осведомлен и о теме собственных размышлений. Но никакое объективное наблюдение не позволит нам разгадать, обещены ли его мысли в слова или визуальные образы. Самонализ часто раскрывает мотивы и суждения, появившиеся в результате прошлого опыта и имеющие постоянное влияние на любое наше действие. Но, используя единственно объективные методы, нам не удастся что-либо узнать об этих мотивах и сообщениях.

2. Субъективное наблюдение - весьма сложный метод исследования. Многие психические операции представляют собой ряд сложных, молниеносно меняющихся актов, их очень трудно всесторонне проанализировать. Ввиду того, что мозг человека обычно занят решением объективных проблем, многим людям с трудом удается отвлечься от этого, ставшего привычным, способа мышления и попробовать проанализировать собственные мысли.

3. Достоверность субъективного наблюдения не всегда поддается проверке. Возьмем, к примеру, утверждение человека о том, что он мыслит с помощью визуальных образов. Ни проверить, ни опровергнуть его мы практически не в силах, поскольку такой психический процесс - мышление - может наблюдаться только совершающий его человек и никто другой. Точно так же мы не можем полагать, что данное утверждение ложно, так как другие люди заявляют, что они мыслят вербально, - и, действительно, люди могут коренным образом различаться по способу мышления. С другой стороны, любой объективный акт могут наблюдать одновременно несколько человек, чтобы позже сравнить результаты своих наблюдений.

4. Естественно, применение субъективных методов при изучении проблем обучаемости и способностей должно быть ограничено. При изучении психических процессов у животных, детей, примитивных народов и многих случаев умопомешательства психология должна опираться на объективные методы.

5. Для описания и измерения любых объективных проявлений психической деятельности следует использовать специальные методы и инструменты. Записи наблюдений должны анализироваться не спеша. В противном случае мы можем упустить нечто существенное в исследуемых процессах. К примеру, для изучения движения глаза, являющегося частью акта восприятия, используется фотосъемка. Этот метод широко применяется при исследовании актов восприятия, участвующих в процессе чтения и при наблюдении некоторых видов обмана зрения.

Эксперимент - дополнение к методу наблюдения. Экспериментальный метод предполагает, что наблюдение за психическими процессами ведется в строго заданных условиях. Часто эксперимент называют контролируемым наблюдением. Это может быть относительно простой опыт или, наоборот, весьма сложный - в зависимости от установленного уровня регулирования. К простым экспериментам можно отнести запоминание какого-то списка слов с целью исследования этого процесса и выявления факторов, влияющих на способность запоминать предложенный материал при определенных обстоятельствах. Вообще говоря, экспериментом можно назвать совершение любого психического акта с целью его изучения.

Психологический эксперимент не предполагает обязательного использования замесловых методов и технически сложного оборудования. Приборы подбираются в зависимости от поставленной задачи. Они являются

средством контроля за соблюдением условий эксперимента или служат для измерения и записи особенностей экспериментальной ситуации.

Ценность эксперимента определяется, прежде всего, тем фактом, в какой мере в соответствии с заданными условиями проведены необходимые наблюдения. Таким образом, эксперимент - способ обнаружения таких фактов и связей, которые нельзя выявить обычным путем. Кроме того, следует отметить, что результаты любого эксперимента могут быть проверены другими исследователями.

Экспериментальный метод в психологии имеет свои ограничения. Не все аспекты человеческой психики поддаются контролю. Психические реакции человека в значительной степени зависят от его предыдущего опыта. Всеобъемлющий контроль над психическими процессами человека в ходе эксперимента предполагает свободное манипулирование их развитием в продолжение всей жизни - что нежелательно в социальном плане, да и попросту невозможно.

Мышление можно изучать и опосредованно, через произведение разума и рук человеческих - изобретения, литературу, искусство, религиозные верования и традиции, этические системы, политические институты и т. п. Естественно, этот способ исследования не используется в тех случаях, когда изучаются собственно мыслительные операции. Он часто применяется для изучения примитивных народов или цивилизаций прошлого, по сути, этот метод - исторический и антропологический. Очевидно, наше знание человеческого разума будет весьма ограниченным, если нам придется полагаться исключительно на его данные. И все же, они играют существенную роль для понимания аспектов становления разума.

Кроме того, психические процессы можно изучать с точки зрения анатомии и физиологии. Существует тесная связь между строением любого органа и его функциональными возможностями. Невролог стремится постичь механизм нервной системы, пытаясь понять, какова доля его участия в человеческом поведении. Исследование взаимоотношений психических процессов и структуры нервной системы, несомненно, принесет огромную пользу и психологии, и неврологии.

Мы знаем, что на характер психических действий влияют метаболические связи нервной системы. Ее изыскания часто обуславливают нарушения восприятия, памяти и проявления воли. Нашими точными и подробными знаниями о связи психической деятельности с нервными структурами мы в значительной степени обязаны именно физиологическим методам. Опыты показывают, что удаление части нервной ткани у животных ведет к последующему нарушению у них некоторых функций. Множество свойств мышления можно объяснить с точки зрения физиологических особенностей нервной системы. В частности, именно таким образом объясняется способность запоминания, некоторые особенности темперамента и отдельные аспекты процесса забывания.

Таким образом, мы видим, что любой факт, который может быть использован для понимания характера и содержания сознания, есть факт психологический. Тот же факт может представлять значительный интерес для таких наук, как неврология, психология и физиология; подобные факты составляют значительную часть научных данных каждой из этих сфер знания.

В психологии, как и в любой другой науке, используется любой факт, способный оказаться полезным для решения ее задач, - и неважно, кем, как и когда этот факт добыт. Ни один подход в отдельности не дает полного представления о природе психической деятельности. Разные источники дополняют друг друга, а задача психологии - систематизировать и согласовать разнообразные данные, формируя адекватную концепцию того, что относится к процессам психики...

Отношения с другими науками. Психология пользуется данными многих других областей человеческих знаний. Психология ползает любые факты существенными для понимания психики. Естественно, профессиональный психолог имеет дело с весьма ограниченным диапазоном психических явлений и, следовательно, он должен собирать материалы из самых разнообразных источников. Психология пользуется фактами из социологии, педагогики, неврологии, физиологии, биологии, антропологии и со временем, надеясь, сможет воспользоваться данными исследований биохимии. Подавляющая часть фактического материала, связанного с психическими нарушениями, познана врачами и психiatрами. Отдельными знаниями о разуме и личности мы обязаны юриспруденции. Полезную информацию мы черпаем из сферы торговли и промышленности. Короче говоря, для психологических изысканий могут оказывать интересными факты из любой области человеческой деятельности.

В свою очередь психология стремится внести посильный вклад во все родственные ей сферы знания и жизни - философию, социологию, педагогику, медицину, юриспруденцию, коммерцию, промышленность. Не подлежит сомнению, что любые знания о человеческой природе крайне важны во всех областях, так или иначе связанных с мышлением и поведением человека.

Функционализм в Колумбийском университете

Мы отметили, что в функциональной психологии, в отличие от структурной, не было единого исследовательского подхода. И хотя колумбийский функционализм - где он оформился и начал развиваться, - является Чикаго, другая его ветвь формировалась Робертом Вудвортом в Колумбийском университете. Колумбия стала академической базой для исследований и двух других представителей функционального направления: Джеймса МакКина Кеттелла, чьи разработки психологических тестов стали воплощением духа американского функционализма, и Э. J. Торндайка,

исследования поведения животных которого усилили тенденции функционализма к большей объективности.

Роберт Вудвортс (1869-1962)

Формально Роберт Вудвортс не принадлежал к функциональным школам, возглавляемым Энджелом и Керром. Его тяготили те ограничения, которые накладывала на ученых принадлежность к тому или иному течению. И все же, большинство психологических сочинений Вудворта было в духе чикагской школы.

Более семидесяти лет Вудвортс активно занимался психологией как исследователь, как любимый студентами преподаватель, как автор и издатель книг. Получив степень бакалавра в колледже Амхерст в Массачусетсе, он некоторое время преподавал математику в средней школе. В этот период произошли два события, которые, как он говорил сам, перевернули всю его жизнь. Во-первых, он побывал на лекции знаменитого психолога Стэнли Холла и, во-вторых, прочитал «Основы психологии» Вильяма Джемса. Эти события и повлияли на его решение стать психологом. Он поступил в Гарвард, где ему была присвоена степень магистра, а в 1899 году получил докторскую степень в Колумбийском университете, где учился под руководством Кеттелла. Три года Вудвортс изучал физиологию в больницах Нью-Йорка, а затем пробыл год в Англии, где работал с физиологом Чарльзом Скоттом Шеррингтоном. В 1903 году он вернулся в Колумбию и проработал здесь до ухода в отставку в 1945 году. Но лекции его были так популярны, что он продолжил преподавание и окончательно вышел на пенсию только в 1958 году в возрасте 89 лет.

Бывший студент Вудворта Гарднер Мерфи вспоминает его как самого лучшего преподавателя психологии, которого когда-либо знал. Он рассказывает, как Вудвортс «входил в аудиторию в мешковатом старом костюме и армейских ботинках». Он шел к доске и «произносил несколько непоправимых слов о плохой проницательности или человеческих прихотях, а мы записывали их в тетради, чтобы запомнить на всю жизнь» (Murphy, 1963, p. 132).

Свои взгляды на психологию Вудвортс описал в нескольких журнальных статьях и двух книгах - «Динамическая психология» (Dynamics of Psychology, 1918 г.) и «Динамика поведения» (Dynamics of Behavior, 1958 г.).

В 1921 году вышла его работа «Психология» (Psychology), которая к 1947 году была переиздана пять раз и, как говорят, в течение 25 лет продавалась лучше, чем все другие сочинения по психологии. Работа Вудворта «экспериментальная психология» (Experimental Psychology. 1938, 1954 г.) также стала классической. В 1956 году Вудворт первым получил золотую медаль Американского психологического фонда — «за уникальный вклад в становление Судьбы научной психологии» и как «интегратор и организатор психологических знаний».

Динамическая психология

Вудворт утверждал, что его подход не нов и лишь следует «лучшим» психологическим традициям того времени, когда психология еще не была оформлена в отдельную науку. Он говорил, что психологическое знание начинается с исследования характера раздражителя и реакции — то есть, по сути, внешних событий. Но когда психология рассматривает только раздражитель и реакцию, пытаясь таким образом объяснить поведение, из виду упускается, быть может, самый важный его момент. Раздражитель является не единственной причиной конкретной реакции — организм, с его разными уровнями энергии и всем предшествующим и настоящим опытом, также определяет характер реакции.

Организм вносит свои коррективы в реакцию на раздражитель, и психология должна рассматривать его и с этой точки зрения. Таким образом, говорил Вудворт, предметом психологии являются и сознание, и поведение (эту позицию позже восприняли представители гуманистической психологии и теории социального научения). С помощью объективного наблюдения можно изучать воздействие внешнего раздражителя и ответную внешнюю реакцию, но то, что происходит внутри организма, доступно изучению только методом интроспекции. Вудворт полагал, что наряду с наблюдением и экспериментом психология должна пользоваться и интроспективным методом.

Основываясь на учениях Дьюи и Джемса, Вудворт в рамках функционализма разработал динамическую психологию* (слово «динамический» Дьюи использовал в своих работах с 1884 года, а Джемс — с 1908-го). Динамическая психология исследует мотивацию. Сам Вудворт говорил, что его задачей было развитие «мотивологии».

Хотя в позициях Вудворта и чикагской школы функционализма прослеживаются общие черты, Вудворт, в отличие от коллег из Чикаго, подчеркивал значимость физиологических основ поведения. Его динамическая психология концентрировалась на причинно-следственных связях. Он полагал, что цель психологии — определить, почему человек ведет себя так, а не иначе. Таким образом, прежде всего его интересовали движущие силы или мотивы функционирования человеческого организма.

* динамическая психология — психологическая система Вудворта, в которой изучались причины (мотивы) чувства и поведения.

Вудворт не видел необходимости придерживаться какой-то одной системы, но и не собирался создавать собственную школу психологии. В основе его позиции был не протест, но стремление расширить, развить и синтезировать все лучшее, что было во всех современных направлениях психологии.

Критика функционализма

Ожесточенная критика функционального направления со стороны структуралистов не заставила себя ждать. Поначалу — во всяком случае, в Соединенных Штатах — возникновение функционализма разделило психологов на воюющие лагеря. Центрами враждующих группировок стали титчнеровская лаборатория в Корнеллском университете и психологический факультет Чикагского университета. Убежденные в непогрешимости собственной позиции, структуралисты и функционалисты в праведном гнве забрасывали друг друга взаимными упреками и обвинениями.

Прежде всего, критика касалась самого термина функционализм. В 1913 году С. А. Ракник, ученик Титченера, не посчитал за труд проштудировать полтора десятка учебников по общей психологии, чтобы выяснить, как определяют функцию разные авторы. Основными определениями оказались формулировки «вид деятельности или процесс» и «связь с другими процессами или организмом в целом»

Получалось так, что, с одной стороны, функция ничем не отличается от действия: запоминание и понимание — это функции; а с другой — определяет степень полезности действия для человеческого организма: к функциям относятся, например, качество усвоения пищи. Ракник обвинил функционалистов в том, что иногда они использовали термин функция для обозначения действия, а иногда — его полезности.

17 лет это обвинение оставалось без ответа. И только в 1930 году в одной из своих работ Кэрр написал, что разные определения функции не противоречивы, поскольку относятся к одним и тем же процессам. В каждом случае функциональных психологов интересовал не только отдельный вид психической деятельности (первое определение), но и его взаимосвязь с другими видами активности (второе определение). По словам Кэрра, такой подход практикуется и в биологии. Но его слова только подтвердили утверждение, что «функционализм вначале использовал понятие, а определил его уже позднее — характерная для этого направления непоследовательность» (Neisbider. 1933. p. 228).

Критиковалось — особенно Титченером — и то, как функционалисты определяли психологию. Структуралисты утверждали, что функционализм вообще не имеет отношения к психологии, поскольку не придерживается предметов изучения и методологии структурализма! По мнению Титченера, кроме интроспективного анализа психики ни один другой подход не мог

претендовать на звание настоящей психологии. Естественно, в первую очередь вызвало сомнение функционалистское определение психологии.

Написав и критику, которые полагали ошибочным интерес функциональных психологов к практическим или прикладным проблемам, - это было первым проявлением многолетнего противостояния между академической и прикладной наукой. Структуралисты не приветствовали прикладную психологию. А представители функционализма не разделяли убеждения, что психология должна оставаться чистой наукой, и никогда не считали, что интерес к прикладным задачам унижает достоинство науки.

Кэппелл не сомневался, что верность строгим научным процедурам возможна не только в чистой, но и в прикладной психологии, а полноценные научные исследования можно проводить не только в университетской лаборатории, но и в цехах, офисах или школьных классах. Все это относится к методам, а не к самому предмету психологии. Сегодня, когда прикладная психология проникла во многие сферы жизни, противоречие между ней и академической психологией больше не является столь острым. Применение психологии к решению практических задач реальной жизни можно считать основной заслугой функционализма.

Вклад функционализма в развитие психологии

Энергичная оппозиция функциональной психологии по отношению к структурализму сыграла огромную роль в развитии психологии в Соединенных Штатах. Немагловажны и далеко идущие последствия смены акцента с изучения структуры психических элементов на исследование их функций.

Психологию функционалисты определяют широко: сюда входит и изучение психического развития детей всех возрастов и людей с психическими расстройствами. Кроме того, функциональный подход дополняет интроспективный метод новыми способами получения научных данных - такими, как психологические опыты, тесты, опросы, объективное наблюдение за поведением. Все эти методы, отвергнутые структуралистами, стали важными источниками научной информации для функциональной психологии.

Вопросы для обсуждения

1. Расскажите о том, как Спенсер понимал социальный дарвинизм. Как концепция социального дарвинизма повлияла на американскую психологию?
2. В чем отличие взглядов на сознание Джемса и Вундта? Какова, по мнению Джемса, цель сознания? Какие методы он предлагал использовать для изучения сознания?
3. Расскажите о вкладе Титченера и Дьюи в основание функциональной психологии?

4. Каковы, согласно Энжелу, три главных предмета исследований движения функционализма? Какие методы исследования Кэппелл считал пригодными для функциональной психологии?

5. Опишите динамическую психологию Вудворта и его точку зрения на использование метода интроспекции.

6. Сравните тот вклад, который внесли в развитие психологии функционализм и структурализм

Рекомендуемая литература

- Crisman, C. (1942) The psychology of John Dewey. *Psychological Review*, 49, 441-462. Краткий обзор и оценка подхода Дьюи к психологии.
- Donnelly, M.E. (1992) *Reinterpreting the legacy of William James*. Washington, DC: American Psychological Association. Эссе об идеях Джемса, вдохновивших других ученых на исследования в области психологии.
- Lewis, R.W. B. (1991) *The Jameses: A family narrative*. New York: Farrar, Straus and Giroux. Рассказ об известных представителях семьи Джемсов: психологе Вильяме, писателе Генри, политике Элвисе, герое войны Уикли и алкоголике Бобе.
- McKinney, F. (1978) Functionalism at Chicago: Memories of a graduate student, 1929-1931. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 14, 142-148. Описание занятий, студентов, содержание курсовых работ и интеллектуальной атмосферы на факультете психологии Чикагского университета.
- Owens, D.A. & Wagner, M. (Eds.) (1992) *Progress in modern psychology: The legacy of American functionalism*. Westport, Conn. Praeger/Greenwood. Анализируется явление функциональной психологии как самостоятельной научной школы и дается оценка ее влиянию на современную психологию.
- Thore, F.C. (1976) Reflections on the Golden Age of Columbia's psychology. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 12, 159-165. Рассказывается об исследованиях, проводившихся на психологическом факультете Колумбийского университета в период с 1920 по 1940 год.

Наследие функционализма: прикладная психология

Развитие психологии в Соединенных Штатах

К концу XIX столетия эволюционная доктрина и опиравшаяся на нее функциональная психология быстро завоевали прочные позиции в Соединенных Штатах. Американскую психологию вдохновляли скорее идеи Дарвина и Гальтона, чем работа Вундта. Это любопытный, и даже

парадоксальный, исторический феномен. Вундт был учителем первого поколения американских психологов. И все же они переняли немного из его идей. Когда американские ученые Вундта вернулись на родину, они стали развивать психологию, которая уже мало чем напоминала систему их учителя. Новой науке пришлось приспособиться к новым условиям - абсолютистскому духу эволюционной теории.

Психология Вундта и структурализм Титченера в своем первоначальном виде не могли выжить в американской интеллектуальной атмосфере. Поэтому они вынуждены были эволюционировать в функционализм. Эти системы не рассматривали практической стороны работы мышления, не могли применяться к решению повседневных проблем. А американская культура была ориентирована на практику: здесь ценилось то, что дает видимый результат. «Нам нужна практическая психология», - писал пионер американской прикладной психологии Грэнвилл Стэнли Холл. - Вундтовские идеи никогда не привьются на этой почве, потому что они расходятся с американским духом и характером» (Hall, 1912, p. 414).

Вернувшись в США после обучения в Германии молодые психологи в типичной для американцев прямой и агрессивной манере приступили к преобразованию немецкой психологии. Они начали работать не над тем, что представлял собой сознание, а над тем, как оно действует. В то время как некоторые американские психологи - и в первую очередь Джеймс, Энджелл и Кэрр - развивали функциональный подход в академических лабораториях, другие применяли его на практике вне университетов. Смена акцента в сторону практической психологии относится к тому же периоду, когда функционализм оформился в отдельную психологическую школу.

Прикладные психологи привнесли свою науку в реальный мир, в школы, на фабрики, в рекламные агентства, залы суда, клиники для детей с отставанием в развитии, психиатрические больницы, и сделали эту науку функциональной - как в отношении ее предмета, так и практического использования. При этом они изменили характер американской психологии не меньше, чем академические отцы функционализма. Это влияние иллюстрирует специальная литература того времени. К 1900 году 25 процентов всех исследовательских статей публиковались в американских психологических журналах, посвященных проблемам прикладной психологии, и меньше трех процентов - методу интроспекции (O'Donnell, 1985). Подходы Вундта и Титченера, которые сами еще недавно были новым словом в психологии, быстро устарели.

Даже великий структуралист Титченер признавал стремительность изменений, происходивших в американской психологии. Он писал в 1910 году: «Если бы, таким образом, меня попросили в двух словах определить тенденцию, царящую в психологии в последнее десятилетие, ответ был бы таким: психология решительно становится прикладной наукой» (цит. по: Evans, 1992, p. 74).

В Соединенных Штатах психология переживала бурный расцвет. Яркое и динамичное развитие американской психологии в период с 1880 по 1900 год является собой поразительный случай в истории науки. Еще в 1880 году в США не было ни одной психологической лаборатории; а к 1900 году их насчитывалось уже 42, и они были оборудованы куда лучше, чем лаборатории в Германии. В 1880 году в Америке не выходило ни одного специального журнала по психологии; всего пятью годами позже их было три. Если в 1880 году американцы вынуждены были ездить в Германию, чтобы изучать психологию, то к 1900 году они могли получить диплом психолога, не выезжая за границу. В 1903 году число выпускников психологов уступало только числу молодых химиков, зоологов и физиков.

В 1910 году более 50 процентов всех опубликованных в мире статей по психологии были написаны на немецком языке, и только 30 процентов - по-английски. К 1933 году соотношение изменилось: 52 процента изданных статей были на английском языке, а на немецком - всего 14 (Wertheimer & King, 1994). В британском выпуске справочника «Кто есть кто в науке» за 1913 год отмечается, что Соединенные Штаты лидируют по числу всемирно известных психологов, которых здесь насчитывалось 84 - больше, чем в Германии, Англии и Франции вместе взятых (Jorg, 1968).

Прошло чуть более 20 лет с момента основания психологии в Европе, а американские психологи уже захватили бесспорное лидерство в своей области. Джеймс МакКин Кеттел, обращаясь с президентской речью к Американской психологической ассоциации в 1895 году, говорил, что «прост академической психологии в Америке в течение последних пяти лет почти не знает прецедентов... Психология - обязательный предмет в учебных планах всех колледжей... Факультеты психологии университетов успешно конкурируют с другими ведущими науками по привлекательности для студентов и количеству оригинальных научных работ» (Sattell, 1896, p. 154). В 1898 году один из профессоров психологического факультета Гарвардского университета сокрушался, что «у него на курсе «Введение в психологию»... 360 студентов. На что этой стране столько психологов?» (Brown, 1992, p. 65).

<Дебют> психологии перед заждавшейся ее американской публикой состоялся на Всемирной выставке 1893 года, которая проходила в Чикаго, штат Иллинойс. В программе предусматривалась демонстрация антропометрической лаборатории, аналогичной той, что была создана в Англии Френсисом Гальтоном. Психологи выставили для показа исследовательскую аппаратуру, с помощью которой посетители за плату могли измерить свои сенсорные способности. Более обширная демонстрация была проведена в 1904 году на торговой выставке в городе Сент-Луис, Миссури. На этом мероприятии присутствовали многие знаменитости того времени: с лекциями выступили выдающиеся психологи - Э. Б. Титченер, К. Ллойд Морган, Пьер Жане, Г. Стэнли Холл и Джон Б. Уотсон. Такой популистский подход немец Вундт едва ли одобрил бы. Популяризация

психологии отражала именно американский характер, который основательно преобразовал вулгатовскую систему в функциональную психологию и вывел ее из стен экспериментальной лаборатории.

Итак, Америка приняла психологию в свои объятия, и эта наука быстро обосновалась не только в студенческих аудиториях, но и в повседневной жизни людей. Сегодня горизонты психологии намного шире, чем могли подумать - или даже мечтать - ее основатели.

Прикладная психология и экономическая ситуация

Хотя появлению прикладной психологии способствовал американский интеллектуальный дух того времени, на ее развитие повлияли и другие, более практические, контекстные силы. В главе 1 мы говорили о роли экономических факторов в смене акцентов в американской психологии - от чисто исследовательских целей к прикладным. К концу XIX столетия число психологических лабораторий неуклонно росло, а число американских психологов с докторскими степенями в области психологии росло в три раза быстрее. Многие из новоявленных дипломированных психологов, особенно те, кто не имел независимого источника дохода, чтобы выжить, должны были искать применение своим знаниям вне университета.

Психолог Гарри Холлингворт (1880-1956), например, был не в состоянии жить на жалованье 1000 долларов в год, которое получалось преподавателем колледжа Барнада в Нью-Йорке. Он подрабатывал, читая лекции в других университетах, проверял контрольные работы за 50 долларов в час, проводил семинары по психологии для руководителей рекламных агентств - делал все ради основной цели своей жизни - академических исследований. Но вскоре ему пришлось всецело посвятить себя прикладной психологии, потому что только она могла обеспечить ему достойный заработок (Benjamin, Rogers & Rosenbaum, 1991).

Холлингворт был не одинок. И другие первопроходцы прикладной психологии под давлением экономических обстоятельств сменили академические кресла на кабинеты практиков. Это вовсе не означает, что практическая работа их не привлекала. В основном они занимались увлекательными проблемами и вскоре пришли к убеждению, что в реальной обстановке человеческое поведение и психическую жизнь можно изучать не менее эффективно, чем в университетской лаборатории. Кроме того, для некоторых психологов прикладная сфера представляла подлинный и искренний интерес. И все же факт остается фактом: многие из первого поколения прикладных психологов в Соединенных Штатах, чтобы избежать неминуемой нищеты, вынуждены были отказаться от своей мечты об исключительно академических экспериментальных исследованиях.

Еще более удручающим было положение психологов, которые работали на рубеже веков в государственных университетах Запада и Среднего Запада США. В 1910 году здесь преподавала треть всех американских психологов, а поскольку число их росло, то и ситуация

ухудшалась, заставляя их обращаться к практическим вопросам - и, таким образом, доказывать, что методы психологии имеют и экономическую ценность.

В 1912 году психолог К. А. Ракмек проанализировал ситуацию, в которой оказались его коллеги, и пришел к выводу, что в американской образовательной системе психологию недооценивали - несмотря на всю ее популярность у студентов. Финансирование было недостаточным, а надежды на изменения к лучшему - слабыми (Leary, 1987). Возможно, единственный способ увеличивать ассигнования и жалованья преподавателей состоял в том, чтобы продвигать и администрировать учебные заведения и законодателям штатов, что психология может принести огромную пользу в решении социальных проблем.

В одном из писем Г. Стэнли Холла своему коллеге со Среднего Запада говорилось, что влияние психологии должно стать ощутимым, «чтобы ни один безответственный, падкий на сенсации человек или партия не могли бы критиковать ее за пороком университета». Кеттел убеждал коллег «заниматься практическими проблемами и развивать специальность «прикладная психология»» (цит. по: O'Donnell, 1985, p. 215, 221).

Итак, задача была очевидной: доказать ценность психологических знаний, применяя их на практике. Но применять к чему? К счастью, ответ не заставлял себя ждать. С 1870 по 1915 год стремительными темпами - с 7 до 20 миллионов человек - рос прием в государственные бесплатные школы. За этот период затраты на общественное образование выросли в десять раз - с 63 до 605 миллионов долларов (Siegel & White, 1982). Неожиданно образование стало доходным бизнесом, и это привлекло внимание психологов.

В 1894 году Холл заявил, что «единственно главной и непосредственной сферой применения [психологии] является ее применение в педагогике» (цит. по Leary, 1987, p. 323). Даже Вильям Джемс, которого нельзя считать прикладным психологом, написал книгу под названием «Беседы с учителями» - об использовании психологии в школе (James, 1899). К 1910 году более трети всех американских психологов заинтересовались возможностью применения своих знаний к проблемам образования. Из них три четверти уже приступили к работе в этой области. Психология нашла свое место в реальном мире.

В этой главе мы поговорим о жизненном пути и вкладе в науку пяти представителей прикладной психологии, которые привнесли психологию в педагогику, бизнес, психологическое тестирование, систему правосудия и психиатрические клиники. Все эти психологи учились в Лейпциге у Вундта, мечтали об академических изысканиях, но все они далеко отошли от вулгатовского подхода, когда начали работать в американских университетах. Их научная карьера - поразительный пример того, как американская психология вышла из-под влияния Вундта и вдохновилась идеями Дарвина и Гальтона и как подход Вундта был трансформирован на американской почве. Мы также рассмотрим становление трех главных

областей прикладной психологии: психологическое тестирование, индустриальная/организационная психология и клиническая психология.

Гренивилл Стэнли Холл (1844-1924)

Холл собрал все лавры «первопроходца» в американской психологии. Он получил первую американскую докторскую степень по психологии. Он утверждал, что был первым американским студентом первой психологической лаборатории*. Он стоял у истоков первого американского журнала по психологии. Он был первым президентом университета Кларка, первым учредителем и первым президентом Американской психологической ассоциации, и одним из первых прикладных психологов.

Страны жизни

Г. Стэнли Холл родился на одной из ферм штата Массачусетс. С ранних лет он проявил себя целеустремленной личностью. В четырнадцать Холл дал себе обещание «достичь чего-нибудь в жизни» (цит. по: Ross, 1972, p. 12). В семнадцать ему пришлось пережить глубокий стыд, когда в самом начале гражданской войны отец откупил его от службы в армии. Холл говорил, что чувствовал себя виноватым и готов был понести наказание, чтобы искупить эту вину (Vande Kester, 1992).

В 1863 году он поступил в Уильямсский колледж. К последнему курсу Холл стал обладателем множества почетных студенческих наград. Он с энтузиазмом занимался философией, особенно его интересовала эволюционная теория, что во многом повлияло на его карьеру в психологии. По окончании колледжа Холл «все еще не знал, что именно он хотел бы делать в жизни» (цит. по: Viningman, Viningman & Early, 1992, p. 282). Он поступил в Нью-Йоркскую семинарию, хотя и не имел особой тяги к пасторскому поприщу. Но его интерес к эволюции не способствовал тому, чтобы он стал прилежным семинаристом. Рассказывали, что, когда Холл читал свою пробную проповедь перед преподавателями и студентами,

президент семинарии стал на колени и начал молиться за спасение души горе-проповедника.

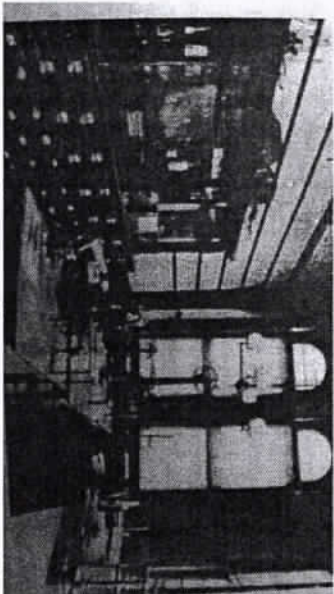
По совету известного священника Генри Ворда Бичера Холл поехал изучать философию и богословие в Германию, в Боннский университет. Кроме того, он слушал лекции по физиологии и физике в Берлине. Бывая там, он совмещал посещение университета с походами в театры и пивные - весьма смелый опыт для молодого человека, получившего религиозное образование. Он писал о своем изумлении, когда однажды в воскресенье увидел за кружкой пива профессора богословия. Холл вспоминал о кратких романтических увлечениях того периода, отметив, что пара из них были очень страстными и пробудили в нем струны, «до тех пор дремавшие, что сделало его жизнь богаче и наполнило ее смыслом» (цит. по: Lewis, 1991, p. 317). Пребывание Холла в Европе стало для него освобождением.

Холл возвратился домой в 1871 году в возрасте 27 лет, так и не получив диплома и весь в долгах. По окончании семинарии (хотя и без посвящения в сан) он проповедовал - правда, всего 10 недель, - в сельской церкви в Каудеспорте, штат Пенсильвания. Больше года он жил частными уроками, а затем получил место преподавателя в колледже Антиох в штате Огайо. Здесь он преподавал английскую литературу, французский и немецкий языки, литературу, философию, выполнял обязанности библиотекаря, вел занятия хора и проповедовал в часоне.

В 1874 году Холл прочитал «Основы физиологической психологии» Вундта, и это событие положило начало его интересу к новой науке и заставило задуматься о правильности избранной карьеры. Он взял отпуск, обосновывая в городе Кембридже, штат Массачусетс, и устроился преподавателем английского языка в Гарвардский университет. Здесь Холл не только вел занятия по английскому языку у второкурсников, но и сам начал учиться в медицинской школе. В 1878 году он представил свою диссертацию о тактильном восприятии пространства и первым в Соединенных Штатах получил докторскую степень в области психологии.

Сразу же по получении докторской степени Холл снова отправился в Европу. Сначала он изучал физиологию в Берлине, а затем стал студентом Вундта в Лейпциге, где жил по соседству с Фехнером. Реальная работа под руководством Вундта не оправдала ожиданий Холла. Он не только приспешно посещал все лекции и безропотно соглашался на роль испытуемого в экспериментах, но и проводил собственные исследования по физиологии. Его последующая карьера ясно показывает, что Вундт, в конечном счете, не оказал на него какого-то особого влияния. По возвращении в Соединенные Штаты в 1880 году у Холла не было никакой перспективы получить работу по специальности, но не прошло и десяти лет, как он стал фигурой национального масштаба.

* Новые факты свидетельствуют о том, что в действительности он был вторым. См. Viningman, Dapkin, Ulk, Vestal & Accord, 1992.

Психологическая лаборатория Холла в университете Джонса Хопкинса, которая считается первой из подобных лабораторий в США.

Вернувшись из Германии, Холл понял, что лучшего случая удовлетворить свое честолюбие, чем применить психологические знания в педагогике, у него не будет. Лейтмотивом его доклада на собрании Национальной педагогической ассоциации (NEA) в 1882 году была идея о необходимости сделать изучение психологии ребенка главным приоритетом в профессии учителя. Эту мысль он повторял при каждой возможности. Ректор Гарвардского университета предложил Холлу подготовить серию лекций по вопросам образования. На эти выступления Холла поступило множество благодарных отзывов, а затем последовало приглашение на неполную ставку преподавателя в университет Джона Хопкинса, где пятью годами ранее была организована первая в США аспирантура.

Лекции Холла имели большой успех, и в 1884 году он стал профессором в университете Хопкинса. В это время он приступил к созданию психологической лаборатории, которая считается первой в Соединенных Штатах (формально открылась в 1883 году) и которую сам Холл назвал своей «лабораторией психофизиологии» (Raily, 1986, p. 30). В свое время там учились многие видные американские психологи, в том числе Джон Дьюи и Джеймс МакКин Кеттел.

В 1887 году Холл основал «Американский журнал психологии» (*American Journal of Psychology*) - первое в США и до сей поры влиятельное специальное психологическое издание. Журнал стал базой теоретических и экспериментальных идей и придавал американской психологии дух единства и независимости. Правда, в порыве энтузиазма Холл напечатал слишком много экземпляров первого выпуска; лишь через пять лет редакции журнала удалось распродать за взятый тогда кредит.

В 1888 году Холл стал первым президентом университета Кларка (г. Вустер, штат Массачусетс). Прежде чем занять этот пост, он предпринял длительное турне за границу, чтобы изучить деятельность европейских высших учебных заведений и пригласить во вверенный ему университет

талантливых преподавателей и исследователей. Эта поездка стала также «оплаченным отпуском за еще не начатую работу... Было множество остановок, никак не оправданных целью путешествия. - например, посещение Российской военной академии, развалин древнегреческого акрополя и стандартный набор из публичных домов, цирков и прочих достопримечательностей» (Roelisch, 1987, p. 21).

Работая в университете Кларка, Холл взял за образец немецкие университеты и университет Джона Хопкинса, причем с упором не на обучение, а на научные исследования. К сожалению, основатель университета Кларка - богатый торговец Джонас Гилман Кларк - не разделял идей Холла и не выделял ему денег столько, сколько тот ожидал получить на нужды аспирантуры. Кларк умер в 1900 году, на свои деньги он завещал основать колледж - идею, против которой выступал Холл, но которую долго лелеял при жизни сам Кларк.

При Холле двери университета Кларка - не в пример большинству учебных заведений США - широко открылись для женщин и представителей этнических меньшинств. Хотя Холл и разделял общепринятую позицию, возмущавшую против совместного обучения лиц обоего пола, он принимал женщин в аспирантуру и на должности младших преподавателей. Он также принимал необычный шаг, когда пригласил поступить в Кларк студентов из Японии, и уж совсем беспрецедентным поступком стал прием в аспирантуру афро-американцев. Первым черным американцем, получившим докторскую степень в области психологии, был ученик Холла Френсис Самнер. Он сделал блестящую карьеру и возглавил отделение психологии Гарвардского университета в Вашингтоне, где «установил твердую программу по преодолению дефицита психологии для черных и черных в психологии» (Dewsbury & Rickett, 1992, p. 137). В то время как в большинстве университетов на преподавательские должности не допускались евреи, Холл отказывался ограничивать их права на работу (Guthrie, 1976; Sokal, 1990).

Холл был не только президентом университета Кларка, но, будучи профессором психологии, преподавал там в аспирантуре. На собственные деньги он начал издавать журнал «Педагогическая школа» (*Pedagogical Seminary*), ныне - «Журнал генетической психологии» (*Journal of Genetic Psychology*), где печатались материалы по педагогике и детской психологии. В 1915 году Холл основал «Журнал прикладной психологии» (*Journal of Applied Psychology*), который стал шестнадцатым по счету психологическим изданием в США.

В 1892 году была основана Американская психологическая ассоциация (APA) - во многом благодаря усилиям Холла. Началось все со встречи десятка психологов в кабинете Холла в его доме, где и был разработан проект новой организации, президентом которой избрали Холла. К 1900 году ассоциация насчитывала 127 членов.

Свой интерес к религии Холл поддерживал основанием Школы религиозной психологии Кларка и «Журнала религиозной психологии» (*Journal of Religious Psychology*, 1904 г.), который просуществовал около десяти лет. В 1917 году вышла книга Холла под названием «Иисус Христос в свете психологии» (*Jesus, the Christ, in the Light of Psychology*). Его видение Иисуса как своего рода «сверхчеловека» не нашло одобрения церкви (Ross, 1972. Р. 418).

В течение тех 36 лет, когда Холл был главой университета Кларка, психология в нем процветала. За это время там защитили диссертации более восьмидесяти молодых ученых-психологов. Его студенты вспоминали долгие, но оживленные семинары, которые Холл проводил у себя дома по вечерам в понедельник. На этих занятиях преподаватели устраивали проверочные испытания для аспирантов. К концу каждой встречи, которые длились порой до четырех часов, прислуга приносила в кабинет гигантскую бадью мороженого.

Комментарии Холла к контрольным работам его студентов зачастую были разгромными. Льюис Терман вспоминал, что «Холл при проверке работ проявлял столько эрудиции и воображения, что нас всегда это поражаало. Его экспромты на полях были неизмеримо глубже самой работы, на которую студент затратил месяцы тяжелого труда». По окончании вечерних занятий, рассказывал Терман, «я всегда шел домой ошеломленный и будто пьяный, принимал горячую ванну, чтобы успокоиться, а после часами лежал с открытыми глазами и мысленно повторял те умные фразы, которые должен был бы сказать, но не сказал в тот вечер» (цит. по: Sokal, 1990. Р. 119). Аспиранты благоволели перед Холлом. Один из них вспоминал:

Холл был человеком мощного телосложения, выше шести футов ростом. Его можно было часто видеть подстригающим траву ручной косилкой для лужаек во дворе своего дома, который стоял на возвышении... Он легко шлепал по верхушкам краю склона, левая рука - в кармане, а правой он ловко управлял косилкой, вернувшись, от одного конца лужайки до другого - добрав сотню футов. Иногда это занятие сопровождалось разговором с каким-нибудь студентом, который сидел рядом на тротуаре. (Avenell, 1990. Р. 125).

Как опытный педагог, который знал, как воспитывать способных молодых ученых, - за что, кстати, они платили ему благодарностью, - Холл мог быть щедрым и благосклонным. Был период, когда большинство американских психологов составляли ученики Холла из Кларка или университета Джона Хопкинса, хотя и не для всех из них он становился главным источником вдохновения. Возможно, о его личном влиянии красноречивее всего говорит тот факт, что треть его аспирантов в конечном счете стали - как и их учитель - руководителями различных колледжей.

Холл был одним из первых американцев, которые заинтересовались психоанализом, и, в значительной степени, именно благодаря ему на это направление сразу же обратили внимание в Соединенных Штатах. В 1909 году он пригласил Зигмунда Фрейда и Карла Кэпнга участвовать в ряде конференций, приуроченных к 20-й годовщине со дня основания университета Кларка, - смелый шаг, учитывая то подозрение, (которым поначалу относились к психоанализу. Холл пригласил и своего бывшего преподавателя, Вильгельма Вундта, но тот вынужден был отказаться от поездки в Америку из-за почтенного возраста и потому, что уже был назначен председателем торжествах по поводу 500-летия его собственного университета.

Холл продолжил писать научные труды и после своей отставки с поста президента университета Кларка в 1920 году. Он умер четырьмя годами позже, через несколько месяцев после того, как был избран на второй срок президентом АПА. После его смерти 99 из 120 членов АПА назвали Холла в числе десяти психологов общепризнанного значения. Многие из них отметили его выдающийся талант педагога, его усилия по развитию психологии, его вызов ортодоксальности. Правда те, кто знал его, критически отзывались о его личных качествах. Его считали трудным в общении, ненадежным, неразборчивым в выборе средств для достижения своих целей, хитрым да к тому же и агрессивно навязчивым. Вильям Джеймс сказал о нем однажды так: «Единственный человек, из всех кого я знал, в ком самым странным образом смешались величие и мелочность» (цит. по: Mues, 1986. Р. 18). Но даже критики Холла соглашались бы со словами из посвященного ему сборника статей АРА: «Он один [Холл] вдохновил на большее число работ и исследований, чем три любые другие крупные фигуры в психологии» (Kocisch, 1987. Р. 52).

Эволюция как основа человеческого развития

Холл имел очень разносторонние научные интересы, но все его интеллектуальные буждения в конце концов сводились к единственной теме: эволюционной теории. Его обращением к множеству разнообразных проблем в психологии двигало убеждение, что нормальное психическое развитие предполагает ряд эволюционных стадий. Используя теорию развития как основу для широких теоретических и прикладных построений, Холл таким образом внес более весомый вклад не в экспериментальную, а в педагогическую психологию. Экспериментальной психологией он увлекался лишь в самом начале своего научного пути. Он признавал важность эксперимента как метода психологии, но был совершенно нетерпим к любого рода ограничениям. Поэтому лабораторная работа в современной психологии оказалась слишком узким полем деятельности для целей и размахов Холла.

Холл глубоко интересовался вопросами развития человека и животных и связанные с ними проблемы приспособляемости, за что его часто называют генетическим психологом. В университете Кларка этот интерес привел его к

изучению детской психологии - теме, которая стала для Холла центральной. Выступая на Всемирной выставке 1893 года в Чикаго, он сказал: «До настоящего времени мы ездил в Европу, чтобы учиться психологии. Давайте же теперь сделаем центром наших интересов психологию ребенка, и тогда в Америке будет собственная психология» (Siegel & White. 1982. Р. 253). Холл намеревался применить психологию к изучению жизни ребенка в реальном мире. Как метко заметил один из его бывших студентов, «его лабораторией стали дети» (Averill. 1990. Р. 127).

При изучении детской психологии Холл широко пользовался методом анкетирования, с которым он познакомился в Германии. К 1915 году Холл и его студенты разработали и успешно использовали для разнообразных исследований 194 опросника (White. 1990). Эта методика получила столь широкое применение, что через некоторое время в Соединенных Штатах она ассоциировалась именно с именем Холла, хотя еще до него была предложена Гальтоном.

С самого начала изучение детской психологии имело громадный общественный резонанс и привело к возникновению движения под условным названием «Изучение развития ребенка». Однако через несколько лет из-за низкого качества проводимых исследований это движение «сошло на нет»: не было исследований, которые можно было взять за образец, опросники были «сырыми», проводившие опросы люди - некавалифицированными. результаты анкетирования анализировались неадекватно. Иными словами, в этой попытке исследования было очень мало от психологии, оно оказалось «нетоным, непослужительным и вводящим в заблуждение» (Thomdike, цит. по: Verinet. 1993. Р. 54). Несмотря на заслуженную критику, это движение показало важность эмпирического изучения детской психологии и концепции психологического развития в целом.

Самая известная книга Холла - внушительное (около полутора тысяч страниц) двухтомное произведение «Инстинкты и чувства в юношеском возрасте» (*Adolescence: Its Psychology, and Its Relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion, and Education*), изданное в 1904 году. В этой энциклопедической работе наиболее полно изложена разработанная Холлом теория реканитуляции* психологического развития. Он полагал, что ребенок в своем индивидуальном развитии повторяет стадии развития психики всего рода человеческого. Книгу несколько раз переиздавали - и даже спустя 20 лет после первой публикации.

* Движение «Изучение развития ребенка» - программа, основой которой были исследования Холла психологического развития детей.

* Теория реканитуляции психологического развития - идея Холла о том, что ребенок в своем индивидуальном развитии кратко повторяет главные этапы истории человечества.

Книга «Инстинкты и чувства в юношеском возрасте» («Юность») стала предметом жарких споров, поскольку в этой книге значительное внимание было уделено вопросам пола. Холла обвиняли в похоти. Психолог Э. Д. Торндайк писал, что в этой книге «действия и чувства, вытекающие из особенностей пола, как нормальные, так и болезненные, обсуждаются так, как никогда ранее в англоязычной литературе». В одном из своих писем Торндайк выразил еще более критически. Он писал, что книга Холла была «нагромождением ошибок, мажорбации и Инисуса. Он - безумец» (цит. по: Ross. 1972. Р. 385). Тем временем в университете Кларка Холл читал курсы лекций по проблемам пола. Это был настоящий скандал, даже при том, что женщинам не позволялось присутствовать на этих лекциях. В конечном счете ему пришлось свернуть курс, потому что «слишком много посторонних приходили в аудиторию и даже подслушивали у двери» (Koelsch. 1970. Р. 119).

Многие психологи не разделяли энтузиазма Холла в отношении изучения вопросов пола. «Что может вытаскивать Холла из этой треклятой сексуальной колее? - писал Энджелл Тиченеру. - Я всерьез полагаю, что уделять так много внимания этой теме душно в моральном плане и просто не умно» (цит. по: Вокс. 1984. Р. 163). Они могли не волноваться: разносторонний и деятельный Холл вскоре обратился к совершенно другой проблематике.

Становясь старше, Холл, естественно, заинтересовался заключительной стадией развития человека. В возрасте 78 лет он опубликовал работу «Старение» (*Senescence*, 1922 г.), которая стала первым обширным обзором психологических проблем людей пожилого возраста. В последние годы жизни Холл написал две автобиографии - «Воспоминания психолога» (*Recollections of a Psychologist*, 1920 г.) и «Исповедь психолога» (*The Life and Confessions of a Psychologist*, 1923 г.).

Комментарии

Однажды Холла представили аудитории как «Дарвина в области психики». Скорее всего, такое сравнение ему понравилось, потому что оно точно выражало его научные устремления. Другой аудитории его рекомендовали как «крупнейшего в мире авторитета в изучении детской психологии», и, по воспоминаниям очевидцев, он скромно согласился с этой характеристикой (Koelsch. 1987. Р. 58). Всею свою жизнь он отличался многогранностью интересов и энергичностью. Его энтузиазм был неподдельным, что, возможно, и позволило ему стать столь влиятельной фигурой в психологии.

В своей второй по счету автобиографии Холл писал: «Вся моя активная сознательная жизнь была чередой причуд и безумных увлечений, некоторые из них были страстными, другие - слабыми; одни держались долго... другие были мимолетны» (Hall. 1923. Р. 367-368). Проницательное наблюдение. В нем было донкихотство, он часто не ладил с коллегами, был агрессивным, но никогда - унылым.

Джеймс Маккин Кеттел (1860-1944)

(справа)

Функционалистский дух американской психологии отразился также в судьбе и деятельности Джеймса Маккина Кеттелла; именно он поставил изучение психических процессов человека на практическую экспериментальную основу. В своих психологических исследованиях Кеттел занимался скорее не содержанием сознания, а способностями человека - потому его с полным правом можно назвать функционалистом.

Страницы жизни

Джеймс Маккин Кеттел родился в городе Истон, штат Пенсильвания. В 1880 году он получил степень бакалавра в коллеже Лафайета, который возглавлял его отец. Следуя существовавшей традиции, Кеттел поехал продолжать свое образование в Европу: сначала в Геттингенский университет, а затем в Лейпциг к Вильгельму Вундту.

В 1882 году, благодаря своим работам по философии, Кеттел получил стипендию и смог заняться исследовательской работой в университете Джона Хопкинса. В то время Кеттел увлекся, в основном, философией и лишь отчасти - психологией. Судя по всему, психология привлекала внимание Кеттелла после проведения им экспериментов с наркотиками. Он испытывал их на себе огромное множество: от кофеина и табака до гашиша, морфина и опиума. Результаты экспериментов вызвали у Кеттелла серьезный, в том числе и профессиональный, интерес. Некоторые наркотики, в особенности гашиш, значительно улучшили самочувствие Кеттелла, учитывая, что в то время он серьезно страдал от депрессии. Употребление наркотиков сказалось и на умственной деятельности ученого.

«Я чувствовал, что совершенно выдающиеся открытия в естественных и гуманитарных науках, - писал он в своем журнале, - единственно, я боялся, что забуду их до утра». Позже он писал: «Чтение меня не привлекает.

Внимание рассеянно. Пишется с трудом. Я в полном замешательстве» (цит. по: Sokal. 1981a. P. 51, 32). К тому времени Кеттел уже мало беспокоило то, что ему не удается определить результативность употребления наркотиков; он все больше изумлялся, наблюдая собственное психическое состояние. «Во мне словно два человека, - писал он, - один из которых наблюдает за другим и даже проводит над ним эксперименты» (цит. по: Sokal. 1987. P. 25).

Кеттел учился в университете Джона Хопкинса на втором семестре, когда Г. Стэнли Холл начал преподавать здесь психологию. Кеттел стал посещать курсы его лабораторных занятий. Он занялся экспериментами по установлению времени реакции - то есть времени, затрачиваемого на мыслительную деятельность. В результате его желание стать психологом еще более усилилось.

В 1883 году Кеттел возвращается в Германию, к Вундту. Приезд Кеттелла, кстати, - один из примеров искажения фактов в истории психологии. Как утверждает Кеттел, появившись в Лейпцигском университете и с порога заявив Вундту: «Господин профессор, вам нужен помощник, и этим помощником буду я» (Cattell. 1928. P. 545). Кеттел сообщил Вундту, что темой его научных исследований, которую он выбрал сам, станет психология индивидуальных различий. Следует учесть, что Вундт относился к этой теме несерьезно. По словам Вундта охарактеризовал Кеттелла и его проект как «ganz Amerikanisch» (типично американский). Это были пророческие слова. Интерес к индивидуальным различиям - естественный результат эволюционной теории - стал с тех пор отличительной чертой американской психологии.

По словам Кеттел подарил Вундту первую в его жизни пишущую машинку, с помощью которой было написано большинство книг Вундта. Коллеги Кеттелла заявили по сему поводу, что этот подарок оказался «медвежьей услугой... Если бы машинки не было, Вундт написал бы вдвое меньше книг» (Cattell. 1928. P. 545).

Внимательное исследование архива писем и журналов Кеттелла указывает на то, что все эти истории вымышленные (см. Sokal. 1981a). Повествования Кеттелла об этих событиях, появившиеся много лет спустя, не подтверждаются его собственными письмами и серий журналов, которые были написаны как раз в то время. Скорее всего, Вундт высоко ценил Кеттелла и поэтому в 1886 году назначил его своим лабораторным помощником. Также нет никаких свидетельств, что Кеттел в то время хотел изучать проблему индивидуальных различий. Кеттел научил Вундта пользоваться пишущей машинкой, но он не дарил ее Вундту.

После того, как в 1886 году Кеттел получил докторскую степень, он возвратился в Соединенные Штаты и стал читать лекции по психологии в коллеже Брин Маур и Пенсильванском университете. Затем он преподавал в Англии, в Кембриджском университете, где и встретил Френсиса Гальтона. У них были общие парные интересы и единые взгляды на индивидуальные различия, и Гальтон, будучи в зените славы, «подарил [Кеттелу] идею -

заняться оценкой психологических различий между людьми» (Sokal. 1987. P. 27). Кеттел восхитился многогранностью деятельности Гальтона, тем, что в основе его исследований лежат исключительно количественные и статистические методики. Кеттел, следуя примеру Гальтона, стал одним из первых американских психологов, которые делали упор на количественные методы и классификацию, - при всем при том, что лично он был «математически неграмотен» (Sokal. 1987. P. 27). Кеттел развивал метод рангов качества (называемый также методом ранжирования), который широко используется в психологии; он стал первым психологом, который начал обучать студентов статистическому анализу результатов эксперимента.

Вундт не одобрял использование статистических методов, это было прямое влияние Гальтона. Но молодая американская психология выбрала подход Гальтона, а не Вундта. Это также объясняет, почему американские психологи сосредоточились не на исследованиях отдельных личностей (подход, которого придерживался Вундт), а на изучении больших групп, при которых возможны статистические оценки.

Кеттел интересовался работой Гальтона по евгенике, он приводил доводы в пользу стерилизации преступников и «недоразвитых» и предлагал поощрять здоровых интеллектуальных людей, если они будут вступать друг с другом в брак. Он предложил своим семерым детям по 1000 долларов каждому, если они найдут себе пару среди сыновей или дочерей преподавателей колледжа (Sokal. 1971).

В 1888 году Кеттел с помощью отца стал профессором психологии Пенсильванского университета. Считая, что только университетская должность сможет обеспечить его сына, Кеттел-старший уговорил ректора школы, своего старого друга, предоставить его сыну должность. Он убеждал сына публиковать больше статей, чтобы тем самым поднять профессиональную репутацию, и даже съездили в Лейпциг, чтобы заполучить личное рекомендательное письмо Вундта. Кеттел-старший прямо заявил ректору, что, поскольку его семья богата, величина жалования значения не имеет, и, в результате, Кеттел был принят на работу с чрезвычайно низким окладом (O'Donnell. 1985). Позднее Кеттел утверждал (возможно, ему это приписывают), что он был первым преподавателем психологии в мире, хотя фактически он состоял на должности преподавателя философии. Он пробыл в Пенсильванском университете только три года. Уйдя оттуда, он возглавлял факультет психологии в Колумбийском университете, где в итоге проработал целых 26 лет.

Из-за неудовлетворенности «Журналом американской психологии» Холла Кеттел вместе с Марком Болдуином в 1894 году начал выпускать «Психологическое обозрение». Кеттел также купил у Александра Грэма еженедельный журнал «Наука», который собирались закрывать из-за отсутствия средств. Пятью годами позже он стал официальным журналом Американской ассоциации развития науки (AAAS). В 1906 году Кеттел

начал издавать ряд справочников, включая «Ученые Америки» и «Лидеры в сфере образования». В 1900 году он купил еженеделник «Популярная наука», который с 1915 года стал называться «Научный еженеделник». В том же 1915 году появился еще один еженеделник под названием «Школа и общество». Сложная организационная и редакторская работа требовали много времени, и неудивительно, что Кеттел стал меньше заниматься психологическими исследованиями.

За время пребывания Кеттел в Колумбийском университете там привносили степень доктора психологии гораздо большему числу ученых, чем в любом другом высшем учебном заведении США. Кеттел подчеркивал важность самостоятельной работы и предоставлял своим студентам относительно свободу в проведении исследований. Он полагал, что преподаватель должен находиться на определенном расстоянии не только от студентов, но и от университета, и поэтому жил в 40 милях от университетского городка. Дома у него была лаборатория и редакторский кабинет, так что он навещался в университет лишь несколько дней в неделю.

Эта отчужденность стала только одной из множества причин, испортивших отношения между Кеттелом и администрацией университета. Кеттел выступал за большую самостоятельность факультета психологии, доказывая, что решения по основным проблемам должны приниматься именно на факультете, а не в администрации университета. В довершение всего он помог основать Американскую ассоциацию университетских преподавателей (AAUP). Считалось, что Кеттел не стремится поддерживать нормальные деловые отношения с администрацией Колумбийского университета, он был охарактеризован как «тяжелый в общении, неблагоприятный, неуступчивый и грубый» (Gribbet. 1972. P. 300).

В период между 1910 и 1917 годами в администрации университета трижды рассматривался вопрос об увольнении Кеттел. Но последнее терпение чиновников от науки иссякло во время первой мировой войны, когда Кеттел написал два письма в Конгресс с протестом против отправки призывников в бой. Ему было хорошо известно, что такие взгляды в военное время не приветствуются, но он остался непреклонным. Кеттел был уволен из Колумбийского университета в 1917 году за неапатриотичность. Он предвзял университету иск за клевету, и хотя дело выиграл и получил 40 тысяч долларов, в должности восстановлен не был. После этого Кеттел почти все время проводил в уединении. Распространение собственноручно написанных сатирических заметок об администрации университета привело к тому, что он приобрел себе множество врагов, да и сам озлобился.

Кеттел больше уже не вернулся в науку. Он посвятил себя издательской деятельности, работе в AAAS и других обществах подобного рода. Благодаря сто незаурядным усилиям психология как наука поднималась еще на одну ступеньку.

В 1921 году Кеттел осуществил свою давнюю мечту: превратить прикладную психологию в вид бизнеса. Он основал психологическую корпорацию, акции которой приобрели члены АРА. Цель корпорации - оказание психологических услуг в промышленной, научной и общественной сферах. Однако предприятие потерпело неудачу: за первые два года прибыль компании составила только 51 доллар. Пока Кеттел оставался президентом, трудно было ожидать перемен. И только после его отставки появилась возможность улучшить ситуацию. В 1969 году уровень продаж психологической корпорации составил уже 5 миллионов долларов. Затем она была продана издателю Харкорту Брайсу Джовановичу, и через десять лет, по официальным сведениям, уровень продаж составил примерно 30 миллионов долларов (Ланду. 1993).

Кеттел активно занимался редакторской деятельностью и участвовал в работе различных психологических обществ вплоть до своей смерти в 1944 году.

Тесты умственных способностей

В одной из статей Кеттел, написанной им в 1890 году, появилось определение **тестов умственных способностей**^{*}. Еще работая в Пен-сильванском университете, он провел серию таких тестов среди своих студентов. <В психологии, - писал Кеттел, - невозможно добиться конкретных и точных результатов, как это делается в естественных науках, если не опираться на эксперименты и измерения. Выход - в тестировании умственных способностей как можно большего числа людей> (Cattell. 1890. P. 373). Именно этим, по его мнению, и следует заниматься. Кеттел продолжал собирать данные, проводя тестирование абитуриентов Колумбийского университета из разных слоев общества.

С помощью различных тестов Кеттел пытался измерить диапазон и многообразие человеческих способностей. Эти тесты в значительной степени отличались от появившихся позднее тестов на интеллект, в которых используются более сложные способы проверки умственных способностей. Тесты Кеттел, подобно Гальтоновским, относились прежде всего к элементарным сенсомоторным измерениям: работе с динамометром: определению скорости движения конечностей; использованию метода двухточечного порога для определения чувствительности кожи; измерению величин давления на лобную часть головы до момента появления болезненных ощущений; определению наименьшего ощутимого веса, выделение времени реакции на звук и времени, необходимого для определения различных цветов, разделению надвое линии длиной 50 сантиметров; фиксированию промежутка времени продолжительностью 10 секунд и количества букв, запоминаемых после одного показа.

* Тесты умственных способностей - тесты моторных и сенсорных способностей; в тестах на интеллект используются более сложные способы проверки умственных способностей.

Из материалов Архива

Инструмент
для измерения
объема легких, т. е.
максимального
воздуха после
совершения
глубокого вдоха.
Считалось, что
объем легких имеет
какое-то отношение
к уровню
интеллекта.

В 1901 году Кеттел собрал достаточно информации, чтобы установить связь между результатами тестов и данными об академической успеваемости студентов. Результаты оказались неутешительными. Сопоставляя их с антропометрическими, полученными в лаборатории Титченера, Кеттел пришел к выводу, что подобные тесты не могут служить показателем успеваемости в колледже - а следовательно, и умственных способностей студентов.

Комментарии

Научная и практическая деятельность Кеттелла, его организаторские и исполнительские способности оказали существенное влияние не только на американскую психологию, но и на установление прочных связей между этой новой наукой и остальным научным миром. Читая лекции, выпуская журналы и развивая прикладную психологию, Кеттел стал в своем роде «послом психологии».

Опираясь на работы Гальтона, Кеттел с помощью разработанного им метода ранжирования исследовал природу и источники умственных способностей. Этот метод был применен при оценке заслуг выдающихся американских ученых различных областей наук. На основе этих исследований появился справочник «Ученые Америки» (American Men of Science). Вопреки названию* в справочнике упоминались и американки. В издании 1910 года упоминалось о 19 ученых-женщинах, что составляло 10 процентов всех американских психологов (O'Donnell. 1985).

Еще одна заслуга Кеттелла состояла в том, что за время его работы Колумбийский университет подготовил замечательных специалистов по психологии числом большим, чем где-либо еще в США. Среди них известные психологи Роберт Вудворт и Э. Л. Торндайк. Благодаря таким разработкам Кеттелла, как тесты умственных способностей, измерение

* Дословный перевод названия журнала: «Ученые мужи Америки». - Прим. перев

индивидуальных различий, а также его усилиям по развитию прикладной психологии, функционализм в американской психологии обрел второе дыхание. После смерти Кеттла историк Э. Г. Боринг написал его детям: «На мой взгляд, ваш отец сделал для американской психологии даже больше, чем Вильям Джемс. Именно благодаря ему психология в США окончательно отделилась от своей прародительницы - немецкой психологии и стала истинно американской» (цит. по: Bjork. 1983. P. 105).

Методы тестирования

Альфред Бине (1857-1911)

Хотя понятие «тест умственных способностей» ввел Кеттел, тестовый метод получил распространение благодаря работам Альфреда Бине, независимого психолога-самоучки. Бине использовал более сложные критерии оценки умственного развития, чем те, что разработал Кеттел. Его метод обеспечил возможность эффективно измерять умственные способности человека; он знаменовал собой начало современной тестологии.

Альфред Бине
(на фотографии он
вместе с дочерью)
разработал первый
психологический тест
умственных
способностей,
который позже стал
основой известной
школы Стенфорд-
Бине.

Бине не согласился с подходом Гальтона и Кеттла, которые для измерения интеллекта применяли тесты сенсорных функций. Бине полагал, что наилучшим критерием умственного развития может служить оценка таких познавательных функций, как память, внимание, воображение, сообразительность. В 1904 году ему представилась возможность на практике доказать свою правоту. По инициативе Министерства народного образования Франции была создана комиссия по изучению умственных способностей детей, которые испытывали трудности со школьным обучением. Бине и психиатр Теодор Симон участвовали в работе комиссии и вместе разработали ряд интеллектуальных задач для детей различных возрастных групп.

На основе этих задач и был составлен первый тест на интеллект. Первоначально он состоял из тридцати вербальных, перцептивных и манипулятивных задач, которые располагались по возрастанию трудности.

В последующие годы тест неоднократно пересматривался и модифицировался. Бине и Симон предложили понятие умственного возраста, который определялся по уровню тех интеллектуальных задач, которые способен решать ребенок. К примеру, если ребенок, чей хронологический возраст равен четырем годам, решает все задачи для пятилетнего, то **умственный возраст*** этого четырехлетнего ребенка приравнивался к пяти.

После смерти Бине в 1911 году развитие тестологии переместилось в Соединенные Штаты. Там работы Бине получили даже большее признание, чем во Франции. На родине Бине программы по тестированию интеллекта приобрели популярность только спустя 35 лет после его кончины (Schneider. 1992).

Тест Бине-Симона перевел на английский язык и представил в Соединенных Штатах Генри Годдард, студент Холла, который работал в частной школе для умственно отсталых детей в Вайнленде, Нью-Джерси. Годдард ввел в английский научный язык термин «тотоп», что в переводе с греческого означает «замедленный». Его вариант перевода теста Бине-Симона был назван шкалой измерения интеллекта.

В 1916 году Льюис М. Терман, также бывший ученик Холла, модифицировал тест Бине-Симона, который с тех пор стал стандартным. Он назвал его шкалой Стэнфорд-Бине по названию Стэнфордского университета, где тест был впервые представлен, и ввел в широкое обращение понятие **коэффициента умственного развития** ((IQ)). (Коэффициент интеллекта (IQ) , определяемый как процентное отношение

* Умственный возраст - возраст, который определяется по уровню тех интеллектуальных задач, которые способен решать ребенок.

* Коэффициент интеллекта (IQ) - отношение умственного возраста индивида к хронологическому, выраженное в процентах.

умственного возраста к хронологическому, был разработан немецким психологом В. Штерном.) Шкала Стэнфорд-Бине претерпела несколько редакций и широко используется до сего времени.

Влияние первой мировой войны

Заседание Титченеровского общества экспериментальной психологии в Гарвардском университете состоялось в день вступления Соединенных Штатов в первую мировую войну в 1917 году. Среди присутствующих был президент АРА Роберт Йеркс, который обратился к коллегам с предложением подумать, чем психология может быть полезна стране в военное время. Титченер отторгнулся от этого призыва, объясняя свою позицию тем, что является британским подданным. Вероятно, Титченер не пожелал работать на армию, поскольку в принципе не одобрял идеи применения психологии к практическим проблемам, опасаясь, что психология станет торговать «наукой ради технологии» (O'Donnell. 1979. P. 289).

Перед армией стояла задача - распределить огромное число новобранцев по родам войск и поручить им соответствующие задачи, для чего требовалась оценка их интеллекта. Для того, чтобы проводить тестирование по сложной шкале Стэнфорд-Бине, требовались специально обученные люди. Этот ориентированный на индивидуальность тест не подходил для крупномасштабной программы тестирования, когда за короткое время надо было оценить способности множества людей. Армия нуждалась в тесте, предназначенном для групп, - по возможности, простом в применении.

Йеркс, назначенный главой специальной комиссии, собрал 40 психологов для разработки группового теста интеллекта. Они проанализировали множество существовавших на тот период тестов, ни один из которых не имел широкого применения, и взяли за образец тест Арура С. Отиса, ученика Термана. Отису принадлежат идеи многовариантного тестирования. Группа Йеркса подготовила «армейский альфа-тест» и «армейский бета-тест», в основу которых были положены разработки Отиса. («Бета» - это версия «альфа» для неанглоязычных и нетрадиционных людей. Указания при проведении «бета-теста» даются не устно или письменно, а с помощью демонстрации или пантомимы.)

Работа комиссии шла медленно, и фактически к тестированию новобранцев приступили за три месяца до окончания войны. Было предусмотрено более миллиона человек, но к тому времени армия больше не нуждалась в этих данных. И хотя программа почти не имела прямого влияния на военные успехи, она оказалась очень важной для развития самой психологии. Программа обрела широкую известность в обществе, что придало больше веса и психологии, а армейские тестирования стали прообразом многих последующих разработок в тестологии.

При проведении групповых тестов в военных целях поощрялось также определение личных характеристик. До той поры предпринимались лишь

робкие попытки оценить личные качества человека. В самом конце XIX века немецкий психиатр Эмиль Крепелин (1856-1926) использовал методику, которую он назвал свободными ассоциациями, - тест, в котором пациент отвечал на некое слово-стимул словом, которое первым приходило на ум. Идея этого метода принадлежит Гальтону. В 1910 году Карл Юнг разработал аналогичный метод исследования для установления скрытых влечений и «аффективных комплексов» испытуемого. Оба метода были тестами, оценивающими индивидуальные качества личности. Когда армии понадобились тесты для отсева новобранцев с неврозами, Роберт Вудворт разработал Бланк личностных данных - опросник, где обследуемые отмечают те признаки невротических состояний, которые, по их мнению, у них имеются. Подобно «армейскому альфа-тесту» и «армейскому бета-тесту», Бланк личностных данных послужил моделью для дальнейшего развития групповых тестов.

Психологическое тестирование одержало в войне собственную победу - этот метод исследования получил общественное признание. В скором времени миллионы служащих, школьников и абитуриентов колледжей стояли перед необходимостью тестирования, от результатов которого могла зависеть вся их дальнейшая жизнь. В начале 20-х годов ежегодно продавалось 4 миллиона тестов на интеллект - главным образом для использования их в государственных школах. В 1923 году было продано более пятисот тысяч экземпляров шкалы Стэнфорд-Бине. Система государственного образования Соединенных Штатов была реформирована, в основе преобразований лежала концепция коэффициента умственного развития. Показатель IQ стал самым важным критерием при приеме студентов в высшие учебные заведения (Вотуп. 1992).

Соединенные Штаты охватили эпидемия тестирования. В ответ на огромный спрос со стороны коммерческих и образовательных организаций неизбежно появились наспех разработанные тесты, что порой приводило к неутешительным результатам. Наиболее печально известный случай - тест, предложенный в 1921 году изобретателем Томасом Эдисоном. Это был практически случайный набор вопросов, которые Эдисон считал чрезвычайно простыми. Например, среди них были такие: «Какой телескоп является самым большим в мире?», «Каков вес воздуха в комнате объемом 20x30x10 футов?», «Какой город в Соединенных Штатах лидирует в производстве стиральных машин?»

Вопросы этого теста, возможно, не представляли труда для гениального Эдисона, чего не скажешь о 36 выпускниках колледжа, которым предстояло его пройти. Они смогли дать всего несколько правильных ответов, на что Эдисон заметил: «Для людей, закончивших колледж, они удивительно невежественны. По-моему, они вообще ничего не знают» (Депиз. 1984. P. 25). Так называемый тест Эдисона получил невиданную прессу - только «Нью-Йорк Таймс» посвятила ему 23 статьи в течение одного месяца. Все это способствовало тому, что было подорвано доверие к

самому методу тестирования, снижались его научный авторитет. Неудачный опыт Элисона и некоторых других разработчиков в середине 20-х годов заставил многие организации отказаться от использования психологических тестов.

Метафоры из области медицины и техники

Пытаясь придать молодому направлению науки - тестологии - авторитет и научный вес, разработчики тестов интеллекта перенесли медицинскую и техническую терминологию. Их цель состояла в том, чтобы убедить общественность, что психология имеет такое же законное право на существование, как и другие науки (Reiger. 1993).

Психологи называли людей, проходивших тесты, не субъектами, а пациентами. Тесты сравнивали с термометрами, которые в то время были доступны только врачам: без надлежащей подготовки никому не разрешалось пользоваться термометрами - так же, как специалист не мог проводить психологические испытания. Тесты называли <психологическими рентгеновскими аппаратами>, которые позволяли заглянуть внутрь психики, разума, препарировать психические механизмы пациентов. «Чем больше [психологов] входило в образ докторов, тем больше было желающих предоставить им этот статус» (Keiger. 1993. Р. 49).

Использовались также и технические метафоры. Школы называли образовательными фабриками, а тестирование было призвано оценить «продукцию» этих фабрик - то есть уровень умственного развития учащихся. Общество сравнивали с мостом, для сохранения которого - с помощью тестирования интеллекта в качестве рабочего инструмента - надо было обнаружить наиболее слабые элементы его конструкции, то есть слабых людей, которых затем следовало изолировать от общества и поместить в специальные учреждения.

Голлард писал, что тесты умственного развития «дают нам важнейшие знания человеческого материала, умственной силы человека. Инженер не смог бы построить мост или здание, если бы ничего не знал о сопротивлении используемых материалов - то есть сколько груза они способны выдерживать. Так вот, намного важнее знать прочность тех материалов, из которых строится наша социальная структура» (цит. по: Brown. 1992. Р. 116-117).

Заместив эти метафоры, то есть аналогии с другими науками, психологи надеялись повысить доверие к методам психологического тестирования и распространить их применение в различных областях жизни общества.

Расовые проблемы

Развитие тестологии стало причиной жаркой социальной полемики, не утихающей и поныне. В 1912 году Голлард, который перевел на английский язык тест Вине и ввел в обращение термин *тотот*, посетил Эллис Айленд в Нью-Йорке - место, где впервые ступали на американскую землю сотни тысяч иммигрантов из Европы. Он полагал, что тест Вине будет полезен для

выявления людей с психическими нарушениями, прибывающими в Соединенные Штаты из других стран (Could. 1981).

В свой первый визит в Эллис Айленд Голлард заметил молодого человека, которого он посчитал психически отсталым. Проведенный через переводчика тест подтвердил диагноз. Переводчик возразил, что слабый результат тестирования можно объяснить волнением от прибытия в Америку, и кроме того, данному тесту неправомерно доверять людям, не знакомым с американской культурой. Но Голлард с ним не согласился.

Последующие тестирования больших групп иммигрантов показали, что большинство из них - примерно 87 процентов русских, 85 процентов евреев, 80 процентов венгров и 79 процентов итальянцев - слабыми, их умственный возраст ниже 12 лет (Could. 1981). Эти так называемые свидетельства тестирования интеллекта позже использовались в поддержку федерального закона об ограничении на иммиграцию для тех расовых и этнических групп, которым приписывали «низкий уровень умственного развития».

Идея расовых различий в уровне интеллекта получила дополнительную поддержку в 1921 году, когда были обнародованы результаты тестов новобранцев, проводившихся во время мировой войны. Данные показали, что умственный возраст призывников и, как следствие, белого населения в целом, составлял только 13 лет. Согласно этим данным черные американцы, как, впрочем, и иммигранты из стран Средиземноморья и Латинской Америки, имели более низкий показатель IQ, чем белые. По IQ с белыми американцами смогли сравниться только иммигранты из стран Северной Европы.

Эти результаты подлили бурю возмущения среди ученых, политических деятелей и журналистов. На чем же держится американская система, если народные массы настолько глупы? Следует ли разрешать голосовать группам с низкими показателями IQ? Следует ли правительству отказывать во въезде иммигрантам из стран с низким IQ? А как быть с тем постулатом, что все люди созданы равными?

Концепция расовых интеллектуальных различий была выдвинута в Соединенных Штатах еще в 80-е годы прошлого столетия, когда раздавались многочисленные призывы ограничить приток иммигрантов из Средиземноморья и латиноамериканских стран. Мнение о якобы низком уровне интеллекта чернокожих американцев широко бытовало еще до появления первых интеллектуальных тестов.

Одним из наиболее резких критиков подобных взглядов был Горас Мэнн Бонд (1904-1972), афро-американец, ученый, президент университета Линкольна из штата Пенсильвания. Бонд, получивший докторскую степень по педагогике в Чикагском университете, опубликовал множество книг и статей, где утверждал, что любые различия в показателе IQ между чернокожими и белыми обусловлены средой, а не наследственностью. Его исследования показали, что результаты тестирования чернокожих из

северных штатов выше результатов белых из южных штатов - вывод, который всерьез поколебал мнение о том, что по своему уровню умственного развития чернокожие стоят на ступеньку ниже белых (Urbau, 1989).

В ответ на заявления о расовых интеллектуальных различиях многие психологи предположили, что соответствующие тесты были составлены предвзято. Со временем дебаты утихли, но не так давно этот вопрос вновь подняли авторы книги <График Белла> (The Bell Curve) (Herrstein & Murray, 1994), которые, полагаясь на результаты тестирования интеллекта, утверждают, что уровень умственного развития чернокожих ниже уровня развития белых.

Психологи работают над разработкой тестов, свободных от предубеждений, имеющих отношение к культуре и образованию, тестов, более точно оценивающих весь диапазон способностей человека.

Лайтнер Уитмер (1867-1956)

В то время как Холл стремился к перевороту в американской психологии с помощью ее применения в детской психологии и в педагогике, а Кеттел использовал психологические методы для оценки умственных способностей, один из студентов Кеттелла и Вундта использовал психологию для установления диагноза и лечения аномального поведения. Всего через 17 лет после основания Вундтом современной психологии его бывший ученик нашел еще одно практическое применение психологии, что явно противоречило позиции учителя.

В 1896 году Лайтнер Уитмер, сменивший на посту университета Пенсильвании Кеттелла, - тот самый Уитмер, который требовал, чтобы на его лекциях в аудитории всегда поддерживалась постоянная температура 68 градусов по Фаренгейту, - открыл первую в мире клинику психологии.

Уитмер - по отзывам, «безнадежно сварливый и скрытный», «тщеславный карлик» - начал развивать направление, которое он назвал клинической психологией (Landy, 1992, p. 793-794).

То, что Уитмер практиковал в своей клинике, не было клинической психологией в том смысле, какое сегодня вкладывается в это понятие. Его деятельность была посвящена диагностике и лечению отклонений в умственном развитии школьников - он работал на поприще школьной психологии. Современная же клиническая психология занимается более широким диапазоном психологических нарушений - от легких отклонений до тяжелых форм - людей всех возрастов. Хотя Уитмер способствовал развитию клинической психологии и вполне обоснованно пользовался этим термином, на самом деле это направление намного шире того, с чем он имел дело.

Уитмер читал в колледже первый курс по клинической психологии и начал издавать первый журнал «Психологическая клиника» (Psychological Clinic), редактором которого был в течение 29 лет. Он являлся одним из тех представителей функционализма, которые полагали, что современная наука

должна помогать людям решать их проблемы, а не изучать содержимое их умов.

Страницы жизни

Лайтнер Уитмер родился в 1867 году в Филадельфии, штат Пенсильвания, в семье зажиточного аптекаря, который верил в силу образования. Уитмер закончил Пенсильванский университет в 1888 году, затем некоторое время преподавал историю и английский язык в частной школе в Филадельфии, после чего вернулся в университет, поступив на курс юриспруденции.

Очевидно, что Уитмер не думал о карьере психолога, но по причинам, которые остаются неизвестными, он изучал экспериментальную психологию у Кеттелла и получил место ассистента на психологическом факультете. Уитмер начал исследовать индивидуальные различия во времени реакции; его надежды были связаны с получением докторской степени в университете Пенсильвании.

Но Кеттел имел иные планы. Он был очень высокого мнения об Уитмере: именно его он выбрал своим преемником, когда перешел на работу в Колумбийский университет. Для молодого ученого это был прекрасный шанс, но Кеттел поставил ему одно условие: Уитмер должен заработать свою докторскую степень в Лейпциге у Вундта. Престиж немецкого образования был очень высок, и Уитмер согласился.

В Германии он учился у Вундта и Кюльпе, одним из его однокурсников был Э. Б. Титчнер. Уитмера не вдохновлял подход Вундта, и позже он говорил, что кроме степени ничего в Лейпциге не получил. Вундт не позволил Уитмеру продолжать работу по изучению времени ответной реакции, которую тот начал с Кеттелом, принуждая его заниматься интроспективными исследованиями элементов сознания.

Уитмер критиковал метод исследования Вундта, называя его «сомнительным». Он описывал, как Вундт заставлял Титчнера повторять наблюдения, «потому что результаты, полученные Титчнером, были не теми, что ожидал Вундт» (O'Donnell, 1985, p. 35). Но Уитмер все же получил свою докторскую степень, вернулся домой и летом 1892 года занял новый пост в университете штата Пенсильвания. В тот же год и Титчнер получили степень и поехали в Корнеллский университет, а Хьюго Мюнстербергер, также студент Вундта, приехал работать в Гарвард по приглашению Вильяма Джемса. В том же году Холл организовал Американскую психологическую ассоциацию, одним из членов которой стал Уитмер. Американскую психологию начал охватывать функциональный, прикладной дух.

В течение двух лет Уитмер занимался экспериментальной психологией, проводя исследования и публикуя статьи по проблемам индивидуальных различий и психологии боли. Но он все время искал возможности применить психологию к диагностике отклонений в поведении. Случай представился в марте 1896 года: он был связан с теми

экономическими обстоятельствами, о которых мы упоминали ранее, - в стране все больше денег выделялось на общедоступное государственное образование.

Во многих управленческих просвещения штатов были учреждены отделы педагогики (для разработки принципов и методов обучения), и психологам предлагали прочесть специальные курсы чиновникам из этих отделов и приставам государственных школ, работающим по углубленным программам. Кроме того, психологам пришлось пересмотреть программы своих лабораторных исследований, для того чтобы подготовить как можно больше квалифицированных школьных психологов. Психологические факультеты существенно выросли от этого внезапного притока студентов, потому что тогда - как, впрочем, и теперь - бюджет факультета во многом зависел от количества обучающихся на нем студентов.

В 1894 году Пенсильванский университет организовал курсы для учителей государственных школ, и Уитмер читал там лекции. Однажды, после двух лет существования курсов, к Уитмеру подошла одна из слушательниц, Маргарет Мэтьюс с целью проконсультироваться по поводу своего 14-летнего ученика, у которого были проблемы с чистописанием, хотя по другим предметам он успевал. Могли бы психологи помочь решить эту проблему? «Мне думается, - писал позже Уитмер, - что если психология чего-нибудь да стоит, она должна оказаться способной помогать именно в таких случаях отставания в развитии» (цит. по: McKeon, 1987, p. 853). Вскоре Уитмер организовал при университете клинику, которая задумывалась как временная, но в итоге стала делом всей его жизни.

За несколько месяцев Уитмер подготовил курс по методам лечения умственно отсталых, слепых и душевнобольных детей и опубликовал в журнале «Педиатрия» статью, озаглавленную «Практическая работа в психологии» (Practical Work in Psychology). На ежегодной конференции APA Уитмер читал доклад на ту же тему, в нем он впервые использовал термин клиническая психология.

В 1907 году Уитмер основал журнал «Психологическая клиника» (Psychological Clinic), который долгие годы был единственным изданием, посвященным этой проблематике. В первом выпуске Уитмер предложил новое поле деятельности для психологии - фактически, новую специализацию - клиническую психологию. В следующем году он организовал школу-интернат для отсталых и душевнобольных детей, а в 1909 году его клиника отделилась от университета и стала самостоятельным административным учреждением.

Уитмер всю жизнь проработал в университете Пенсильвании, преподавая, развивая и воплощая свою систему клинической психологии. Он ушел на пенсию в 1937 году, а умер в 1956 году в возрасте 89 лет. Уитмер был последним из той дюжины психологов, которые в 1892 году, работая под руководством Г. Стэнли Холла, задумали создать Американскую психологическую ассоциацию.

Психологическая клиника

Будучи первым в мире клиническим психологом, Уитмер не имел никаких примеров или прецедентов, на которые он мог бы ориентироваться в своей деятельности, и, поскольку он работал один, то развивал собственные методы диагностики и лечения. Занимаясь первым случаем в своей практике, мальчиком, у которого были трудности с письмом, Уитмер исследовал уровень интеллекта ребенка, его способности к рассуждениям и чтению, и заключил, что именно чтение представляло для ребенка наибольшую сложность. Проведя всесторонние исследования, Уитмер выявил у мальчика так называемую визуально-вербальную амнезию. Хотя ребенок мог запоминать геометрические фигуры, он не мог запоминать слова. Уитмер разработал интенсивную корректирующую программу, которая принесла некоторые плоды, но все равно мальчик так и не смог научиться быстро читать и писать.

Учителя из разных школ посылали в новую клинику Уитмера непрерывный поток детей с широким диапазоном нарушений развития и проблем с обучением, включая гиперактивность, нарушения речи и моторики. Накопив определенный опыт в этой области, Уитмер разработал стандартные программы диагностики и лечения; в штат клиники он принимал не только врачей, но и социальных работников и психологов. Уитмер понимал, что психологическому функционированию могли препятствовать и физические проблемы, поэтому врачи клиники всесторонне обследовали детей, определяя, не связаны ли возникшие у ребенка трудности с плохим питанием или дефектами зрения и слуха. Психологи, в свою очередь, тестировали пациентов, а социальные работники готовили истории болезни и собирали сведения о семьях.

Начиная работать с детьми, Уитмер понимал, что многие отклонения в поведении и трудности с обучением обусловлены генетическими факторами, но позже, с ростом клинического опыта, он понял, что огромную роль здесь играет влияние окружающей среды. Предвосхитив современные программы духовного обогащения, Уитмер подчеркивал, что с самых первых дней жизни ребенка его необходимо обеспечивать разнообразным сенсорным опытом. Он также верил в прямую зависимость поведения ребенка от его взаимоотношений с окружающими, утверждая, что если обстановка дома и в школе изменится к лучшему, то улучшится и поведение ребенка.

Комментарии

Примеру Уитмера последовали многие психологи. В 1914 году в Соединенных Штатах действовали почти два десятка психологических клиник, большинство из которых были организованы по образцу и подобию уитмеровской клиники. Подход Уитмера пропагандировали и его бывшие студенты, обучая следующее поколение психологов принципам клинической работы. Уитмер был влиятельной фигурой также и в сфере специального образования, он подготовил длинный ряд специалистов данного профиля. Одни из его студентов, Моррис Вителес, расширил рамки сделанного

Уитмером, создав клинику, где детей не только лечили, но и обучали профессиональным навыкам. Это было первым в США учреждением подобного рода. Последователи Уитмера применили его клинический подход к диагностике и лечению нарушений у взрослых.

Движение клинической психологии

В дополнение к той работе, которую Уитмер вел по применению психологии к диагностике и лечению ненормального поведения, популярности этой проблематики способствовали две очень любопытные, на наш взгляд, книги. Одна из них, ставшая бестселлером, книга под названием «Обретший себя разум» (*A Mind That Found Itself*, 1908 г.) была написана бывшим пациентом клиники для душевнобольных Клиффордом Бирсом. В ней поднимается вопрос о необходимости гуманного отношения к людям с психическими расстройствами. В работе Хьюго Мюнстерберга «Психотерапия» (*Psychotherapy*, 1909 г.), также получившей широкую известность, рассматриваются методы лечения различных психических нарушений. Появление этой книги ознаменовало шаг вперед в клинической психологии, поскольку в ней были предложены конкретные пути помощи душевнобольным людям.

Первая детская клиника по профилактике заболеваний была организована в 1909 году Уильямом Хилл, психиатром из Чикаго. Вскоре такие клиники появились во многих городах США. Их цель состояла в максимально ранней диагностике и лечении нарушений психики у детей - так, чтобы эти проблемы не развились с возрастом в более серьезные расстройства. В этих лечебницах использовался предложенный Уитмером бригадный метод работы, при котором психологами, психiatрами и социальными работниками оценивались, а затем корректировались по возможности все аспекты проблем пациента.

Решающее влияние на развитие клинической психологии оказали идеи Зигмунда Фрейда, благодаря которым она вышла далеко за рамки первых клиник. Хотя работа Фрейда в области психоанализа изумила - и возмущила - «истеблишмент» психологии и американскую публику, его идеи дали клиническим психологам первые приемы психоаналитической терапии.

Несмотря на все эти события, клиническая психология развивалась очень медленно и к 1940 году представляла собой все еще неизвестную отрасль психологии. Так как существовало не так много способов лечения людей с нарушениями психики, следовательно, не было и перспектив для работы клинических психологов. Специалистов по клинической психологии не готовили по отдельным программам, и их деятельность, по сути, сводилась к проведению всевозможных тестов.

Ситуация изменилась в 1941 году, когда Соединенные Штаты вступили во вторую мировую войну. Это событие в большей мере, чем любое другое, дало толчок превращению клинической психологии в крупную и динамически развивающуюся прикладную область, какой она

стала. Армия заказала клиническим психологам сотни программ, требующихся для лечения эмоциональных расстройств среди военных.

После войны потребность в клинических психологах даже возросла. Управление по делам ветеранов (*Veterans Administration*, VA) несло ответственность более чем за 40 тысяч ветеранов войны, страдающих различными психологическими расстройствами. Еще более трех миллионов людей нуждались в профессиональной переподготовке и индивидуальных консультациях для возвращения к нормальной гражданской жизни. Психологическая помощь требовалась приблизительно 315 тысячам ветеранов, оказавшимся вследствие полученных на войне травм физически нетрудоспособными. Рос спрос на профессиональных консультантов по проблемам психического здоровья; он существенно превосходил предложения.

Чтобы помочь удовлетворить эту потребность, VA финансировало программы повышения квалификации для дипломированных психологов в университетах и оплачивало обучение аспирантов, которые изъявляли желание работать в госпиталях и клиниках для ветеранов. Клиническим психологам пришлось иметь дело с новым типом пациентов. Если до войны они в основном занимались проблемными детьми, у которых были трудности в обучении и общении, то в послевоенные годы столкнулись с диагностикой и лечением серьезных эмоциональных проблем у взрослых. VA (ныне - Министерство по делам ветеранов, *Department of Veterans Affairs*) до сей поры остается самым крупным в Соединенных Штатах работодателем для психологов, его влияние на развитие клинической психологии поистине огромно (Moore, 1992; VandenBos, Cummings & DeLeon, 1992).

Клинические психологи работают также в центрах психического здоровья, школах, коммерческих организациях, занимаются частной практикой. Сегодня клиническая психология - самая популярная из прикладных направлений, более трети всех аспирантов-психологов специализируются именно на клинической психологии. Семь из восьми подразделений APA занимаются теоретическими и прикладными проблемами психического здоровья. Почти 70 процентов членов APA работают в области здравоохранения (Sharf & Wiggins, 1994). В 1995 году журнал «Денгли» (Money) назвал психологию четвертой в списке пятидесяти самых перспективных профессий XXI века (Wiggins, 1994).

Уолтер Дилл Скотт (1869-1955)

Еще один ученик Вундта, оставив чисто интроспективную психологию, которую он изучал в Лейпциге, применил современные психологические методы в бизнесе и рекламе. Значительную часть своей жизни Уолтер Дилл Скотт посвящал проблемам эффективности рынка и мотивации в сфере производства, торговли и потребления.

В деятельности Скотта отражен интерес функциональной психологии к решению практических проблем. <В начале века, сразу по возвращении в Чикаго из Лейпцига, где он учился у Вундта, Скотт опубликовал работы, в которых делался упор не на германское теоретизирование, а на близкую американцам полезность. Скотт не описывал мотивацию и импелсусы как отвлеченные понятия, а говорил о том, как влиять на людей, имея в виду их потребительские устремления> (Von Mauphauser. 1989. P. 61).

Во многом Скотт был первооткрывателем. Он был первым, кто применил психологию к сфере рекламы, подбора персонала и управления; первым, кто получил звание профессора прикладной психологии; он основал первую психологическую консалтинговую компанию и первым среди психологов был награжден медалью «За отличную службу в армии США».

Страницы жизни

Уолтер Дилл Скотт родился на ферме неподалеку от города Нор-мэ, штат Иллинойс. С 12 лет - с того момента, как начал помогать родителям в поле, - он был увлечен идеей повышения эффективности работы. Отец его часто болел, поэтому мальчику приходилось, по сути, самому управлять фермой. Однажды, вспахивая землю, он остановился в конце борозды, чтобы дать передохнуть лошадям. Вдалеке виднелся университетский городок. Скотт внезапно понял, что если он соберется чего-нибудь достичь в жизни, то не должен тратить время впустую. А здесь он каждый час терял 10 минут, давая отдых лошадям! За целый день из этих минут набегало полтора часа, которые можно было посвятить учебе. С того дня, отправившись в поле, Скотт всегда брал с собой книгу и читал, когда представлялся удобный момент.

Чтобы заработать денег на оплату обучения в колледже, Скотт продавал консервированную ежевику собственного приготовления, собирав металлом, брался за разовую работу. Часть денег он откладывал, остальное тратил на книги. В 19 лет он покинул ферму и поступил в Нормальский университет штата Иллинойс. Двумя годами позже он, участвуя в конкурсе, выиграл стипендию на обучение в Северо-западном университете города Эванстона (штат Иллинойс). Учась там, он подрабатывал частными уроками и играл в университетской футбольной команде. В Эванстоне он встретил свою будущую жену Анну Марси Миллер.

В это время Скотт уже избрал себе карьеру: он решил стать миссионером в Китае. Для этого надо было учиться еще три года, но к тому времени, когда Скотт закончил Чикагскую теологическую семинарию и был готов отбыть в далекие края, оказалось, что вакансий нет. Китай был переполнен миссионерами. Тогда-то он и подумал о карьере в психологии. Начав изучать психологию, он полюбил эту науку. Однажды ему на глаза попала статья о лейпцигской лаборатории Вундта. Благодаря стипендии, дополнившейся работой и скромным потребностям. Скотт сумел сэкономить несколько тысяч долларов, достаточных не только для того, чтобы поехать в Германию, но и жениться.

21 июля 1898 года Скотт и его невеста отправились в Германию. Он учился у Вундта в Лейпциге, а Анна жила в двадцати милях оттуда - в городе Галле, где работала в университете над своей диссертацией по литературе. Те два года, что они провели в Германии, молодые люди виделись только по выходным дням. Получив свои докторские степени, они возвратились домой, где Скотт начал преподавать в Северо-западном университете психологию и педагогику, - уже в этом проявилась его склонность к прикладной психологии в целом и интерес к проблемам образования в частности.

В 1902 году к Скотту - по рекомендации одного из его бывших преподавателей - обратились некий владелец рекламного бюро с просьбой помочь применить психологические методы, чтобы сделать рекламу более эффективной. Скотт был заинтригован идеей. Следуя духу американского функционализма, в своем стремлении с помощью психологии решать самые разнообразные проблемы реальной жизни он далеко ушел от вундтовской психологии.

Скотт написал «Теорию и практику рекламы» (The Theory and Practice of Advertising, 1903 г.), первую книгу по этой тематике. Вслед за ней появились и другие статьи и книги Скотта, росли его знания и опыт в этой области, а также репутация и контакты в деловом мире. Он обратился к проблемам подбора персонала и управления. В 1905 году он стал профессором Северо-западного университета, а в 1909-м - профессором рекламы в коммерческой школе при университете. С 1916 года Скотт занимает должность профессора прикладной психологии и директора бюро торговых исследований в Техническом университете Карнеги в Питтсбурге.

Во время первой мировой войны Скотт предложил военным использовать его знания в подборе персонала для армии. Его предложение оценили не сразу, поскольку в обществе еще не было единодушного убеждения в том, что психология может приносить и практическую пользу. Генерал, с которым Скотту пришлось иметь дело, не скрывал своего недоверия к профессорам. «Он сказал, что обязан следить за тем, чтобы профессор не путался под ногами, что мы находимся в состоянии войны с Германией, и что у него нет времени на какие-то дурацкие эксперименты» (цит. по: Von Mauphauser. 1989. P. 65). Скотт попытался успокоить рассерженного вою, пригласил вместе позавтракать и убедил его в ценности своих психологических методов отбора. К концу войны правота Скотта была доказана на практике, он был удостоен медали «За отличную службу» - самой высокой военной награды США, которую может получить гражданское лицо.

В 1919 году Скотт основал собственную компанию («корпориальным» названием «Компания Скотта»), которая оказывала консалтинговые услуги по работе с персоналом и повышению эффективности более чем сорока крупнейшим корпорациям страны. Годом позже он стал президентом Северо-западного университета и пробыл на этом посту почти двадцать лет.

(Скотт-Холл в Северо-западном университете назван так в честь Уолтера Дрилла Скотта и Анны Миллер Скотт.)

Реклама

В работах Скотта по вопросам рекламы чувствуется влияние вундтовской экспериментальной психологии, которую Скотт изучал в Германии, его попытки привнести ее в область практического. К примеру, он пишет, что органы чувств - это:

...оно души. Чем больше ощущений мы получаем от объекта, тем лучше мы его узнаем. Функция нервной системы - обеспечить нам знание о том, как выглядят, звучат, каковы на ощупь, на вкус, и запаха окружающие нас объекты. Нервная система, которая не реагирует на звуки или любые другие ощущения качества, неполноценна.

Рекламные объявления иногда называют нервной системой мира коммерции. Реклама музыкальных инструментов, которая не пробуждает никаких представлений о звуках, - это плохая реклама... Подобно тому, как наша нервная система предназначена дать нам всевозможные ощущения от каждого объекта, так и реклама, которая сравнима с нервной системой, должна вызывать в читателе столько различных образов, сколько их может вызвать сам рекламируемый предмет. (Лит. по: Jacobson, 1951. P. 75.)

Скотт утверждал, что потребители - существа не рациональные и легко поддаются влиянию. Особое внимание он уделял эмоциям и сочувствию как важным факторам, усиливающим внушаемость. Он полагал также - и этот взгляд был широко распространен в то время - что рекламные объявления сильнее действуют на женщин, а не на мужчин, так как последние более эмоциональны и сентиментальны. Применяя к рекламе принцип, который Скотт назвал законом внушаемости, он советовал рекламодателям для успешной продажи товаров использовать в обращениях к потребителям прямые команды - к примеру, <Пользуйтесь грушевым мылом!> Ему же принадлежат идея использования возвратных купонов: в этом случае от потребителя требуется произвести возвратный купон: в этом случае от журнала или газеты, заполнить его и отправить по почте, чтобы получить бесплатный образец товара. Эти методы - прямые команды и возвратные купоны - использовали многие рекламодатели, и уже к 1910 году они получили широкое распространение в США (Кипа, 1976).

Подбор персонала

Для отбора лучших работников - особенно продавцов, руководителей и служащих для военных организаций - Скотт изобрел специальные шкалы и групповые тесты, с помощью которых оценивались качества людей, уже зарекомендовавших себя в данной области (см. табл. 8.1). Как и у Уитмера в клинической психологии, у Скотта не было предшествующих, взяв работу которых за образец, можно было развивать собственный подход. Он просил армейских чиновников и руководителей коммерческих фирм оценить внешность, манеры, искренность, производительность, характер и

жизненные ценности их подчиненных. Затем оценивалось, в какой мере претенденты на вакансию обладают качествами, которые, по мнению руководителей, были необходимы для успешного выполнения будущей работы, - процедура, во многом схожая с той, что используется в наши дни.

Скотт разработал психологические тесты для оценки интеллектуальных и прочих способностей, его тесты годились для проверки не только каждого кандидата в отдельности, но и целых групп претендентов. Это было особенно важно для кадровых служб крупных предприятий и в армии, где требовалось быстро и адекватно оценить способности большого количества людей.

Тесты Скотта отличались от аналогичных разработок Кеттсера и других психологов. Цель Скотта состояла не в том, чтобы установить уровень интеллекта вообще, а в том, чтобы определить, как человек использует свой интеллект. Другими словами, он хотел понять, как интеллект функционирует в повседневной жизни. Он рассматривал интеллект не с точки зрения конкретных познавательных способностей, а с практических позиций, оценивая, например, быстроту, скрупулезность и правильность выполнения порученных заданий - качества, необходимые хорошему исполнителю. Его интересовала оценка, полученная в ходе тестирования претендентом, в сравнении с оценкой уже зарекомендовавших себя служащих, а не выявление с помощью теста основных характеристик умственных способностей испытуемого.

Таблица 8.1.

1. ФИЗИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА	
Телосложение, осанка, голос, аккуратность, энергичность, выносливость	
15	Высшая [оценка]
12	Высокая
9	Средняя
6	Низкая
3	Очень низкая

11. ИНТЕЛЛЕКТ	
Скрупулезность, обучаемость; способность на лету схватывать мысли начальника, отдавать четкие и разумные распоряжения, быстро оценивать ситуацию, принимать разумные решения в кризисной ситуации	
15	Высшая [оценка]
12	Высокая
9	Средняя
6	Низкая
3	Очень низкая

III. ЛИДЕРСТВО	
	Высшая [оценка]

Инициативность, авторитет, уверенность в себе, решительность, такт, способность вдохновлять людей и командовать ими

15	Высокая
12	Средняя
9	Низкая
6	Очень низкая

IV. ЛИЧНЫЕ КАЧЕСТВА	
Трудолюбие, надежность, преданность, готовность нести ответственность за свои действия; отсутствие тщеславия и эгоизма, готовность и способность сотрудничать.	15
	12
	9
	6
	3

V. КАЧЕСТВА, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ДАННОЙ РАБОТЫ	
Профессиональные знания, навыки и опыт; административные способности; способность быть наставником; способность добиваться результатов	15
	12
	9
	6
	3

Шкала, разработанная Скоттом для оценки качества молодых офицеров. Оценочный лист качества своих подчиненных старший офицер вписывает имя каждого испытуемого в строку с соответствующей оценкой.

Комментарии

Скотт, как и Уитмер, не занял видного места в истории психологии. Тому есть несколько причин. Подобно многим прикладным психологам, Скотт не сформулировал собственной теории, не основал школы психологии, не имел преданных последователей из числа студентов. Он довольно мало занимался академическими исследованиями, публиковался изредка - хотя и в уважаемых специальных журналах. Его работа для частных корпораций и армии носила строго практический характер и была призвана решать конкретные проблемы и удовлетворять конкретные потребности. Многие психологи из академических кругов, в особенности те,

кто занимал видное положение в крупных университетах и известных лабораториях, не верили в ценность работы прикладных психологов, полагая, что она не вносит легиту в развитие фундаментальной психологии.

Скотт и другие прикладные психологи оспаривали это мнение. Они не усматривали никакого противоречия между практическим применением и прогрессом науки. Они полагали, что «эмпирическое продвижение психологии в основном зависит от результатов вне академического опыта» (Von Maurhauset. 1989. P. 63). Прикладные психологи утверждали, что внимание публики к практической психологии есть свидетельство ее ценности, которое, в свою очередь, способствует и большему приращению фундаментальных психологических исследований. Таким образом, первые прикладные психологи, которые стремились сделать психологию полезной, были выразителями функционального духа американской психологии.

Развитие индустриальной организационной психологии

Влияние мировых войн

Индустриальная/организационная психология (или психология труда) обязана своим развитием и ростом популярностью первой мировой войне. Мы говорили о том, что Скотт добровольно вызвался помочь Армии Соединенных Штатов и предложил специальные оценочные шкалы для отбора армейских офицеров (основанные на его же разработках по оценке профессиональных качеств работников коммерческих предприятий). К концу войны он оценил квалификацию трех миллионов солдат; его работа стала еще одним получившим широкую известность примером практической ценности психологии. После войны услуги индустриальных психологов были нарастают: торговцы, промышленники, правительственные организации - все хотели усовершенствовать свою систему подбора персонала и внедрить принципы психологического тестирования при найме на работу.

Мы уже упоминали о том, что во время второй мировой войны многие психологи были непосредственно задействованы в деятельности армии. Как и в годы первой мировой, они главным образом занимались тестированием, отбором и распределением призывников, и надо отметить, что к началу 40-х годов тестология достигла значительных успехов. Управление сложными видами военной техники - такими, как высокоскоростные самолеты - требовало соответствующих способностей и навыков. Для отбора людей, легко обучаемых и обладавших другими необходимыми качествами, психологи разрабатывали новые, более совершенные тесты и методики подготовки кадров.

В ответ на требование военного времени в рамках индустриальной психологии возникли направления, получившие названия инженерной, или технической, психологии, психологии управления и эргономики. Работа со специалистами в области систем вооружения, инженерные психологи внесли

значительный вклад в изучение предела человеческих возможностей. В свою очередь, эти знания были использованы при создании технического оборудования, оптимально учитывающего способности человека-оператора. Сегодня инженеры психологи работают не только в отрасли военных технологий, но и в сфере потребительской промышленности - их разработки помогают в создании клавиатур для компьютеров, офисной мебели, бытовой техники, приборных досок в автомобилях и т. п.

Исследования в Хоторне и организационные факторы

В 20-х годах основное внимание индустриальной психологии было сосредоточено на процедурах профотбора - такого подбора кандидатов на работу, при котором человек оказывается «на своем месте». Одно из известнейших исследований в этой области был проведено в 1927 году на базе принадлежащего Западной электрической компании завода в г. Хоторн, штат Иллинойс (Roethlisberger & Dickson, 1939). Эти изыскания вышли далеко за рамки подбора и распределения персонала и затронули сложные проблемы человеческих взаимоотношений, мотивации и сознательности служащих.

Исследование начиналось как простой анализ воздействия условий труда - например, освещения и температуры в помещениях - на его результаты. Выводы удивили не только руководителей завода, но и самих психологов: оказалось, что для работников социальные и психологические условия труда значат намного больше, чем физические показатели среды.

Исследователям пришлось заняться изучением таких факторов, как стили руководства, неформальные группы, взаимоотношения между служащими и менеджерами, и многих других, способных оказать влияние на мотивацию, производительность и удовлетворение от работы.

С начала 50-х годов в деловом мире начинают признавать влияние мотивации, стили руководства и других психологических факторов на качество выполнения работы. Эти аспекты рабочей среды, а также социально-психологический климат в целом в значительной степени воздействуют на эффективность труда. Современные психологи тщательно изучают различные типы организаций, принятые в них стили общения, существующие внутри них формальные и неформальные социальные структуры. Признание особой важности организационных факторов вошло в переименование Отделения индустриальной психологии APA в Общество индустриальной и организационной психологии.

Индустриальная/организационная (И/О) психология продолжает стремительно развиваться. Стоит отметить, что в И/О психологии с самого начала был открыт доступ женщинам. Первой, кто защитил диссертацию в этой области, была Лилиан Мур Гилбрет (Lillian M. Gilbreth, 1915), которая, в сотрудничестве с мужем, для повышения эффективности труда предложила проанализировать, насколько целесообразны перемещения и телодвижения работников. Из всех женщин, имеющих докторскую степень по психологии, большинство занимается именно проблемами психологии

труда, чем эта отрасль может по праву гордиться (Коррес, Landy, & Perkins, 1993).

В 20-30-е годы на заводе в г. Хоторн (Иллинойс), принадлежащем Западной электрической компании, проводились исследования в такой сложной области, как человеческие взаимоотношения, стили руководства, мотивация служащих, трудовая сознательность.

Из архива Западной электрической компании.

Хьюго Монстерберг (1863-1916)

Хьюго Монстерберг

Хьюго Монстерберг, типичный профессор-немец, какое-то время занимал уникальное место в американской психологии и был широко известен публике. Его перу принадлежат сотни статей, опубликованных в популярных журналах, и почти две дюжины книг. Он был частым гостем Белого Дома в Вашингтоне во времена президентства Теодора Рузвельта и Уильяма Говарда Тафта. Получить его консультацию стремились многие представители деловой и правительственной элиты США, знакомством с ним гордились кайзер Германии Вильгельм, сталинский матнат Эндрю Карнеги, философ Бертран Расселл, звезды кино и интеллигулы.

Некоторое время Монстерберг был почетным профессором Гарвардского университета, избирался председателем Американской психологической ассоциации и Американской философской ассоциации. Он был основателем прикладной психологии в Соединенных Штатах и Европе. А кроме того, он был одним из тех двух единственных психологов, которые обвинялись в шпионаже (Spillman & Spillman, 1993).

Монстерберг — «плодовитый пропагандист прикладной психологии» (O'Donnell, 1985, p. 225), работавший во многих областях. Его биограф пишет, что Монстерберг был преуспевающим публицистом, «надежным необходимым нхом на сенсации. [Его] жизнь - это неустанная работа по

самоусовершенствованию, развитию своей науки и возвышению своей [немецкой] родины» (Hale. 1980. P. 3).

К концу жизни Мюнстерберг стал объектом презрения и насмешек, героем газетных карикатур и помехой для университета, которому отдал много лет. Он умер в 1916 году, и для человека, которого называли гигантом американской психологии, над его могилкой было сказано совсем немного хвалебных слов.

Страницы жизни

В 1882 году, в возрасте 19 лет, Мюнстерберг уехал из родного Дантига в Лейпциг, где собирался изучать медицину. Но, побывав на нескольких лекциях Вильгельма Вундта, он изменил свои планы на будущее.

Современная психология привлекла его открывающимися перспективами, которых не дали бы медицинские исследования и практика. В 1885 году Мюнстерберг защитил диссертацию под руководством Вундта, а двумя годами позже ему присвоили степень доктора медицины в Гейдельбергском университете, что дало ему дополнительные преимущества для будущих академических исследований. Мюнстерберг начал преподавать во Фрейбурге, но поскольку администрация местного университета не могла выделить средства на создание лаборатории, он оборудовал лабораторию на собственные деньги у себя дома.

Мюнстерберг опубликовал несколько статей по результатам своих психофизических экспериментов, которые Вундт подверг критике, поскольку эти исследования касались познавательной стороны сознания, а не его структуры. Однако у Мюнстерберга появились последователи, и вскоре в его лабораторию стали съезжаться студенты со всей Европы. Все складывалось замечательно: прекрасное начало карьеры в одном из крупнейших университетов Германии и репутация уважаемого ученого.

В 1892 году Вильям Джемс сделал Мюнстербергу заманчивое предложение, пригласив его занять высокооплачиваемый пост директора психологической лаборатории Гарвардского университета. Чтобы завлечь немецкого коллегу в Гарвард, Джемс пригласил к откровенной беседе, написав ему, что лабораторией лучше всего в Соединенных Штатах университет должен руководить непременно гений. Мюнстерберг предпочел бы остаться в Германии, но честолюбие заставило его принять предложение Джемса.

Переезд из Германии в Соединенные Штаты - и переход от чисто экспериментальной психологии к прикладной - дался Мюнстербергу нелегко. Сначала он не одобрил распространение прикладной психологии и ругал университетских чиновников, оплачивающих труд ученых так низко, что им приходилось переключаться на практические вопросы. Он критиковал американских психологов, которые на потребу публике писали популяризные книги, за плату читали лекции коммерсантам и предлагали свои услуги в качестве экспертов. Вскоре, однако, Мюнстерберг и сам с успехом все это практиковал.

Прожив в Соединенных Штатах десять лет и, возможно, осознав, что в Германии подходящую должность ему н.с. найти, Мюнстерберг написал свою первую книгу на английском, которая получила название «Американский характер» (American Traits, 1902 г.) - психологический, социальный и культурный анализ американского общества. Мюнстерберг, плодовитый и одаренный писатель, надиктовал своему секретарю книгу в 400 страниц менее чем за месяц. Джемс как-то заметил, что мог Мюнстерберга, наверное, никогда не устает.

Восторженные отклики на книгу побудили Мюнстерберга писать «на публику», и вскоре в популярных журналах его статей стало появляться больше, чем в научных. Обратившись к злободневным проблемам, он приостановил свою работу по изучению содержания сознания. В его статьях можно было прочитать об отдельных судебных делах, о современном уголовном законодательстве, рекламе потребительских товаров, советах специалиста, а также о психическом здоровье и психотерапии, об образовании, проблемах бизнеса и даже о психологии кинематографа. Мюнстерберг не забыл и о современных средствах массовой информации: подготовив соответствующие темы по вопросам обучения и бизнеса, он сделал фильм о тестах на интеллект, который впоследствии часто демонстрировался в кинотеатрах.

Мюнстерберга нельзя было назвать пугливым человеком. Во время нашумевшего судебного процесса он провел приблизительно 100 тестов на интеллект с профессиональным убийцей, обвиненным в убийстве 18 человек, который в свою очередь обвинил одного профсоюзного лидера в том, что тот заказывал эти убийства. На основании результатов теста - еще до решения суда присяжных - Мюнстерберг объявил, что обвинение убийцей профсоюзного лидера истинно. Когда суд оправдал профсоюзного лидера, это решение подорвало доверие к Мюнстербергу; в одной газете он даже был назван «профессором Монстрворком» - то есть тем, чьи деяния внушают ужас.

В 1908 году Мюнстерберг активно участвовал в дискуссиях по поводу введения запрета на продажу алкогольных напитков. Он выступил против сухого закона, обосновывая свою позицию с точки зрения психолога и доказывая, что умеренная торговля алкогольными напитками даже полезна. Немецкие пивовары, работающие в США, включая Адольфуса Буша и Густава Пабста, были в восторге от того, что их поддерживал сам Мюнстерберг, и внесли крупную денежную сумму для поддержки усилий Мюнстерберга по улучшению образа Германии в Соединенных Штатах.

К несчастью, Буш выделил Мюнстербергу 50 тысяч долларов для основания Германского музея буквально через несколько недель после того, как Мюнстерберг опубликовал статью с критикой сухого закона. В атмосфере шпиономании того времени это стечение обстоятельств привлекло внимание средств массовой информации.

Нельзя также не сказать пару слов о взглядах Минстерберга на роль женщины в общественной жизни. Хотя он и оказал поддержку некоторым женщинам-ученым в Гарварде, включая Мэри Уитон Кал-кинс, все же он считал, что научная работа предвещает женщинам слишком высокие требования. По его мнению, место женщины - дома, ее не следует готовить для карьеры. Женщины не должны преподавать в общественных школах, поскольку они не способны соперничать в этом деле с мужчинами и не могут служить авторитетом для мальчиков. Он был против того, чтобы женщины участвовали в суде присяжных из-за их неспособности принимать рациональные решения. В газетах всего мира по этому поводу появились статьи с заголовками на всю полосу.

Президенту Гарвардского университета и большинству коллег Минстерберга была не по душе вся эта шумиха вокруг него, его заинтересованность практическим применением психологии они также не приветствовали. Напряженные отношения достигли предела, когда в годы первой мировой войны Минстерберг во всеулышное зашишил свою немецкую родину. Война вспыхнула в Европе в 1914 году, и хотя вплоть до 1917 года Соединенные Штаты не вступали в конфликт, в американском обществе господствовали антинемецкие настроения. Германия была агрессором в войне, которая уже унесла миллионы жизней, и Минстерберг, открыто защищая Германию, занимал позицию, более чем непопулярную.

Газеты сообщали, что Минстерберг, так и не принявший гражданства Соединенных Штатов, в действительности был секретным агентом, шпионом и высокопоставленным немецким офицером. Бостонские газеты призывали к увольнению его из Гарварда. Его соседи подозревали, что голуби, которых его дочь кормила на заднем дворе, использовались для переправки сообщений другим шпионам. Один из бывших питомцев Гарварда послал университету 10 миллионов долларов, если Минстерберга уволит.

Минстерберг получал письма с угрозами смерти, коллеги оскорбительно высказывались в его адрес. Остракизм и ядовитые нападки в конечном счете сломали его дух. Холодным ветреным днем 16 декабря 1916 года в газетах появились предположения о мирных переговорах в Европе. «К весне установится мир», - сказал Минстерберг жене (Ministerberg, 1922, p. 302). Он отправился на утреннюю лекцию пешком, через глубокие сугробы. Добравшись до университета, он почувствовал себя очень уставшим. Однако он вошел в аудиторию и начал лекцию. Он говорил «примерно полчаса, затем, казалось, запылся на какое-то мгновение, протянул правую руку к столу, будто хотел опереться» (New York City Evening Mail, December 16, 1916). Он упал на пол на полушове и тут же умер от обширного удара.

Судебная психология

Первой прикладной областью, к которой обратился Минстерберг, была судебная психология. Он писал журнальные статьи на такие темы, как предупреждение преступлений, использование гипноза при допросе подозреваемых, использование тестов на интеллект для опреде- «Выражаем особую благодарность д-ру Л. Т. Бенджамин за предоставление этой информации, основанной на ее исследованиях бумаг Минстерберга, хранящихся в публичной библиотеке Бостона.

Особенно его интересовала последняя проблема - вероятность ошибочного восприятия преступления. Он провел исследования, в ходе которых свидетелей опрашивали немедленно после имитации преступления. Несмотря на свежесть воспоминаний, отмечалось заметное расхождение ответов испытуемых относительно деталей увиденного. Насколько же будут точны эти свидетельства в зале суда, вопрошает Минстерберг, если преступление и рассмотрение дела разделяют несколько месяцев?

В 1908 году вышла его работа под названием «Со свидетельского места» (On the Witness Stand), посвященная проблеме показаний свидетелей. В книге рассматривались и другие психологические факторы, способные оказывать влияние на решение суда: ложные признания, роль предположений в опросе свидетелей, использование физиологических измерений (пульса, кровяного давления, электрического сопротивления кожи) для обнаружения изменений в эмоциональном состоянии подозреваемого или ответчика. Совсем недавно, в 1976 году, эта работа была переиздана - почти 70 лет спустя первой публикации.

В конце 70-х вновь возник интерес к исследованиям Минстерберга (Loftus, 1979; Loftus & Monahan, 1980), было образовано отделение Американской психологической ассоциации - Американское общество юристов и психологов, целью которого является развитие судебной психологии.

Клиническая психология

Минстерберг начал работать над своей книгой «Психотерапия» (Psychotherapy) (она вышла в 1909 году) в несколько необычной обстановке. Он лечил пациентов в лаборатории, а не в клинике, и никогда не назначал плату за лечение. Он полагался на свою репутацию врача и никогда не скрывал от своих пациентов, какие методы лечения к ним будут применяться.

Психические болезни, считал Минстерберг, возникают из-за неспособности человека приспособить свое поведение к окружающей обстановке, а не в результате скрытых конфликтов в подсознании, как утверждал Зигмунд Фрейд. «Никакого подсознания не существует», - такова была позиция Минстерберга (цит. по: Landy, 1992, p. 792). Когда в 1909 году Фрейд по приглашению Холла посетил университет Кларка, Минстерберг

специально покинул страну. Он вернулся только после того, как Фрейд уехал в Европу, избежав тем самым конфронтации.

Терапевтический метод Мюнстерберга заключался в том, чтобы устранять беспокойные мысли пациента, избавляя его от нежелательных или вредных привычек, заставляя пациента забыть о негативных эмоциях. Он успешно справлялся с рядом проблем, включая алкоголизм, наркотическую зависимость, галлюцинации, навязчивые мысли, фобии и сексуальные расстройства. Первое время он прибегал к гипнозу как методу лечения, но после того, как одна женщина пригрозила застрелить его из пистолета, Мюнстерберг отказался от гипноза. Эта история попала в газету, и мэр Гарварда потребовал от Мюнстерберга, чтобы тот прекратил гипнотизировать женщин.

Книга Мюнстерберга «Психотерапия» привлекла широкое внимание общественности к проблемам клинической психологии, но не была принята Уитмером, который незадолго до этого открыл свою клинику в Пенсильванском университете. Уитмер никогда не достиг, да и не стремился достичь, той популярности, какая сопровождала Мюнстерберга. В одной из статей, написанной им для журнала «Психологическая клиника», Уитмер жаловался, что Мюнстерберг «унизил» профессию, рекламируя методы психотерапевтического лечения. Он говорил, что Мюнстерберг производил впечатление какого-то гипнотизера, потому что «уж слишком бойко действует этот профессор психологии [Гарварда] - будто выплел в своей психологической лаборатории не одну сотню всевозможных нервных заболеваний» (цит. по: Нале. 1980. Р. 110).

Индустриальная психология

Мюнстерберг также содействовал продвижению индустриальной психологии. Началом этой деятельности можно считать публикацию в 1909 году статьи под названием «Психология и рынок» (Psychology and Market). В статье указывались те сферы производства, в которых психология могла бы оказаться полезной: профессионально-техническая подготовка, реклама, управление персоналом и т. д.; рекомендовалось проводить тесты на интеллект, оценивать уровень мотивации наемных работников, а также влияние на результаты труда монотонного характера работы.

Мюнстерберг провел ряд серьезных исследований в тех компаниях, в которых он работал как консультант. Результаты были опубликованы в книге «Психология и эффективность производства» (Psychology and Industrial Efficiency, 1915 г.). Книга пользовалась такой популярностью, что вошла в список бестселлеров. Мюнстерберг доказывал, что наилучший способ повысить эффективность и производительность труда - подбирать работников должностям, которые соответствуют их характеру и умственным способностям. Используя методы психологического отбора, такие, как тесты на интеллект и моделирование процесса производства, работодатели смогут определить знания, умения и способности будущих работников.

Мюнстерберг проводил исследования с людьми различных профессий, таких, как капитан корабля, водитель трамвая, телефонный оператор и продавец, демонстрируя, как техника психологического отбора может способствовать повышению производительности труда. Например, он пришел к выводу, что разговоры в рабочее время снижают эффективность труда. Однако Мюнстерберг предложил не запрещать работникам общаться друг с другом, что неизбежно вызвало бы враждебность с их стороны, а расположить рабочие места так, чтобы затруднить процесс общения. К примеру, говорил Мюнстерберг, можно увеличить расстояние между станками на заводе или разделить перегородками рабочие места в офисе.

Комментации

Мюнстерберг не формулировал теорий, не создавал новых школ мышления, и - с того момента, как он начал заниматься прикладной психологией - не проводил фундаментальных исследований. Он утверждал, что его исследования функциональны, то есть служат конкретным целям и предназначены помогать людям. Мюнстерберг критиковал психологов, «цеплявшихся» за нитропозитивный метод (несмотря на то, что когда-то сам изучал его у Вундта) и не желавших использовать современные методики и открытия на пользу человечеству.

Неоднозначную, но яркую научную судьбу Мюнстерберга можно охарактеризовать одной фразой: психология должна быть функциональной и полезной. Несмотря на особенности его немецкого характера, он был истинным, в духе своего времени, американским психологом.

Прикладная психология в Соединенных Штатах

Деятельность психологов в годы первой мировой войны обеспечила психологии, по образному выражению Кеттла, «место на карте и на первых полосах газет» (цит. по: O'Donnell. 1985. Р. 239). Холл писал, что война «придала огромный импульс прикладной психологии. Для психологии, в целом, она была благом... [Нам] не надо стараться заниматься только чистой наукой» (Hall. 1919. Р. 48). В то время как отдельные психологические издания, такие, как «Журнал экспериментальной психологии», на время войны приостановили свою деятельность, «Журнал прикладной психологии» процветал. К моменту окончания войны, в 1918 году, прикладная психология стала по-настоящему уважаемой профессией. «[Прикладная психология, - говорил Торндайк, - это научная работа. Создать психологию для бизнеса, промышленности или армии тяжелее, чем создать психологию для других психологов, и потому это требует большего таланта» (цит. по: Samfield. 1992. Р. 113).

От успеха прикладной психологии выиграла и фундаментальная наука. Прежде всего, она получила достаточное финансирование, а университетским психологам теперь вполне хватало рабочих мест. Открывались новые факультеты психологии, строились новые лаборатории,

выросло жалование профессоров и преподавателей. Втрое увеличился ряд АРА: с 336 членов в 1917 году до более 1100 в 1930-м (Samfield, 1992).

В 20-х годах психология стала чем-то вроде «национальной мании» (Depisz, 1984, Р. 23). Люди верили, что психологи могут «утрасти» все проблемы - от дистимии в супружестве до неудовлетворенности работой; и помогут продать все что угодно - от автомобилей до жидкости для полоскания рта. Возросшая востребованность психологии для решения проблем реальной жизни обусловила значительный отток психологов из академических исследований в прикладные сферы. Среди психологов, упомянутых в справочнике Кеттла «Ученые Америки» (1921 г.), больше 75 процентов были заняты в прикладных отраслях; для сравнения - в 1910 году это число составляло 50 процентов (O'Donnell, 1985). На конференциях Нью-Йоркского отделения АРА в начале 20-х годов преимущественно - по сравнению с довоенным периодом - возросло число докладов, посвященных прикладным исследованиям (Benjamin, 1991).

Однако к началу 30-х годов - десятилетие всемирной экономической депрессии - прикладная психология подверглась критике за неспособность отвечать требованиям времени. Ведущие представители делового мира сетовали, что индустриальная психология не в состоянии помочь избавиться от нахлынувших бед. Так, например, неудачные опыты с плохо разработанными методиками подбора персонала привели к тому, что на многие предприятия нанимали некавалифицированных работников.

Возможно, ожидания психологов и их клиентов были слишком высоки, но, как бы то ни было, общественность явно охладела к прикладной психологии. Одним из критиков, чей голос звучал громче других, была Грейс Адаме, бывшая студентка Титченера. В своей статье «Упадок психологии в Америке» (The Decline of Psychology in America), опубликованной в одном из популярных журналов, Адаме утверждала, что психология «отказалась от своих научных корней ради того, чтобы отдельные психологи могли обрести популярность и процветание» (цит. по: Benjamin, 1986, Р. 944). «Нью-Йорк Таймс» и другие влиятельные газеты ругали психологов за то, что те преувеличивают свои возможности, и за неспособность улучшить создавшуюся в период депрессии ситуацию. Внимание общественности к психологии ослабло, и ее доброе имя было восстановлено только в 1941 году, когда Соединенные Штаты вступили во вторую мировую войну. И снова война как контекстная сила оказала заметное влияние на развитие психологии.

В годы второй мировой войны психологии пришлось решать множество проблем, и это не только вернуло, но даже и повысило ее авторитет. Почти 25 процентов американских психологов непосредственно участвовали в деятельности армии, а многие другие помогали косвенно - своими исследованиями и публикациями. Как ни странно, война приподняла и ослабевшую психологию в Германии, где нацисты лишили работы всех психологов-евреев. Немецкой армии требовалась помощь психологии в

отборе квалифицированных офицеров, пилотов, подводников и других специалистов (Seiter, 1987).

В послевоенные годы американская психология испытала стремительный рост - наиболее существенные изменения коснулись прикладных направлений. Прикладная психология опередила много лет господствовавшую академическую ветвь, ориентированную на исследования. Если перед второй мировой войной в экспериментальном направлении работало 70 процентов всех докторов наук в области психологии, то в 1984-м это число равнялось всего 8 процентам (Goodstein, 1988). До войны 75 процентов всех психологов, имевших докторскую степень, работали в академических учреждениях, а к 1989 году - только 30 процентов (Kohout & Vicherski, 1990). Смена акцентов коснулась и деятельности Американской психологической ассоциации: основные руководящие посты в ней заняли прикладные психологи (чаще это были представители клинической психологии). В 1988 году группа членов АРА, работавших в области академических исследований, инициировала создание собственной организации - Американского психологического общества (APS).

Комментарии

С той поры, как - во многом благодаря Холлу, Кеттелу, Уитмеру, Скотту и Монстербергу, получившим психологическое образование у Вундта в Германии, - психология появилась в Соединенных Штатах, она претерпела радикальные изменения. В результате их усилий, психология перестала быть наукой лекционных залов, библиотек и лабораторий, она стала частью повседневной жизни. Кроме тестирований, психологии школьного и высшего образования, кинической, консультативной, индустриальной и судебной психологии, появились психологии потребителя, населения, окружающей среды, социальная, терапевтическая, реабилитационная, семейная, спортивная, оздоровительная и военная психологии, а также психологии средств информации. Психологи занимаются проблемами наркомании, религии, искусства, войны и мира, этнических меньшинств и т. д.

Такое расширение сферы применения психологии было невозможно, пока она имела дело с психическими элементами или содержанием сознательного опыта. В этой, посвященной функционализму, главе мы рассказали о людях, идеях и событиях, которые продвинули американскую психологию далеко за границы лейпцигской лаборатории Вундта. Мы рассмотрим следующие вопросы:

1. Взгляды Дарвина на приспособляемость и функционирование.
2. Определение Гальтоном индивидуальных различий.
3. Прагматизм и прагматизм американской психологии.
4. Переход от изучения содержания сознания к изучению его функций, осуществленный Джемсом, Энджеллом, Карром и Вудвортом.

5. Экономические и социальные факторы, а также фактор войны. Благодаря всем этим факторам психология, предназначенная изменить нашу жизнь, стала активной, популярной, популярной и влиятельной наукой. Мощное движение американской практической психологии было усилено бихевиоризмом - следующей по счету школой мышления в психологии.

Вопросы для обсуждения

1. Раскройте экономические факторы, которые повлияли на развитие прикладной психологии. Как вы думаете, смогла бы прикладная психология развиваться без влияния этих факторов?
2. С какими новыми разработками в американской психологии связывают имя Г. Стенли Холла? Каким образом эволюционная теория Дарвина повлияла на взгляды Холла? Почему Холла называли генетическим психологом?
3. Сравните подходы Кеттелла и Бине к проведению тестов умственных способностей. Как они повлияли на развитие методов тестирования?
4. Каким образом метафоры из области медицины и техники способствовали повышению авторитетности проведения тестов на интеллект? Как эти тесты использовались в США для доказательства теории расовых различий по интеллекту и недоразвитости иммигрантов?
5. опишите вклад Уитмера и Монстерберга в развитие клинической психологии. Каково было влияние второй мировой войны на это развитие?
6. Обоснуйте роль Скотта и Монстерберга в создании психологии промышленного менеджмента. Как на ее развитие повлияли исследования в Хоторне? Раскройте роль второй мировой войны в этом процессе.

Вопросы для обсуждения

1. Расскажите о концепции механицизма. Каким образом идеи механицизма применяются для понимания человеческого бытия? Каким образом развитие часовых механизмов и автоматов повлияло на становление идей детерминизма и редукционизма?
2. Чем отличаются взгляды Декарта на проблему соотношения души и тела от более ранних представлений по этому поводу? Каким образом Декарт объяснил функционирование и взаимодействие тела человека и его души? Какова роль в этом процессе шпиковидного тела?
3. Объясните различие между врожденными и приобретенными идеями?
4. Дайте определение позитивизму, материализму и эмпиризму. Каков вклад эмпиризма в развитие новой психологии?
5. Расскажите об эмпирической позиции Локка. Обсудите понятия ощущения и рефлексии, сложных и простых идей у Локка.
6. Как соотносятся позиция Локка и Беркли по поводу проблемы первичных и вторичных качеств? Что имел в виду Беркли, говоря: «Быть — значит быть в восприятии»?

7. Расскажите о ментально-химическом подходе к проблеме ассоциаций. Сравните между собой те варианты решения этой проблемы, которые предлагали Дэвид Юм, Дэвид Гартли, Джемс Милль и Джон Стюарт Милль. Сопоставьте взгляды на природу человеческого разума Джемса Милля и Джона Стюарта Милля.

ГЛОССАРИЙ

Творческий синтез – представление о том, что сложные идеи, возникающие на соединении ряда простых психических элементов, обладают новыми качествами, не сводимыми к качествам элементов. Синтез простых идей порождает нечто большее, чем просто их сумму.

творческий синтез – представление о том, что сложные идеи, возникающие на соединении ряда простых психических элементов, обладают новыми качествами, не сводимыми к качествам элементов. Синтез простых идей порождает нечто большее, чем просто их сумму.

Закон сходства – чем более сходны идеи между собой, тем с большей вероятностью между ними возникают ассоциативные связи.

Закон смежности – чем более близки идеи в пространстве и времени, тем с большей вероятностью между ними возникают ассоциации.

Первичные качества – такие характеристики объекта, которые присущи ему вне зависимости от его восприятия (например, размеры и форма предмета).

Вторичные качества – такие характеристики, которые присущи только нашему восприятию предмета, а не предмету самому по себе (например, цвет, запах).

Ментализм – воззрение, согласно которому все знания есть функции психических процессов. Это означает, что весь процесс познания зависит от воспринимателем мир человека, носителя опыта.

Простые идеи – элементарные идеи, возникающие на основе чувственного опыта или опыта рефлексии. Сложные идеи – идеи производного характера, которые состоят из ряда простых идей. Такие идеи поддаются анализу и могут быть разложены на ряд более простых компонентов.

Теория ассоциаций – концепция, согласно которой сложные идеи образуются путем соединения или ассоциации простых идей.

Позитивизм – учение, признающее действительными только те явления и факты, которые поддаются наблюдению.

Материализм – философское учение, утверждающее, что все события во Вселенной могут быть объяснены в физических терминах, как различные проявления материи и ее свойств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bohan, J. S. (Ed.) (1992) *Seldom seen, rarely heard: Women's place in psychology*. Boulder, CO: Westview Press. Статья посвящена феминистской психологии и проблемам маргинализации женщин и женского опыта в науке.
2. Goodchilds, J. D. (1991) *Psychological perspectives on human diversity in America*. Washington, DC: American Psychological Association. Приводятся тексты открытых лекций пяти выдающихся психологов, посвященные проблемам расы, этнического своеобразия, пола и сексуальных ориентаций.
3. Guthrie, R. V. (1976) *Even the rat was white: A historical view of psychology*. New York: Harper & Row. В книге рассматривается вклад чернокожих ученых в развитие психологии в Америке.
4. Jones, R. L. (Ed.) (1991) *Black psychology* (3rd ed.). Berkeley, CA: Cobb & Henry. Работа посвящена изучению и пониманию поведения человека с различных позиций, выступающих как альтернатива европоцентризму.
5. O'Connell, A. N. & Russo, N. F. (Eds.) (1990) *Women in psychology: A bio-bibliographic sourcebook*. New York: Greenwood Press. В книге приводятся краткие биографии 36 выдающихся женщин в истории психологии, включая таких исследователей, как Анастаси, Кал-кинс, Кларк, Денмарк, Фрейд, Холлингвуд и Хорни.
6. Boonstin, D. (1983) *The Discoverers*. New York: Random House, углубительная книга о великих открытиях в истории человеческих знаний. Рассказ о том, как первооткрыватели и их сторонники борются за место в науке с догмами и мифами.
7. Вухтон, С.Е. (Ed.) (1985) *Points of view in the modern history of psychology*. Orlando, FL: Academic Press. Вопросы историографии (принципы и методы исторического исследования). О философских биологических и религиозных взглядах на силу контекстного воздействия (см. главу 14).
8. Cadwallader, T.C. (1975) *Unique values of archival research. Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 11, 27-33. статья о роли архивных исследований (неизданные документы, дневники, переписка и записные книжки), раскрывающих воздействие личности ученого на его идеи.
9. Fustono, L. (1989) *The new history of psychology*. In S. Cohen (Ed.), *The G. Stanley Hall lecture series* (vol. 9, pp. 5-34). Washington DC: American Psychological Association. Основываясь на анализе исторических фактов, автор обосновывает влияние конкретных факторов и показывает, как такой подход ведет к новому пониманию роли психологов-женщин в развитии науки.
10. Ladner, D.S. (1983) *Revolution in time: Clocks and the making of the modern world*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press. В работе рассматривается влияние развития часовых механизмов на становление общества и науки.

11. Leary, D.E. (Ed.) (1990) *Metaphors in the history of psychology*. Cambridge, England: Cambridge University Press. В книге исследуется роль метафор для описания и понимания процессов ассоциации, объяснения, эмоций, мотивации, познания, поведения и сознания.

12. Lowrey, R. (1982) *The evolution of psychological theory: A critical history of concepts and presuppositions* (2nd ed.), Hawthorne, NY: Aldine. В книге анализируются основные предпосылки и допущения, на которых основывалось развитие психологии, начиная с психологического и физиологического механизмов XVII века.

13. Watson, R.L. (1971) A prescriptive analysis of Descartes's psychological views, *Journal of the History of the Behavioral Science*, 7, 223-248. в статье рассматриваются представления Декарта о строении ума, а также о различии между телом и душой.

14. Katzell, R.A. & Austin, J.T. (1992) From then to now: The development of industrial-organizational psychology in United States. *Journal of Applied Psychology*, 77, 803-835. О развитии индустриальной/организационной психологии с начала XX века, оценка влияния индустриальной/организационной психологии на современную психологию и американское индустриальное общество.

15. Landy, F.J. (1992) Нуго Милстербег: Victim or visionary? *Journal of Applied Psychology*, 77, 787-802. Анализ вклада Милстербег в прикладную психологию и возможных причин гонений на него.

16. McReynolds, P. (1987) Lighter Wilmer: Little-known founder of clinical psychology. *American Psychologist*, 42, 849-858. рассказ о жизни и карьере Уилмера, о работе его клиники при университете Пенсильвании, оценка его вклада в психологию.

17. Sokal, M.M. (Ed.) (1987) *Psychological testing and American society: 1890-1930*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press. Рассматриваются идеи, программа и практика первых лет тестологии.

18. Von Mauffauser, R.T. (1989) Making intelligence functional; Walter Dill Scott and applied psychological testing in World War I. *Journal of the History of the Behavioral Science*, 25, 60-72. описываются достижения Скотта, Тордайка и других психологов в создании групповых тестов на интеллект.

19. White, S.H. (1990) Child study at Clark University: 1894-1904. *Journal of the History of the Behavioral Science*, 26, 131-150. описывается метод анкетирования при изучении детского развития, разработанный Г.Стэнли Холлом.

-1383/44-

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI OLIY TA'LIM,
FAN VA INNOVATSIYALAR VAZIRLIGI
SHIRSHID DAVLAT PEDAGOGIKA UNIVERSITETI
AXBOROT RESURS MARKAZI

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ (История психологии)

Редактор: Х. Тахиров
Художественный редактор: Т. Рахматуллаев
Компьютерная верстка: А. Мухаммадиев